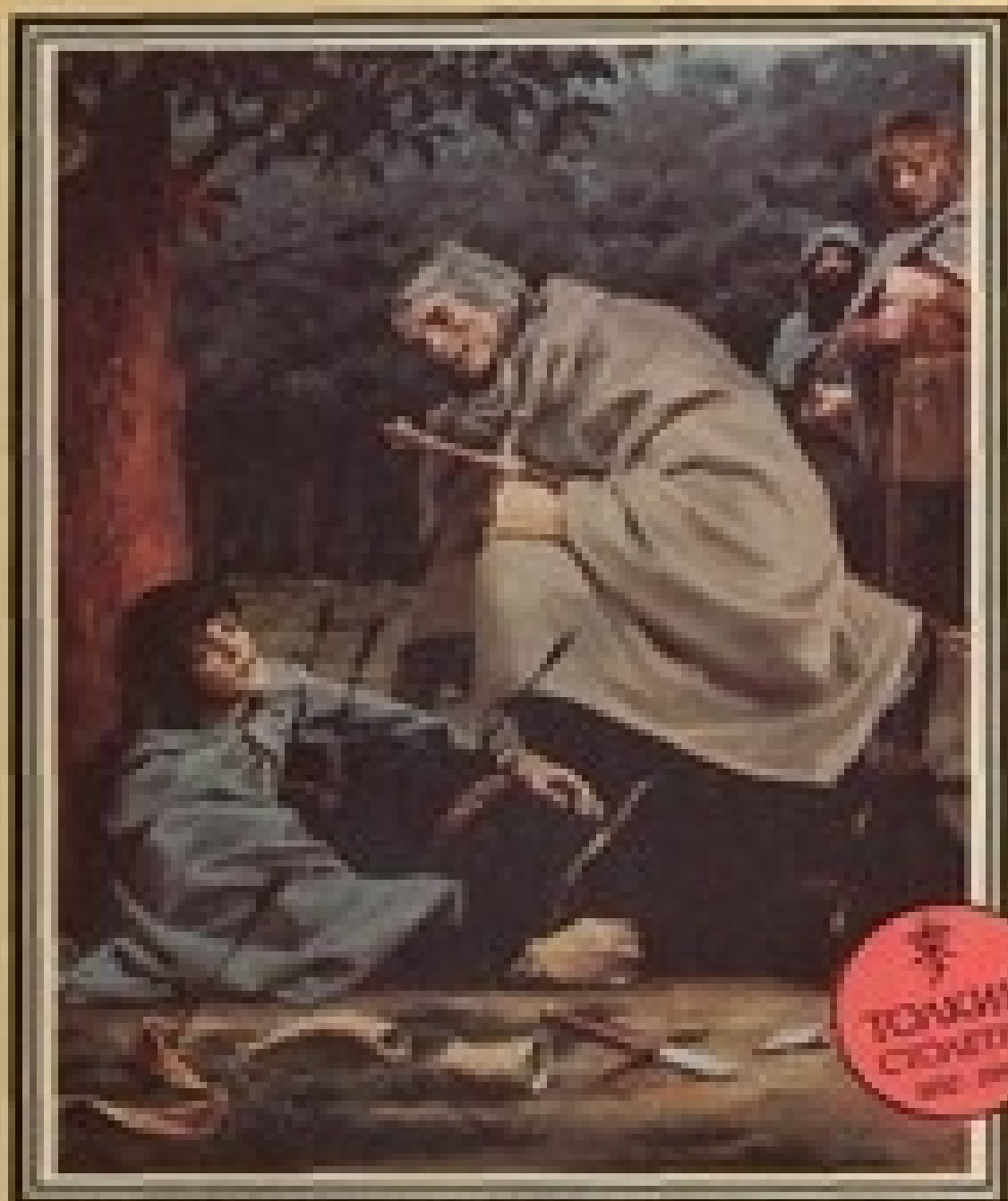

ДЖ. Р. Р. ТОЛКИН

ЦВЕ КРЕПОСТА

БРИСТЕЛСКИ МОЛЕС

Annotation

Трилогия «Властелин Колец» бесспорно возглавляет список «культовых» книг XX века. Ее автор, Дж.Р.Р.Толкин, профессор Оксфордского университета, специалист по древнему и средневековому английскому языку, создал удивительный мир – Среднеземье, который вот уже без малого пятьдесят лет неодолимо влечет к себе миллионы читателей. В этом мире существуют милосердие и справедливость, четкое различие Добра и Зла и знание о победе Добра. Эпопею Толкина, как миф, можно интерпретировать по-разному – и как повествование о бывших или будущих событиях, и как притчу, и как аллегорию, и как историю духовного восхождения, и как фантастику, – все толкования будут верны, но ни одно не станет полным.

Джон Рональд Руэл Толкин

Две крепости

КНИГА III

1. СМЕРТЬ БОРОМИРА

Арагорн бежал вверх по склону, часто наклоняясь и осматривая землю. Шаг у хоббитов легкий, почти как у эльфов, и даже следопыту нелегко было разглядеть их следы. Невдалеке от вершины тропинку пересекал ручей и на влажной земле Арагорн нашел то, что искал.

– Я был прав, – сказал он себе. – Фродо поднимался на холм. Поднялся, увидел что-то и спустился почти тем же путем, – он постоял в нерешительности: идти ли к дозорной беседке или спускаться вниз. Время торопило и он бросился вперед, достиг вершины, сел в караульное кресло и огляделся. Но мир предстал перед ним не ясным и безграничным, а туманным и серым. Солнце словно потускнело. Арагорн внимательно осмотрел горизонт, но ничто не привлекло его внимания. Только очень далеко на севере парила медленными кругами большая птица, похожая на орла. В этот момент чуткое ухо Следопыта уловило неясные крики внизу, на западном берегу Реки. К своему ужасу он различил среди них хриплые голоса орков. Потом все покрыл громоподобный зов большого рога, эхом раскатившийся в окрестностях холмов и перекрывший даже рокот водопада.

– Рог Боромира! – вскричал Арагорн и огромными прыжками помчался вниз с холма. «Что за несчастный день сегодня, – думал он на бегу, – что я ни делаю, все не так! Однако куда же подевался Сэм?»

Крики были слышны все громче, а рог наоборот, все слабее и отчаяннее. Вопли орков перешли в свирепый визг, и звук рога вдруг оборвался. Сразу вслед за этим смолкли и голоса. Выхватив меч, Арагорн еще быстрее помчался через лесную чащу. Боромира он нашел почти в лиге от Порт Галена, на поляне, недалеко от берега. Гондорец сидел, прислонившись к дереву и, казалось, отдыхал. Но сломанный меч, разрубленный рог, множество черных стрел в его теле и груда трупов орков сказали Арагону все. Когда он опустился на колени подле воина, Боромир открыл глаза и с трудом проговорил:

– Я хотел отнять Кольцо у Фродо. Я раскаиваюсь. Это – расплата, – он глазами словно пересчитал трупы врагов. Их было не менее двадцати. – Невысокликот нет. Орки схватили их и связали, но не убили, – он устало прикрыл глаза и через минуту продолжал: – Прощай, Арагорн. Иди в Минас Тирит, защищай мой народ. Я побежден.

– Нет, – горячо ответил Следопыт, держа воина за руки и поцеловав его в лоб, ты победил. Не многим выпадала на долю такая победа. Будь спокоен. Минас Тирит не покорится врагу.

Тень улыбки промелькнула на бледном, без кровинки, лице Боромира.

– Куда ушли орки? Фродо с ними? – допытывался Арагорн, но Боромир не отвечал больше. Плечи Следопыта поникли.

– Наследник Денетора умер, – сказал он и странно прозвучал в тишине его голос. – Нет больше стража Белой Башни. И нет нашего отряда. Моя вина. Напрасно, Гэндальф, ты надеялся на меня. Куда же идти теперь? В Минас Тирит, как завещал этот воин и как говорит мое сердце? Но как же Кольцо и Хранитель? Как найти, как спасти его?

Таким, на коленях, склонившимся в слезах над Боромиром, и нашли его Леголас и Гимли. Колчан Леголаса был пуст. На поляне они остановились в изумлении и скорбно склонили головы: обоим было ясно, что произошло.

Леголас подошел к Арагону, опасаясь самого худшего. – Мы гнали их по лесу и многих убили, но почему нас не было здесь? – воскликнул он. – Рог позвал нас, но поздно. Куда вы ранены, друг мой?

– Боромир убит, – глухо ответил Арагорн, – а я не ранен, потому что он принял бой один. Я был на верху, а он пал, защищая наших друзей.

– Но где же хоббиты? Где Фродо? – спросил Гимли. – Не знаю. Боромир, умирая, сказал, что орки схватили их, но они были живы. Я послал его охранять Мэрри и Пина, а о Фродо он уже ничего не успел сказать. Что бы я не делал сегодня, все не так! – в сердцах воскликнул Следопыт, – я не знаю, что делать теперь.

– Сначала похоронить нашего друга, – ответил Леголас. – Нельзя оставлять его рядом с гнусными орками.

– И нужно спешить, – добавил Гимли. – Он не хотел бы, чтобы мы медлили. Если хоббиты живы, надо догнать орков и отбить их.

– Но мы же не знаем что с Хранителем. Какой тяжелый выбор приходится делать! Искать его или спешить на помощь Мэрри и Пину?

– Сначала все же – самое необходимое, – ответил эльф. – Надо сделать хотя бы холм из камней над могилой храброго воина.

– Нет, – решил вдруг Арагорн, – камней здесь нет и мы поступим иначе. Вверим его тело Андуину. Великая Река позаботится о нем сама, и ни одна гнусная тварь не осквернит его праха.

Втроем они собрали мечи орков, разбитые шлемы и щиты. Получилась большая груда.

– Смотрите! – вскричал вдруг Арагорн, и поднял два коротких меча с красной и золотой насечкой, а вслед за ними и черные, в мелких яхонтах, ножны. – Это оружие наших хоббитов. Орки не посмели тронуть нуменорские клинки – на них гибельные для Мордора чары. Значит, если они живы, то безоружны. Я возьму их с собой и постараюсь вернуть владельцам.

– Мне нужны стрелы, – сказал Леголас, у меня нет ни одной, а здесь их достаточно, – но первая же стрела, которую он поднял, заставила его задуматься, потому что обычные стрелы орков были короче и иначе сделаны.

Тем временем Арагорн, приглядевшись к убитым, сказал:

– А ведь здесь не только воины Мордора. Насколько я знаю орков, вот эти пришли с севера, от Туманных Гор, а этих я и вовсе не знаю. И оружие у них совсем другое.

Среди убитых было четверо воинов, обликом совсем не схожих с орками. Высокие, с крупными чертами лица и раскосыми глазами. Мечи их были широкими и прямыми, тогда как орки признавали только кривые ятаганы. Самшитовые луки были такими же, как у людей. На щитах странный герб – белая рука на черном поле, а на шлемах – руническое "С" из белого металла.

– Что бы это могло значить? – пробормотал Арагорн. – Я никогда не видел таких знаков...

– Да это же понятно, – объяснил Гимли, – "С" – это Саурон.

– Но Саурон не пользуется альфийскими рунами, – возразил Леголас.

– Как и своим именем, – добавил Арагорн. – И он не терпит белого цвета. Орки Барад-дура носят знак Красного Ока, – он задумался. – "С" – это Саруман! Значит, Скальбург охвачен тьмой и Западу грозит опасность. Этого и опасался Гэндальф. Значит, Саруман знает о нашем походе, а может быть и о гибели Гэндальфа. Саруману служат даже птицы и ему ведомо многое.

– Нам некогда разгадывать загадки, – остановил его Гимли. – Давайте отнесем Боромира.

– Если мы хотим сделать правильный выбор, загадки разгадывать все-таки придется.

– Может быть, правильного выбора и нет, – с горечью сказал гном.

Они срубили несколько жердей, связали тетивами луков убитых, сверху положили плащи. На эти носилки уложили тело Боромира и отнесли на берег Реки. Сюда же принесли его последние трофеи. Арагорн остался у воды, а Леголас и Гимли поспешили к Порт Галену, где остались лодки, и спустя некоторое время вернулись на них вдоль берега.

– Странное дело! – еще с реки крикнул Леголас. – Третьей лодки нет.

– А орки там побывали?

– Непохоже. Если бы они добрались до лодок, то уничтожили бы и вещи.

– Надо осмотреться внимательно, когда мы вернемся туда, – сказал Арагорн.

Они грудой навалили на дно лодки мечи и шлемы врагов и уложили Боромира на это боевое ложе, подложив под голову свернутый плащ. В ногах положили разрубленный рог и сломанный меч. Потом, ведя погребальную лодку на буксире, поплыли вдоль берега, пока не миновали зеленый луг Порт Галена. Тогда перерезали веревку, связывающую лодки.

С расчесанными по плечам темными кудрями, сверкая золотым лориэнским поясом, Боромир лежал спокойный и светлый, и Андуйн уносил его, пока они придерживали свою лодку на течении. Вдали неумолчно шумел Рэрос, и лодка Боромира скоро стала черной точкой в бликах беспокойной воды.

Река унесла сына Денетора, правителя Гондора, и больше никто и никогда не видел его стоящим на вершине Белой Башни. Но много лет спустя в Гондоре рассказывали, как эльфийская лодка с его телом спустилась по водопаду, миновала Оспиат и мосты на Реке и ушла в Великое Море.

Все трое долго смотрели ей вслед. Потом нарушил молчание Арагорн:

– Стражи Белой Башни будут ждать его, но он не вернется ни с гор, ни с моря.

Бродяжник негромко запел:

*Из дальних пределов, с бескрайних равнин,
с бездонных слепых болот
Проносится Западный Ветер, кружа, и в древние стены бьет.
О ветер бродячий! Какая весть летит на твоих крылах?
Где странствует ныне герой Боромир? В каких безвестных краях?
– Я видел: скакал он чрез семь стремнин бурлящей седой воды.
Я видел: в сыпучих песках пустынь остались его следы.
Он скрылся на север, и с этих пор я видеть его не мог.
Но Северный Ветер, быть может, слышал героя стозвонный рог?
О Боромир! С высокой стены я взор устремляю вдаль.
Но ты не вернулся с пустынных земель, и в сердце моем печаль.*

К голосу Бродяжника присоединился высокий и чистый голос эльфа:

*С горячих и вспоенных губ морских, от дюн, чей песок палящ,
Приносится Южный Ветер, и в нем тоскующий чаек плач.
О стонущий ветер! Какая весть сегодня пришла с тобой?
Где странствует ныне герой Боромир? Вершит ли жестокий бой?*

*– Увы, мне не ведом героя путь. Но горы недвижных тел
На белых и черных морских берегах я видел, пока летел:
Их много легло по пути на юг – искателей светлых вод...
Но Северный Ветер, быть может, тебе счастливую весть несет?*

*О Боромир! К дороге на юг я взором своим приник,
Но слышу лишь шелест печальных волн и чаек тревожный крик.*

Теперь уже все три голоса: человека, эльфа и гнома, вели мелодию погребальной песни.

*Из сумрачных стран, от Ворот Королей, где в бездне шумит поток
Проносится Северный Ветер, трубя в холодный и чистый рог.
О ветер могучий! Какую весть сегодня принес ты мне?
Где странствует ныне герой Боромир? Быть может в твоей*

стране?

*– Я видел, как вел он неравный бой, я слышал призывный клич,
Я видел, как злая рука врага сумела его настичь...
И тело его приняла вода, умчав похоронный челн...
Героя укрыл Золотой Водопад в дыханье летящих волн.*

*О Боромир! Я смотрел туда, где ты погрузился в сон.
Я там, где поет Золотой Водопад – с тобой до конца времен...*

Песня кончилась. Друзья повернули лодку и против течения вернулись к Порт Галену. Выйдя на берег, Арагорн тщательно осмотрел зеленый луг.

– Орков здесь не было, – уверенно заявил он. – Много наших следов, но возвращался ли кто-нибудь из хоббитов, я не знаю.

Однако, у самого берега, там, где в Андуйн впадал маленький ручей, он оживился.

– Вот здесь один из наших друзей входил в воду, а потом вышел, вот только когда? – он повернулся к стоянке и внимательно осмотрел поклажу.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Гимли. – Двух сумок нет. Одна, побольше и потяжелее, Сэмова. Вот и ответ. Фродо ушел на лодке вместе с Сэмом. Думаю, что Фродо вернулся, когда никого из нас не было. Я велел Сэму идти за мной, но он, видно, не послушался, потому что догадался о намерениях Фродо. Да, от Сэма так просто не отделаешься.

– Но почему же он уплыл, не сказав ни слова? – недоумевал Гимли. – Это странный поступок!

– И очень отважный, – сказал Арагорн. – Фродо не захотел вести друзей на гибель, и Сэм это понял. Но самому ему нужно было идти. Видно что-то пересилило его сомнения и страхи.

– Не орки ли? – предположил Леголас.

– Едва ли, – задумчиво ответил Арагорн. – Он решил не говорить о последних словах Боромира, понимая, что именно они испугали Фродо и заставили его уйти одного.

– Во всяком случае, Фродо больше нет на этом берегу, – подвел итог эльф. – Только он мог взять лодку. А свою сумку мог взять только Сэм, значит они ушли вместе.

– Так не будем терять времени! – воскликнул Гимли. – Или надо плыть вдогонку за Фродо, или – в погоню за орками!

– Дайте мне подумать, – попросил Арагорн, – и пусть я, наконец, приму правильное решение.

Он молчал несколько минут, полностью уйдя в себя, после чего объявил:

– В погоню за орками! Если мы будем искать Фродо неизвестно где, то пленников ждет мучительная смерть. Мое сердце ясно говорит, что судьба Хранителя больше не зависит от меня. Отряд сделал все что мог. Но пока у нас есть силы, мы не бросим друзей в беде. Мы пойдем налегке и будем спешить.

Арагорн вел их по следам орков весь день до темна. Ночью был короткий отдых, а с первыми проблесками утра они снова были на ногах и совершенно неожиданно наткнулись на следы недавнего сражения. Земля была изрыта, вокруг валялось несколько ятаганов и видна была кровь.

– Орки из-за чего-то передрались между собой, – заявил Следопыт, внимательно изучив поляну.

– Хотелось бы надеяться, что не из-за пленников, – мрачно сказал Гимли. – Я не хочу верить, что они погибли здесь.

Продолжение следа удалось найти с трудом. Он привел их на гребень холма и здесь холодный ветер обдал им лица. Над темными горными грядами позади появился красный край солнца. Далеко на юге розовыми переливами засияли вершины Белых Гор в Гондоре. Арагорн неотрывно смотрел на них, потом протянул руку, словно в знак приветия, и с трудом отвел глаза.

По следам было видно, что орки торопятся. Иногда на тропе попадался изодранный черный плащ или разбитый на камнях сапог. Перевалив каменную гряду, путники остановились.

Перед ними, на сколько хватало глаз, расстилались необозримые луга Ристании – волнующееся море густой высокой травы. Воздух был чистым и ароматным, словно в преддверии весны. Леголас вздохнул полной грудью и лицо его стало светлым и лучистым.

– Пахнет зеленью, – теплым голосом сказал он. – Это лучше всякого отдыха. Я устал на камнях, но здесь силы вновь вернулись ко мне. Поспешим же!

Они мчались, словно собаки по горячему следу. И здесь к ним пришла первая весточка от пропавших друзей. В сторону от вытоптанной орками тропы отходил след маленьких легких ног, перекрытый тяжелыми следами погнавшегося за беглецом орка. Там, где первые следы исчезали, Арагорн поднял из травы зеленую с серебром пряжку в виде букowego листа.

– Пряжка из Лориэна! – одновременно воскликнули Леголас и Гимли.

– Да, – подтвердил Арагорн. – Не напрасно падают листья в Лориэне. Это не потеря, это знак для нас. Кто-то из хоббитов специально отбежал в сторону, чтобы оставить его. Наверное это был Пин, он моложе и быстрее всех. Мы на верном пути, друзья!

Целый день прошел в погоне. Ночь и усталость заставили их остановиться. Арагорн уснул, едва успев лечь: он не спал с самой высадки в Порт Галене. Гимли тоже уснул, где сел. Только Леголас провел ночь без сна, глядя на звезды. Запахи трав и звездный свет были для эльфа лучшим отдыхом.

Утром Арагорн долго слушал, припав ухом к земле, потом легко поднялся на ноги и сказал, что ночью он слышал коней, скачущих на запад, а сейчас они повернули к северу. Орков едва слышно. Они очень далеко.

Шел третий день погони. След был отчетливый, и они бежали молча, не останавливаясь даже для еды. Эльфийские плащи делали их почти невидимыми в траве. Вечером за спиной осталось около двадцати четырех лиг, и Изгарные Горы скрылись из глаз. Небо затягивалось и сам воздух вокруг помрачнел.

Усталость сказывалась, но сильнее усталости сказывалась чья-то недобрая воля, мешавшая идти вперед. Нетрудно было догадаться, кто встает у них на пути: след вел к Скальбургу, владениям Сарумана.

Северный ветер принес холод к ночи. Человек и гном спали беспокойно и только эльф снова провел ночь на ногах, пребывая в светлой грезе наяву, ведомой только этим чудесным существам. Иногда он принимался тихонько петь и тогда в небе проглядывали звезды. Перед утром ветер разогнал туман и, когда рассвело, преследователи увидели, что следы орков ведут к Лесу Фангорна.

От зорких глаз Арагорна не укрылось какое-то движение вдали, на фоне зелени. Леголас, стоявший рядом с ним, прикрывая глаза красивой рукой с длинными тонкими пальцами, увидел гораздо больше.

Арагорн припал к земле. – Всадники! Много! Очень быстрые кони.

– Да, – подтвердил Леголас. – Сто пять человек. Вооружены копьями. Светловолосые. Тот, кто ведет их, очень высокий. Лигах в пяти от нас.

– Пять лиг или одна, – нам все равно негде укрыться на этой равнине. Надо решить: ждать их или идти своей дорогой.

– Подождем, – ответил Арагорн. – Я устал, а конца нашей погони не видно. Всадники, мне кажется, идут по следу орков. Может быть мы услышим от них что-нибудь новое.

– А может быть познакомимся с их копьями, – в тон ему добавил Гимли.

Они спустились с вершины невысокого холма в траву, закутавшись в плащи.

Чувствуя тревогу гнома, незнакомого с народом Ристании, Арагорн коротко рассказал ему о них. По его словам, люди Ристании хотя и отличались вспыльчивым нравом, но были верны и великодушны, отважны, но не жестоки, горды, умны, совершенно неграмотны, хотя знали много песен и сказаний. Они в дружбе с Гондором и уж во всяком случае, не любят орков. Говорили, что они платят дань Мордору, но

Арагорн этому не верил.

Всадники, между тем, были уже совсем близко. Они ехали стройными рядами по двое на красивых сильных конях. Короткая серая шерсть благородных животных блестела, хвосты развивались по ветру, гривы заплетены. Рослые воины в блестящих кольчугах держали длинные ясеневые копья, за спиной у них были расписные щиты, у пояса – длинные щиты. Они ехали мимо, не замечая путников. Отряд почти миновал их, когда вдруг Арагорн вскочил и громко окликнул воинов.

– Что нового на Севере, всадники Ристании?

Отряд мгновенно, без команды, развернулся в кольцо, замкнувшееся вокруг троих друзей. Острия копий были направлены на них. Предводитель отряда приблизился к Арагорну и потребовал, чтобы пришельцы назвали себя.

– В вас что-то непонятное, – сказал он. – Почему мы вас не заметили? Вы – эльфы?

– Нет, – спокойно ответил Арагорн. – Среди нас только один эльф, но наши плащи подарены нам правительницей Лориэна.

– Так вы в дружбе с Волшебницей из Золотого Леса? Значит, вы и сами колдуны и волшебники, вы и ваши молчаливые друзья! – предводитель нахмурился и положил руку на рукоять меча. Гимли так и вскинулся, схватившись за топор. Темные глаза его сверкали.

– Назови себя, коневод, в ответ получишь мое имя и кое-что в придачу! – дерзко крикнул он.

Всадник помедлил с ответом, внимательно разглядывая гнома.

– На землях Ристании спрашиваю я. Но для тебя, пришелец, я сделаю исключение. Я – Эомер, сын Эомунда, военачальник пограничной области. А теперь жду, что скажешь ты?

– Слушай же, Эомер, сын Эомунда! Я – гном Гимли, сын Глоина, и я запрещаю тебе непочтительно отзывать о правительнице Лориэна. Только неразумие может извинить тебя!

Взгляд Эомера грозно сверкнул.

– Будь ты повыше ростом, почтенный гном, я отрубил бы тебе голову вместе с бородой.

– Он не один, – вмешался Леголас, мгновенно натягивая лук, – ты умрешь раньше, чем возьмешься за меч!

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Арагорн не встал между ними.

– Постой, Эомер! – воскликнул он. – Мы не хотим зла ни Ристании, ни ее народу, ни людям, ни коням. Выслушай нас, прежде чем братья за меч. Может быть тогда тебе станет понятен гнев моих спутников.

Эомер, помедлив, снял руку с клинка. Леголас и Гимли тоже оставили оружие. Бурное начало не помешало разговору и скоро они узнали, что Ристания не служит Темному Властелину, но между ними нет и войны. До сих пор ристанийцы сохраняли свою свободу и независимость, но сейчас границы их в опасности и чужеземцам закрыт путь в пределы страны.

– Но кто же вы? – вновь спросил Эомер. – Кому служите? И по какому праву оказались на земле Ристании?

– Я никому не служу, – ответил Арагорн, – но слуг Врага преследую всюду, где бы ни свела меня с ними судьба. Орки – мои враги. Я знаю, о них куда больше многих, а сейчас преследую их отряд, захвативший двух наших друзей. У нас нет коней, в погоне мы полагаемся только на свои ноги, а в подобных случаях надо спрашивать о праве? Врагов я считаю только мечом. Как видишь, я не безоружен.

С этими словами он выхватил Андрил, сверкнувший на солнце, как белое пламя.

– Ты хочешь знать, кто я? Перед тобой Арагорн, сын Арахорна, потомок Исилдура Гондорского! Вот возрожденный меч Исилдура. Теперь ты знаешь, кто я, а я хочу знать, помощи или помехи ждать мне от вас? Решайте быстро!

Леголас и Гимли в огромном изумлении смотрели на своего товарища. Они никогда не видели его таким. Бродяжник словно вырос. В его властных чертах светился отблеск невиданной силы и величия.

Эльфю показалось, что над головой Арагорна сверкнул венец, о котором когда-то рассказывал Гэндальф.

Эомер невольно отступил на шаг. Перед ним стоял вождь из древних легенд, с любовью сохраняемых его народом. В ристанийце не осталось ни следа надменности и он почтительно отвечал на вопросы Арагорна. Так друзья узнали, что отряд орков, который они преследовали, полностью истреблен, трупы врагов сожжены, но кроме орков там никого не было.

По знаку Эомера всадники оставили его наедине с пришельцами.

– Как ни странно то, что вы говорите, – обратился он к Арагорну, – но это правда. Люди Ристании не лгут, поэтому их трудно обмануть. Но ведь вы сказали далеко не все. Мне нужно принять решение, а я знаю пока очень мало.

Узнав о том, что отряд возглавлял Гэндальф, Эомер помрачнел.

– Гэндальфа Серого знают в Ристании, – сказал он, – но наш правитель не хочет больше о нем слышать. Каждый раз вслед за его появлением у нас начинались странные события. Кое-кто говорит, что Гэндальф – недобрый вестник.

Весть о гибели Боромира сильно опечалила Эомера. Но когда он узнал, что с тех пор минуло только четыре дня, он очень удивился:

– Как! И вы с того самого дня преследуете орков пешком?

– Как видите, – ответил Арагорн.

– Вы не Бродяжник, сын Арахорна, – сказал Эомер, – вам больше подошло бы имя Странствующего Орла. Четвертый день еще не кончился, а вы прошли сорок пять лиг.

Ристанец рассказал, что правитель Теоден в последнее время подпал под влияние плохих советников, но народ Ристании не забыл о древнем союзе с Гондором, и в Ристании есть кому прийти на помощь Минас Тириту. Но сейчас главная опасность – Саруман. Он хочет поработить страну, ему служат и орки, и оборотни, и даже дикари. Их отряды перекрыли ущелье, чтобы отрезать путь западным союзникам Ристании, но не это главное. Саруман – могучий маг, он может принять любое обличье. Его видят то там, то здесь в облике старика в плаще с капюшоном. Всюду у него находятся сообщники и шпионы.

– Все это вы увидите сами, если придете во дворец Теодена, – закончил Эомер. – Только придете ли вы?

– Приду, как только смогу, – твердо сказал Арагорн. Но предложение присоединиться к отряду Эомера, который шел к Западным границам Ристании сражаться с орками, он отклонил, сказав, что обязан спасти друзей. Положение Эомера было сложным. В такое тревожное время закон не позволял чужеземцам бродить по стране без разрешения правителя. Но он поверил Арагорну и не стал препятствовать им, а даже дал коней с условием вернуть их в Эдорас, правителю.

– Это докажет, что я не ошибся в вас, – добавил он. – Честь и жизнь моя в ваших руках.

– Вам не придется жалеть об этом, – ответил Арагорн. – Нам еще не раз биться бок о бок, и я надеюсь не остаться в долгу.

Они расстались друзьями. Прощаясь, Гимли не преминул напомнить Эомеру, что спор о прекрасной Правительнице Лориэна еще стоит между ними. Вы должны научиться говорить о ней подобающим образом, – заявил гном, – а я готов помочь вам в этом.

– Там видно будет, с улыбкой махнул рукой Эомер, и они расстались.

Уже в сумерках на краю Леса Фангорна, друзья нашли место, где Всадники истребили орков. Остатки кострища еще дымились. Ни единого следа хоббитов не было видно.

– Вот и все, – понурившись, сказал Гимли. – Бесполезно искать кости наших друзей среди костей орков. Пожалуй прав был Элронд, когда не хотел их отпускать.

– Но Гэндальф был, помнится, другого мнения, – возразил Леголас.

– Ну, здесь дар предвидения изменил ему. Он сам же первый и погиб.

– Гэндальф решил так не потому, что предвидел или не предвидел ход событий, – сказал Арагорн. – Есть дела, которые приходится делать даже если знаешь, к чему это приведет. Я предлагаю остаться здесь до утра. Не стоит ночью бродить в Лесу Фангорна без крайней нужды.

Они набрали валежника и развели костер. Все трое знали из глухих преданий, что в этом древнем и странном лесу нельзя трогать живые деревья.

Первое дежурство досталось Гимли. Арагорн уснул сразу же, Леголас по обыкновению пребывал в грезах между сном и явью. Гимли долго сидел у костра, пока что-то не заставило его поднять голову. У самой границы светового круга под сенью деревьев кто-то стоял. Загородив глаза от пламени костра, Гимли всмотрелся и увидел старика, закутанного в плащ и с посохом в руке. Слова Эомера о Сарумане громом отозвались в памяти гнома. Гимли вскрикнул и вскочил. Следопыт и эльф в то же мгновение были на ногах. Но старик исчез, словно его и не было. Леголас горестно ахнул: ристанийские кони пропали. Издали, едва слышно, доносилось их звонкое ржание.

Подавленные этим новым несчастьем, все трое молчали. Одни, в колдовском Лесу Фангорна, без Всадников, единственных союзников в этой стране, а теперь и без лошадей – было от чего прийти в отчаяние. Арагорна мучила еще и мысль об обещании, данном Эомеру.

– Что же, – коней нам не найти. Придется обойтись без них. Пешими направились мы на поиски, пешими и будем их продолжать.

Гимли, понуро сидевший у костра, сказал: – Это был Саруман. Именно так описал его Эомер. Это он увел наших коней.

– Насколько мне удалось рассмотреть, – ответил Арагорн, – старик был в шляпе, а Эомер говорил о капюшоне. Как бы там ни было, опасность, видно, близка, – он помолчал. – Утро вечера мудренее. Ложись спать, Гимли. Мне нужно подумать, я посижу у костра.

Ночь была долгой. Арагорна сменил Леголас, под утро снова дежурил Гимли. Но больше ничего не произошло. Старик не появлялся. Не вернулись и кони.

Наконец рассвело. Все трое приободрились и готовы были продолжать поиски. Гимли пытался разыскать следы ночного гостя.

– Если он оставляет следы, значит, не привиделся нам, а был на самом деле. Трава, правда, высокая, но может Бродяжник что усмотрит, – бормотал он, – ползая по деревьями. – А если следов нет, значит это был призрак.

– Может и призрак, – ответил Арагорн, – кони-то были настоящие. Как ты думаешь, Леголас, их что-нибудь испугало?

– Я бы так не сказал, – задумчиво произнес эльф. – Ржание, скорее было радостным, как при встрече с кем-то или чем-то хорошо знакомым.

– Вот и мне так показалось, – подтвердил Арагорн, – только что это могло быть? Светает. Пора взглянуть на следы. Если наши друзья живы, то могут скрываться только в лесу. Если же следов нет, – он помолчал и со вздохом dokonчил: – все равно будем продолжать поиски, пока не убедимся, что они напрасны.

К счастью следы отыскивались удивительно быстро. На берегу ручья Следопыт поднял и с радостью показал друзьям большой, уже начавший вянуть, лист с прилипшими к нему крошками. Здесь же в траве нашлось еще несколько крошечных кусочков.

– Это остатки лепешек, – уверенно заявил Арагорн, – а вот и перерезанная веревка.

– А перерезали ее вот этим, – добавил Гимли, извлекая из травы втоптаный в землю нож с коротким зазубренным лезвием. Неподалеку нашлись сломанные ножны. Гимли с отвращением разглядывал рукоять с изображением безобразного косоглазого лица, оскаленного в жуткой ухмылке.

– Вот теперь совсем непонятно! – воскликнул Леголас. – Пленник ушел и от орков и от Всадников, и освободился орковым ножом. Это как же? Со связанными ногами ему бы не уйти, со связанными руками – не управиться с ножом. А если у него были свободны руки, зачем резать веревку? Но пусть он все это

проделал. Так вместо того, чтобы удирать во все лопатки, он еще закусывает здесь же! Да не чем-нибудь, а эльфийскими лепешками. Значит, это мог быть только хоббит. А потом он защебетал и улетел, не иначе. Но у нас-то нет крыльев, чтобы искать его в небе.

– Как же это, Арагорн? – растерянно спросил Гимли. – Может ты еще что-нибудь найдешь?

– А я уже нашел, – улыбнулся Следопыт. – Здесь есть и другие следы. Леголас прав, конечно это был хоббит, и мне думается, руки у него были свободны. Но притащил его сюда орк. Вот его кровь и следы копыт вокруг. Всадники убили орка и отволокли труп в костер. А вот хоббита не заметили, на нем ведь эльфийский плащ, а ночь была темной. Что же до его трапезы, то это понятно. Он просто не в силах был уйти не отдохнув и не подкрепившись. Хорошо, что у него оставались лепешки. Но я все-таки думаю, что их было двое, хотя и не убежден пока.

– Но почему один был связан, а другой нет? – недоумевал Гимли.

– Вот этого я не знаю, не скажу. И зачем орк тащил их сюда, тоже не понимаю. Хотя, постойте... Боромира убили, хоббитов взяли как пленников, а нас не тронули совсем. Так не за ними ли была охота? Следы ведут в Скальбург. Вряд ли Саруман рассказал им о Фродо и о Кольце, не стал бы он так рисковать. Значит, у них был просто приказ схватить невысокликов, причем, живыми. Они его выполнили и со всех ног бросились обратно. Когда их перехватили ристанийцы, кто-то из орков, из тех, кто представлял, как нужны пленники его хозяину, попытался их уберечь, да не сумел. Во всяком случае, теперь можно быть уверенным, что один-то хоббит точно жив. Кроме как в лес ему некуда было податься. Он не побоялся, не побоимся и мы. Возвращаться в Эдорас рано.

– Да уж не знаю, – побряхтел Гимли, – что хуже: забираться в Лес Фангорна или возвращаться в Эдорас пешком.

Дальнейшие поиски еще больше их ободрили. На песке, возле самого ручья, явственно отпечатались две пары маленьких ног.

– Наконец-то! – воскликнул Арагорн. Он внимательно изучил следы. – Это было около двух дней назад. От ручья они углубились в лес.

– Как же мы будем искать их там? – спросил Гимли. – Еще немного, и самое большее, что мы сможем для них сделать – это умереть от голода.

– Если ничего другого не останется, – ответил Арагорн, – сделаем и это. Идемте дальше.

Но дальше следов не было. Друзья долго блуждали по лесу, пока не наткнулись на грубо высеченное подножие лестницы, поднимавшейся на холм. Леголас предложил осмотреться с его вершины.

– Лес Фангорна не прост, – сказал он. – Здесь не спокойно. Я чувствую, как сами деревья встревожены чем-то. В Лориэне этого не было. А здесь даже дышать трудно. На вершине холма должно быть легче. Может там окажутся и следы. Нашим друзьям тоже нужно было оглядеться.

С вершины открывался вид на ту же травянистую равнину, по которой они шли недавно.

– Мы описали круг, – спокойно сказал Леголас. – Нам бы выйти на берег на второй или третий день плавания, а не плыть до самого Порт Галена, тогда мы давно были бы здесь.

– Но мы сюда и не собирались, – возразил Гимли.

– Не собирались, но попали, и теперь понятно – почему. Это – ловушка, – ответил Леголас и показал на что-то рукой. Посмотрите вон туда...

Сначала они ничего не увидели, но вдруг Гимли приглушенно вскрикнул:

– Вижу! Я же говорил, Арагорн! Это тот же старик. Он в сером, поэтому я сразу не заметил.

Теперь и Арагорн видел старика в сером плаще и широкополой шляпе, неторопливо пробиравшегося по лесу, опираясь на посох. На вершину холма он не смотрел. Появление человека обрадовало бы их в любое другое время, но сейчас все трое застыли в напряженном ожидании, и каждый чувствовал приближение могучей силы, может быть опасной...

Широко открытые глаза гнома неотрывно смотрели за приближающейся фигурой. Вдруг он крикнул:

– Это Саруман! Стреляй, Леголас, не давай ему заговорить, он зачарует нас! Стреляй же!

Леголас неохотно поднял лук, медленно достал стрелу, но так и не вложил ее. Что-то мешало. Арагорн не двинулся.

– Что же ты медлишь? – прошептал Гимли.

– Леголас прав, – сказал Арагорн, – он чувствует, что стрелять нельзя. Я тоже. Надо подождать.

Тем временем старик добрался до подножия каменных ступеней и взглянул вверх. Арагорн уловил блеснувшие глаза, но тень полей шляпы скрывала лицо. Виднелись только кончик носа и край бороды.

– Добрая встреча, друзья мои, – услышали они. – Мне нужно поговорить с вами. Вы спуститесь или мне подняться? – и не дожидаясь ответа, старик стал подниматься по ступеням.

– Да стреляй же, Леголас! – отчаянно крикнул Гимли.

– Опусти лук, доблестный эльф, – прозвучал властный голос. Рука Леголаса, державшая оружие, безвольно опустилась. – И ты, отважный Гимли, оставь топор. Он не понадобится.

Гимли стоял, как статуя, не в силах шевельнуться, и смотрел, как легко перешагивал ступени загадочный старец. На миг ему показалось, что между складками плаща мелькнуло что-то ослепительно белое, но только на миг.

– Добрая встреча, – повторил старик. Теперь он стоял, опираясь на посох, в нескольких шагах перед ними и глаза его из-под широких полей шляпы цепко обегали их лица. – Как это занесло вас сюда? Эльф, гном и человек, да еще в эльфийских плащах. Такое не часто увидишь. За этим наверняка скрывается история, которую стоит выслушать.

– Но кто вы? И что привело вас сюда? – спросил Арагорн. – К сожалению, мы спешим. У нас срочное дело.

– А мне хотелось бы все-таки выслушать ваш рассказ о себе. Что же до моего имени... – тут пришелец негромко рассмеялся. Арагорн вздрогнул от неожиданности. Он мог бы поклясться, что слышал этот смех раньше.

– Имя, – продолжал меж тем старик. – Вам приходилось слышать его и раньше, могли бы и вспомнить. А пока поведайте мне, наконец, что привело вас сюда.

Видя, что они молчат, он заговорил снова.

– Похоже, вы в сомнении, стоит ли рассказывать каждому встречному-поперечному о поисках двух молодых невысокликов. Невысокликов, – повторил он, – я сказал именно так. Нечего делать вид, что вы не слыхивали о такой диковинке. Ну что ж, они были здесь, позавчера. У них тут случилась одна неожиданная встреча. Ну как? Наверное хотите знать, где они сейчас? Пожалуй, я и об этом вам расскажу. Только что же мы стоим? Я вижу, вы уже не так спешите. Сядем, а то неудобно разговаривать, – с этими словами он повернулся и сделал шаг к большим камням чуть в стороне. С троих друзей словно спало заклятие. Леголас схватил лук, Арагорн выхватил меч, а Гимли – топор.

Не обращая на это никакого внимания, старик уселся на большой валун. Плащ слегка распахнулся, из-под него снова сверкнули белые одежды.

– Саруман! – вскричал Гимли, кидаясь к нему с занесенным топором. – Говори, где наши друзья? Что ты с ними сделал? Не то я продырявлю твою шляпу так, что даже колдуну не починить!

Старик легко вскочил и показался им высотой с дерево. Серый плащ распахнулся, ярко блеснул белый цвет. Он поднял посох, и топор, вырвавшись из рук Гимли, со звоном упал на камни. Андрил в руках Арагорна запылал, как пламя. Стрела Леголаса со звоном рванулась прямо в небо и исчезла в яркой вспышке.

– Митрандир! – ликующе завопил эльф, бросая лук. – Митрандир!

– И в третий раз скажу я, добрая встреча, Леголас, – ответил эльфу глубокий голос. Шляпа старика исчезла, снежно-белые кудри рассыпались по плечам. Плащ лежал у ног и одежда и одежда сверкала ослепительным серебром. Из-под мохнатых бровей на онемевших спутников смотрели такие знакомые,

пронзительные и мудрые с лукавинкой глаза.

– Гэндальф... – несмело произнес Арагорн. – Гэндальф! Ты вернулся! И как раз тогда, когда мы начали терять последнюю надежду. Гэндальф... – Бродяжник задохнулся от волнения. – Я не верю своим глазам, но это ты!

Гимли молча опустился на колени и обнял ноги старика.

– Ну, что же вы, – прежним знакомым голосом сказал маг. – Встань, Гимли, ты ни в чем не виноват. Нет такого оружия, чтобы причинило мне вред. Мы снова вместе, друзья. Хотя шторм и впереди, но сейчас отлив, надо радоваться, – он положил руку на голову гнома и Гимли счастливо рассмеялся.

– Гэндальф! – воскликнул он, – но ты стал белым теперь...

– Да, – ответил маг, – пусть это вас не смущает. Белый цвет – не цвет Сарумана больше. Я прошел сквозь мрак, огонь и воды, многое забыл, многому научился заново. Мне ведомо дальнее, а вот ближнее иногда ускользает. Расскажите мне, что было с вами.

Они долго беседовали на вершине холма. Арагорн рассказал о том, что было с отрядом после Мории, о Лориэне, о плавании по Андуину, о смерти Боромира, о похищении хоббитов. Гэндальфу о Пине и Мерри рассказал Ветробой, снабжавший его новостями. Орел видел их в последний раз до схватки с орками. Следопыт вспомнил огромную птицу, виденную им с вершины Овида в день гибели Боромира. О Фродо маг сказал только, что Враг едва не обнаружил Кольцо, но он помог Хранителю, а теперь Фродо там, где ему уже ничем не поможешь.

– Но с ним пошел Сэм, – сказал Леголас, и это известие очень обрадовало Гэндальфа.

Друзьям очень хотелось узнать, как же случилось, что Гэндальф уцелел после схватки на мосту через морийский ров. Но маг решительно не хотел вспоминать об этом.

– Я и так слишком задержался, – сказал он. – Время не ждет. Все равно, будь у нас даже целый год, я не успел бы рассказать вам всего...

– Ну расскажи хоть немного! – взмолился Гимли. – Что стало с Барлогом?

– Не упоминай его, – сказал Гэндальф, и на мгновение друзьям показалось, что облако боли пробежало по его лицу. Он как-то сразу постарел и осунулся.

– Я долго падал, – сказал он, наконец, медленно, как бы с трудом возвращаясь мыслью в прошлое. – Долго я падал, и он падал вместе со мной. Его огонь охватил меня, я горел. Затем мы упали в пропасть, заполненную черной ледяной водой. Смертный холод сковал мое тело, сердце почти замерзло.

– Темна и непроглядна вода Келед Зарама, и холодны как лед ключи Кибель Налы, – сказал Гимли.

– Но там есть дно. О нем никто не ведает, и туда никогда не проникал луч света, – сказал Гэндальф. – Там, на дне, вода погасила багровый огонь, и Барлог стал скользким чешуйчатым гадом, едва не задушившим меня.

Мы продолжали наше сражение там, где время нашего мира еще не родилось. Наконец он вырвался и скрылся в подземных лабиринтах. Нет, Гимли, эти лабиринты не были творением народа Дарина. Там, на много ниже самых глубоких пещер гномов, мир грызут существа, которым нет имени. Даже Саурон не знает про них. Они старше его и старше меня. Я прошел их дорогами, но чтобы не омрачать свет дня, не скажу о них ни слова. Я не знал пути и был в отчаянии, единственной надеждой был мой враг, и я следовал за ним по пятам. Наконец он привел меня на тайную тропу Казад Дума. Теперь мы все время поднимались, пока не оказались у Бесконечной Лестницы.

– Многие считают, что она существует только в легендах, – сказал Гимли. – А другие думают, что она была, но теперь разрушена.

– Она есть и ничуть не разрушена, – промолвил Гэндальф, – из глубочайшего подземелья до высочайшей вершины идет она, свиваясь в спираль длиною во много тысяч, пока не приводит в Башню Дарина, высеченную в живой скале Зиракзигиль. Это и есть Сильвертина – самая высокая вершина в Туманных горах. Там, над Селебдилом, было одинокое окно в снегу, под ним – узкое пространство, гнездо на головокружительной высоте над туманами мира. Все внизу было покрыто плотными облаками, а в небе

пылало страшное безжалостное солнце. Там мой враг вспыхнул снова, и пришлось опять биться с ним. Возможно, в грядущих веках сложат песни о нашем сражении.. – Гэндальф усмехнулся, – хотя о чем можно рассказать в песне?.. Тот, кто наблюдал со стороны за этим поединком, мог видеть молнии, обрушивающиеся на вершину, огненные сполохи, тучи дыма и пара от таявших снегов. Лед плавился и шел горячий дождь. Пыхало пламя и рушились скалы. Наконец, я взял верх и сбросил его вниз. Он упал, разрушив горный склон, а я остался на вершине ни живой, ни мертвый. Тьма была вокруг, мысли и время перестали существовать, и я бродил по дальним дорогам, о которых ничего не могу сказать... Казалось, что проходили века, сознание уходило и возвращалось, я видел спиральную лестницу то разрушенной, то восстановленной вновь. Слабо доносились до меня звуки земли: рождение и смерть, песни и стоны, и вечные вздохи камня. Шли дни и для меня уже не было никакой надежды... А потом прилетел Ветробой. «Видно так уж мне на роду написано, – сказал я ему, – быть твоей ношей...»

– Какая ты теперь ноша! – ответила громадная птица. – Сейчас ты не тяжелей лебединого пера. Сквозь тебя просвечивает солнце. Пожалуй, если отпустить тебя, ты и сам полетишь по ветру.

– Нет уж! – запротестовал я, чувствуя, как жизнь возвращается ко мне. – Лучше отнеси меня в Лориэн!

– О том же просила меня и Владычица Галадриэль, когда отправляла за тобой, – спокойно сказал орел.

Так Гэндальф попал в Золотые Леса Лориэна. Там он возродился телесно и духовно, обрел новые силы и мудрость, и теперь уже Гэндальфом Белым отправился на поиски отряда, но нашел только троих.

Услышали они и о Сарумане. Властитель Скальбурга изменил интересам Средиземья и стал сообщником Врага, но изменил и Врагу, решив завладеть Кольцом Всевластья. Хоббитов схватили его орки. Пин и Мерри понадобились ему как заложники. Но о ссоре своих орков с орками Мордора он не знает. Не знает и того, что весь отряд уничтожен ристанийцами. Не знает и о том, что назгулы получили крылья... Саруман может думать только о Кольце. Он так увлекся своими коварными замыслами, что упустил из виду близкую опасность – энтов.

– Разве энты еще остались на свете? – удивился Арагорн. – Я думал, что это только одна из ристанийских легенд.

– В песнях лесных эльфов о них говорится, но я никогда их не видел, – сказал Леголас.

– Еще увидишь, – усмехнулся Гэндальф. – Нашим невысокликам повезло. Они встретили самого древнего из них, и сейчас находятся в его жилище, в недрах горы. Одного недавно встретил и я, совсем недалеко от сюда.

– Но ведь говорили, что энты опасны, – забеспокоился Гимли. – Каковы они с виду?

– Когда увидишь, не спутаешь, – отвечал маг. – Что до опасности, то она вокруг, всюду. Опасны энты, очень опасен я, Арагорн с Леголасом, о тебе уж и говорить не приходится. Но – смотря для кого. Энты опасны, но мудры и добры. Их трудно вывести из себя, но рассказ наших маленьких друзей разгневал их. Я знаю энтов, они медленно закипают, но когда закипают, их никому не удержать. И тогда Саруману не позавидуешь.

– Но что они могут? – недоуменно спросил Леголас.

– Точно не скажу, да они и сами этого пока не знают, – маг замолчал, задумавшись, потом поднял голову. – Солнце уже высоко, нам пора.

– К энтам? – спросил Арагорн.

– Нет, в Эдорас. В Ристанию пришла война: Теодену нужна наша помощь. Вы пойдете со мной?

– Конечно, – ответил Арагорн, – с тобой и за тобой. Ты по прежнему ведешь отряд. У Темного Владыки есть Девять Черных Всадников, у нас один Белый, но он стоит девятерых. Мы пойдем за тобой, куда бы ты нас не повел.

– Мы пойдем за тобой, – хором повторили эльф и гном.

– Хорошо, друзья, – сказал Гэндальф, – мы заговорились, нам нужно спешить.

Вслед за магом они спустились к реке и вышли на опушку.

– Эдорас неблизко, – заметил эльф. – Идти придется долго.

– Нам некогда, – ответил Гэндальф и переливчато свистнул трижды. Издали, казалось с самого края земли, ему ответило конское ржание.

Арагорн приник ухом к земле и некоторое время слушал.

– Это не один конь, – сказал он, поднимаясь.

– Одному нас всех не вывезти, – усмехнулся маг.

Из леса вынесся статный, белый как серебро конь с развевающейся гривой. Возле мага он круто осадил, громко заржал и остановился, положив голову ему на плечо. Снова послышался топот и к большой радости друзей из леса появились кони Эомера.

– Так вот в чем было дело, – догадался Арагорн. – Они и правда не испугались, а обрадовались. Это и есть тот знаменитый конь, о котором ты говорил на Совете?

– Да, – с гордостью ответил маг, – это Беллазор. Все кони Ристании повинуются его зову.

Он обратился к коням с просьбой помочь как можно быстрее попасть в Эдорас, и кони закивали головами, словно соглашаясь. Гэндальф взял к себе в седло Гимли, Арагорн и Леголас вскочили на своих коней, и они помчались. Временами трава доходила всадникам до колен, и тогда казалось, что они плывут по серо-зеленому морю. По пути попадалось много озер и болот, но белый конь уверенно находил дорогу и остальные не отставали от него. Через несколько часов пути впереди встала скалистая гряда. За ней садилось солнце и словно от его жара над горами стлался дым.

– Это Ристанийское ущелье, – сказал Гэндальф. – За ним – Скальбург.

– Но почему дым? – спросил Леголас.

– Война, – коротко ответил Гэндальф. – Скорее!

2. ФАНГОРН

Оставшись одни, Пин с Мерри изо всех сил спешили невесть куда через дремучий лес. Они двигались по берегу ручья на запад, вверх по горным склонам, все дальше забираясь в Лес Фангорна. Постепенно страх перед орками отступил. Они пошли медленнее. Причиной этому было еще и странное удушье, как будто воздух растаял и перестал питать легкие.

Мерри остановился.

– Так больше нельзя, – пропыхтел он. – Я совсем задыхаюсь.

– Давай попьем хотя бы, – сказал Пин. – У меня во рту все пересохло.

Он вскарабкался на огромный древесный корень, спускавшийся в воду, и нагнувшись, зачерпнул сложенными ладонями. Вода была холодной и чистой, и он пил долго. Мерри последовал его примеру. Вода освежила их и, казалось, вселила бодрость в их сердца. Хоббиты с удовольствием расположились на берегу ручья, опустив израненные ноги в поток и разглядывая деревья, сплошной стеной обступившие их со всех сторон. Между стволами стоял серый полумрак.

– Как ты думаешь, мы не заблудились еще? – спросил Пин, устраиваясь поудобнее у подножия огромного древесного ствола. – Я думаю можно пойти вдоль ручья, тогда хоть назад можно будет вернуться.

– Пойти-то можно, вот только ноги не ходят, – вздохнул Мерри. – Ты чувствуешь, какой здесь воздух?

– Душно очень, и туман какой-то... – отозвался Пин. – Мне это напоминает старую комнату в Большой Усадьбе Туков: огромная, знаешь, усадьба, мебель там не меняли и не двигали много поколений. Говорят, Старый Тук жил там очень долго, а комната старела и дряхлаела вместе с ним. А потом он помер, лет сто назад, а там все равно ничего не изменилось. Ну, так вот это пустяки по сравнению с древностью этого леса. Посмотри-ка, как ветки обросли лишайником! А большинство деревьев до половины покрыто старой листвой, похоже, она никогда и не опадает. Непорядок. Не могу себе представить, как здесь будет весной – если она когда-нибудь сюда заглянет.

– Но солнце-то должно иногда появляться, – сказал Мерри. – Я помню, как Бильбо описывал Черный Лес. Там была сплошная темень, скрывавшая страшные вещи. А здесь просто душно. Деревья, что ли, очень густо растут. По-моему, здесь никакой зверь долго не выживет.

– Да и хоббит, пожалуй, тоже, – проворчал Пин. – Как подумаю, что придется тащиться через этот лес – так тошно становится. К тому же, едой здесь и не пахнет. Как там наши припасы?

– Так себе.

Они посмотрели, что осталось от эльфийских лепешек: раскрошенные куски, которых могло хватить не больше чем на четыре-пять полуголодных дней, вот и все.

– И у нас нет ни одного одеяла, – сказал Мерри. – Как бы и куда бы мы не пошли, ночью, все одно, замерзнем.

– Насчет дороги лучше решать сейчас, – подумав сказал Пин. – Должно быть, наступает утро.

В этот миг они заметили слабый желтоватый свет, проглядывающий сквозь деревья, казалось, солнечные стрелы там внезапно пробили крышу леса.

– Привет! – сказал Мерри. – Похоже, пока мы сидели здесь, солнце забежало за тучку, а теперь опять выбежало, а может, просто поднялось повыше, чтобы выглянуть через какой-нибудь просвет. Это недалеко. Пойдем, посмотрим.

Оказалось, это дальше, чем они предполагали. Местность постепенно поднималась и становилась все более каменистой. Свет разливался все шире, и скоро они оказались у подножия скал: не то перед склоном холма, не то перед отрогом дальнего хребта. Здесь не росло ни одного дерева, и солнце ярко освещало вершину. Насколько запущенным и серым выглядело все раньше, настолько лес теперь светился коричневыми и темно-серыми оттенками коры, гладкой, как полированная кожа. Кругом виднелись пятна свежей зелени, то был знак ранней весны.

По крутому каменистому склону поднималось нечто похожее на лестницу. Грубые и неровные ступени ее скорее всего были созданы природой. Высоко, почти на уровне вершин деревьев, был уступ, над которым свисала отвесная стена. Уступ порос травой и его украшал огромный корявый пенёк, с двумя изогнутыми ветвями; в неверном утреннем свете он напоминал фигуру какого-то угловатого старика.

– Айда наверх! – радостно воскликнул Мерри. – Подышим вволю и осмотримся вокруг!

Они полезли наверх. Если лестницу и делал кто-то, то явно рассчитывал на ноги побольше и подлиннее, чем у хоббитов. Они были слишком возбуждены, чтобы заметить и удивиться, как замечательно быстро зажили рубцы и язвы, оставшиеся после плена, и вернулась энергия. Они выбрались на край уступа, почти у подножия старого пня; обернувшись спиной к холму и глубоко дыша, посмотрели на восток. Оказалось, что вглубь леса они прошли всего три-четыре лиги. Вершины деревьев спускались по склонам к долине. Там, у самого края леса, очень далеко, поднимались клубящиеся столбы черного дыма, волнами плывшего по направлению к ним.

– Ветер меняется, – сказал Мерри, – и опять с востока... Чувствуешь, как холодает?

– Да. Боюсь, что солнце проглянуло ненадолго и скоро все опять посереет. Как жаль! Этот старый запущенный лес при солнечном свете совсем другой. Я почти полюбил его!

– Почти полюбил лес! Вот это славно! Очень любезно с вашей стороны, – произнес странный голос. – Повернитесь-ка и дайте взглянуть на ваши лица. Похоже, вы мне не очень-то нравитесь, но не будем спешить. Повернитесь!

Большие узловатые ладони легли на их плечи, и их повернули, мягко но настойчиво; затем две огромные руки подняли их.

Перед ними было совершенно необычное лицо. Оно принадлежало огромной фигуре, похожей не то на человека, не то на тролля, не ниже четырнадцати футов, очень крепкой, с длинной головой и почти без шеи. Руки покрывала гладкая коричневая кожа, вовсе не похожая на кору, покрывавшую, казалось, все остальное тело. На огромных ногах было по семь пальцев. Нижняя часть длинного лица заросла широкой седой бородой, кустистой, у основания напоминавшей тонкие прутья, а на концах похожей на мох. Но в первый момент хоббиты не заметили ничего, кроме глаз. Эти глубокие глаза теперь осматривали их, медленно и серьезно, очень пронизательно. Они были коричневыми, и в их глубине то и дело вспыхивал зеленый огонек. Потом Пин часто пытался рассказать о своем первом впечатлении от этих удивительных глаз.

– Казалось, их наполняет вековая память и долгие, медленные, размеренные размышления, а поверхность их искрилась настоящим: так бывает, когда солнце играет в кроне гигантского дерева или на волнах очень глубокого озера. Не знаю, но мне почудилось, будто что-то, что росло в земле – сонное вроде как – вдруг пробудилось и изучает вас так же медленно, как жило на протяжении уже нескольких лет.

– Грумм, гүмм, – пробормотал голос, низкий, как у какого-нибудь деревянного духового инструмента. – Очень странно! Не спешить – вот мое правило! Но если бы увидел вас прежде, чем услышал голоса – а мне они понравились, приятные голоса, они напомнили мне что-то, чего я не могу вспомнить – если бы я увидел бы вас прежде, чем услышал, я бы попросту раздавил вас, приняв за маленьких орков, и лишь потом обнаружил бы ошибку. Очень вы странные!

Пин, хотя и не оправился от удивления, но больше не боялся. Под взглядом этих глаз он чувствовал больше любопытства, чем страх.

– Будьте добры, – сказал он, – вы кто? Или... что?

Подозрительность и осторожность промелькнула в старых глазах, глубина их как-то изменилась.

– Грумм... – ответил голос. – Ну, я – энт. Во всяком случае, так меня называют. Да, это самое слово. Некоторые называют меня Фангорн, другие – Древобород. Пусть будет Фангорн.

– Энт? – переспросил Мерри. – Я такого не слыхал. А вы-то сами как себя зовете? Как ваше настоящее имя?

– Ух! – ответил Фангорн. – Ух! Не надо спешить. Я и сам собирался задавать вопросы. Вы в моей

стране. Кто Вы такие, вот что любопытно. Я не могу найти вам места. Похоже, вас нет в старых списках, которые я учил в молодости. Правда, это было так давно... Могли появиться новые списки. Посмотрим, посмотрим! Как это там... Помни о всех обитателях мира! Знай: есть четыре свободных народа: Эльфы, пришедшие в древнее время; Гномы, живущие в темных пещерах; Энты, рожденные дикой землей; Люди – им гордые кони послушны... Хм, хм, хм... Мощные лоси, коварные лисы, Пчелы звенящие, совы ночные, Зайцы пугливы, злобные волки... Хм, хм... Буйволы в поле, орлы в поднебесье, Быстрые ястребы, юркие белки, Белые чайки, холодные змеи...

Хум, хм, хум, хм, как там дальше? Трам-пам-пам, там-там, тарам-пам-пам, там-там... Длинный это был список. Но как бы там ни было, вы, похоже, в него все равно не вмещаетесь!

– Ох! Мы всегда не вмещаемся в старые списки и старые истории, – вздохнул Мерри, – хотя существуем уже довольно давно. Мы – хоббиты.

– Почему бы не придумать новую строку? – предложил Пин. – Хоббиты малые в норках уютных...

Помести нас среди тех четырех, следом за людьми – мы зовем их Громадинами – и все будет в порядке.

– Хм! Не плохо, не плохо, – задумчиво сказал Фангорн, – сойдет. Так вы живете в норках, а? Звучит вполне правдоподобно. Кто же это вас так называет: «хоббиты»? На эльфийский непохоже. Все старые слова ведь эльфы придумали, с них все началось.

– Никто больше нас так не называет. Мы сами так себя зовем, – сказал Пин.

– Хум, хм... Не торопиться! Никакой спешки! Вы, стало быть, называете СЕБЯ хоббитами? Но об этом не стоит говорить каждому встречному. Так недолго и свое настоящее имя выболтать, если вовремя не спохватиться.

– А чего спохватываться? – удивился Мерри. – Вот я, например, Брендизайк, Мериадок Брендизайк, хотя большинство зовет меня просто Мерри.

– А я – Тук, Перегрин Тук, хотя вообще меня называют Пин.

– Хм. Ну, вы все-таки торопливый народ, как я погляжу, сказал Фангорн. – Я польщен вашим доверием, но, пожалуй, не стоит представлять вам столько свободы сразу. Знаете ли, есть энты и есть ЭНТЫ, иными словами, есть энты, а есть кое-что похожее на энтов, как вы могли бы сказать. Я буду называть вас Мерри и Пин, если вы не возражаете, – славные имена. А я пока подожду говорить вам свое имя, да, пока подожду.

Странный, сочувственный и насмешливый огонек засветился в его глазах.

– Да, ни в коем случае! Это заняло бы слишком много времени: мое имя ведь росло вместе со мной, а я жил долго, долго, очень долго; так что мое имя – это, считай, история. Настоящие имена рассказывают историю вещей, которым принадлежат – так вот в моем языке – старом энтском, как вы бы сказали. Это замечательный язык, но нужно очень много времени, чтобы сказать на нем что-нибудь. Поэтому мы не говорим на нем ничего, кроме достойных долгих речей для долгого слушания.

– А теперь, – и глаза стали яркими, «сегодняшними», казалось, они даже уменьшились и заострились, – скажите-ка мне, что происходит? Что вы здесь делаете? Я многое вижу и чую с этого... с этого... с этого а-лалла – румба – лалла – румба – каманда – линд – ор -бараме. Да, вы уж извините меня, я не знаю нужного слова на нынешних языках: знаете, та вещь, на которой мы находимся, где я стою, любясь прекрасным утром, думаю о солнце, о лесной траве, о лошадях, облаках, о цветении мира... Да, что происходит? Что там замышляет Гэндальф? И эти – барарум, – он издал рокошующий звук, как большой расстроенный орган, – эти орки и молодой Саруман в своем Скальбурге? Я люблю новости. Только помедленнее.

– Многое происходит, – сказал Мерри, – даже если быстро рассказывать – это надолго. Но вы велите не спешить. Может тогда лучше ничего не рассказывать? Вам не покажется невежливым с нашей стороны, если мы спросим, что вы собираетесь с нами делать, и на чьей вы стороне? И откуда вы знаете Гэндальфа?

– Вот уж знаю. Он единственный мудрец, который заботится о деревьях, – ответил старый энт. – А вы

его тоже знаете?

– Да, – печально ответил Пин. – Он был нашим самым большим другом и предводителем.

– О, тогда я могу ответить на ваши вопросы. Я ничего не собираюсь делать с вами. Но мы могли бы кое-что сделать вместе. Я ничего не знаю и знать не хочу ни о каких с_т_о_р_о_н_а_х. Я иду своей дорогой и думаю, что ваш путь на некоторое время может совпадать с ней. Но вы говорите о мистере Гэндальфе так, как будто его история пришла к концу?

– Да, – вздохнул Пин. – История-то продолжается, а вот Гэндальфа в ней уже не будет.

Фангорн долго молчал, внимательно глядя на хоббитов.

– Хумм, о, не знаю, что и сказать, – произнес он наконец. – Продолжайте.

– Если вы хотите знать больше, – проникновенно сказал Мерри, – мы расскажем. Но это займет некоторое время. Вы не опустите нас? Мы бы посидели тут вместе на солнышке, пока еще есть... Вы должно быть устали держать нас на весу?..

– Хм, устал? Нет, я не устал. Я так просто не устаю. Я не сажусь. Я не очень, хм, гибкий. Но солнце уже уходит. Давайте уйдем с этого... как вы сказали, оно называется?

– Холм? – предположил Мерри, – уступ, ступенька?

Энт тщательно повторил слова, словно пробовал на вкус.

– Холм. Да, это так. Но это слишком поспешное слово для вещи, которая стоит здесь с тех пор, как эта часть мира обрела свой вид. Ну, ничего. Пойдем отсюда.

– А куда? – спросил Мерри.

– В мой дом, или в один из моих домов, – степенно ответил Фангорн.

– Это далеко?

– Не знаю. Может – далеко, может – нет. Какая разница?

– Да в общем-то, никакой. Но, понимаете, у нас почти ничего не осталось, мы все потеряли, – сказал Мерри. – И у нас очень мало еды.

– О! Хм! Об этом не надо беспокоиться. Я дам вам питья, от которого вы долго-долго будете зелеными и растущими. А если вы решите отпочковаться, я могу высадить вас где угодно. Вперед!

Нежно, но твердо держа хоббитов на сгибах рук, Фангорн поднял одну большую ногу, затем другую, и направился к краю уступа. Корнеподобные пальцы ног вцепились в скалы. Он внимательно и решительно спустился по ступеням и вошел в лес.

Там он сразу направился сквозь заросли, все глубже и глубже, не удаляясь от ручья, все время поднимаясь по горному склону. Многие деревья, казалось, спали, или же знали о нем не больше, чем о всяком другом прохожем, но иные вздрагивали, а некоторые поднимали ветви над его головой. Он шел и разговаривал сам с собой, как будто бежал долгий поток мелодичных низких звуков.

Хоббиты некоторое время молчали. Как ни странно, они чувствовали себя в уюте и безопасности, и у них было о чем подумать и чему поудивляться. Наконец, Пин решился заговорить вновь.

– Извините, пожалуйста, – сказал он, – могу я спросить вас кое о чем? Почему Селебэрн предупреждал нас против вашего леса? Он уговаривал нас не рисковать, и говорил, что здесь кроется западня.

– Хм, он так и сказал? – пророкотал Фангорн. – И я мог бы сказать тоже самое, если бы шел другим путем. Бойся попасть в западню в лесах Лаурелиндоренена! Так обычно его называли эльфы, но теперь они нашли более короткое имя: Лотлориэн. На Всеобщем языке это значит – не желающий цвести. Возможно, они правы: может быть он увядает, а не растет. Земля долины Поющего Золота – вот что здесь было в древние времена. Теперь это – Несущий сны. О, это странное место, и не всякий рискнет появиться здесь. Я был бы удивлен, если бы вам удалось выбраться отсюда. Но я еще больше удивлен, что вы сюда забрались. Путников здесь не было уже много лет. Да, странная это земля... Когда Селебэрн был молодым, ни этой

страны, да и вообще ничего не было за пределами Золотого Леса. Только... хм, хм, таурелиломеа, тумба-леморна, тумба-летауреа ломеанор, так они говорили. Конечно, многое изменилось, но не везде же, так что это верно.

– А что верно? – поинтересовался обескураженный Пин.

– Да про деревья и про энтов. Я не все понимаю из того, что происходит, так что не могу объяснить. Некоторые из нас все еще настоящие энты, но вот многие засыпают, деревенеют, как вы бы сказали. Большинство деревьев – деревья и есть, но некоторые наполовину пробудились, а некоторые пробудились уже совсем... а кое-кто становится энтами. Так всегда было.

Когда это случается с деревьями, оказывается, что у некоторых плохие сердца. Сердцевина здесь ни при чем, я не это имею в виду. О, я знал несколько славных старых ив в нижнем течении Энтовой Купели, они были сплошь в дуплах, разваливались на куски, но были тихи и ласковы, как юный лист. А есть деревья, в долинах, у подножия гор, они громогласны, как колокол, но насквозь испорчены. И так теперь бывает все чаще. Так что здесь появилось много опасных мест, а есть и совсем черные пятна...

– Как Лихолесье на севере? – спросил Мерри.

– Вот, вот, что-то вроде этого, но гораздо хуже. Я знаю, что север затемнен, а на этой земле есть такие глубокие долины, где тьма никогда и не поднималась, и где деревья еще старше меня. Что ж, мы делаем, что можем. Не пускаем безрассудных путников, воспитываем, учим, расчищаем.

Мы, старые энты – пастыри деревьев. Нас теперь немного осталось. Говорят, что со временем овцы становятся похожи на пастухов, а пастухи – на овец, это, конечно не сразу, а потом – овцы – они не долговечны. У деревьев и у энтов все быстрее и ближе, они вместе идут сквозь века. Энты кое в чем похожи на эльфов: они меньше заняты собой, чем люди и лучше проникают в суть вещей. И в то же время, энты похожи и на людей: меняются быстрее, чем эльфы и быстрее приспосабливаются, можно сказать. И энты лучше, чем те и другие, потому что они весьма последовательны и дольше размышляют над тем, что происходит.

Некоторые из моей семьи теперь стали совсем как деревья, и нужно что-нибудь из ряда вон выходящее, чтобы пробудить их. Они теперь едва шепчут... Зато некоторые из моих воспитанников очень подвижны и многие могут говорить со мной. Конечно, начали все эльфы. Это они пробуждали деревья и учили их древесному языку. Первые эльфы всегда хотели со всеми говорить. А потом пришла Великая Тьма, и они ушли за море, улетели в дальние долины, и сложили песни о днях, которые никогда не вернуться. Никогда... Эх, эх, эх, в былое время был один лес отсюда и до Лунных Гор, все это называлось Восточным Краем. То были просторные дни! Бывало, я мог идти и петь весь день, и не слышать ничего кроме эха в холмистых ущельях. Здешние леса похожи на леса Кветлориэна, только гуще, сильнее, моложе. А аромат! Бывало я целыми неделями дышал – и больше ничего не делал.

Фангорн замолчал, бесшумно шагая на своих огромных ногах. Затем он опять захмыкал, хмыканье перешло в бормотанье. Хоббиты не сразу поняли, что старый энт поет какую-то древнюю песню...

Потом их спутник замолчал, и шел дальше в полной тишине. Во всем лесу не было ни звука.

День шел на убыль, и сумерки окутывали стволы деревьев. Наконец, хоббиты увидели вздымающиеся перед ними неясные темные тени, они пришли к подножию гор. Навстречу, со склонов холма, каскадами сбежал поток – юная Энтова Купель. На правом берегу виднелся длинный склон, одетый травой, в сумерках казавшейся серой. Деревья там не росли, склон был открыт небу, звезды сияли в небесных озерах, окруженных берегами облаков.

Фангорн направился вверх по склону, немного замедляя шаг. Внезапно хоббиты увидели впереди широкий вход. Два больших дерева стояли по сторонам, как живые столбы ворот, но сами ворота образовывали только их переплетенные ветви, поднявшиеся при их приближении. То были вечно-зеленые деревья, листья у них были гладкими и темными, и таинственно мерцали в полумраке. За ними открывалось широкое ровное пространство, как будто в склоне холма вырезали пол большого зала. По обе стороны на высоту более пятидесяти футов поднимались стены, и вдоль каждой стены стояли деревья, высота которых возрастала по мере продвижения внутрь. Дальний конец зала замыкала отвесная скала, но у подножия была неглубокая ниша со сводчатым потолком – единственной крышей этого зала, если не

считать ветвей, которые внутри покрывали всю землю, оставляя лишь широкую открытую тропу в середине. Маленький поток падал сверху и разбивался, звеня, на серебряные брызги, образуя возле ниши нечто вроде чудесного занавеса. Вода собиралась в каменный бассейн между деревьями, и бежала оттуда вдоль тропы, чтобы присоединиться к Энтовой Купели в ее странствиях по лесу.

– Хм! Вот мы и тут! – сказал Фангорн, нарушая долгое молчание. – Мы прошли примерно семьдесят тысяч энтовых шагов, а сколько это будет по вашему – не знаю. Как бы то ни было, мы теперь у подножия Последней Горы. Мне здесь нравится. Мы останемся тут на ночь.

Он опустил их на траву между деревьями, и они пошли за ним к большой арке. Хоббиты заметили теперь, что колени энта не гнулись при ходьбе, но ноги шагали широко, причем прежде всего в землю впились пальцы ног, очень большие и широкие.

Минуту Фангорн постоял под водопадом и сделал глубокий вдох, засмеялся и прошел внутрь. Там стоял большой каменный стол, но не видно было ни одного сиденья. В задней части ниши было уже темно. Энт поднял два больших сосуда и поставил их на стол. Казалось, что в них простая вода, но он подержал над ними руки, и они начали светиться, один – золотым, другой – ярко-зеленым светом. В их сиянии ниша светилась, как будто летнее солнце лилось сквозь покров молодой листвы. Обернувшись, хоббиты увидели, что деревья начали тоже светиться, сперва робко, но постепенно все ярче, пока каждый лист не оказался в кайме света, зеленого, золотого или красного, как медь, а древесные стволы походили на колонны, выточенные из светящегося камня.

– Ну вот, теперь можно и поговорить, – сказал Фангорн. – Полагаю, вы хотите пить, да и устали, наверное. Глотните-ка вот этого.

Он направился к задней стене ниши, где хоббиты увидели несколько высоких каменных кувшинов с тяжелыми крышками. Он сдвинул одну из крышек, зачерпнул из кувшина в большой ковш и наполнил три кубка – один очень большой и два поменьше.

– Это – дом энтов, – сказал он. – И боюсь, здесь не на чем сидеть. Но вы можете сесть на стол.

Он поднял хоббитов и посадил на огромную каменную плиту, на шесть футов возвышавшуюся над землей. Там они и сидели, болтая ногами и потягивая питье.

Питье было похоже на воду, по вкусу очень напоминавшую ту, что они пили из Энтовой Купели у границы леса, однако был в нем какой-то привкус, которого они не могли описать: он был неотчетлив, но напоминал запах дальнего леса, который приносит прохладный ночной ветер. Действие напитка ощущалось сначала в кончиках пальцев ног и постепенно поднималось до корней волос, наливая тело бодростью и силой. Хоббиты почувствовали, как волосы у них на головах встают дыбом, начинают виться, волнообразно двигаться и расти. Что касается Фангорна, то он, опустив сначала ноги в бассейн, осушил свой кубок одним глотком – одним длинным медленным глотком. Хоббиты думали, что он никогда не остановится.

Наконец он отставил кубок.

– Ах-ха, хум, хм, теперь говорить будет проще. Вы сидите, а я лягу, тогда питье не ударит в голову и я не усну.

С правой стороны ниши стояла большая постель на низких ножках, густо покрытая травой и папоротником. Фангорн медленно опустился на нее – лишь с намеком на изгиб посередине – и улегся во всю длину, заложив руки за голову, глядя в потолок, на котором мелькали отблески, как листья, играющие в солнечном свете. Мерри и Пин сели рядом на подушки из травы.

– Теперь рассказывайте вашу сказку, но не спешите! – сказал энт.

Хоббиты рассказали о своих приключениях с того момента, как покинули Хоббитанию. Они рассказывали довольно беспорядочно, то и дело перебивая друг друга, и Фангорн часто останавливал их, чтобы вернуться к какому-нибудь более раннему моменту или начинал расспрашивать о событиях более поздних. Они ничего не сказали о Кольце и не объяснили, почему отправились в путь и куда шли, а он не спрашивал.

Энта интересовало все: Черные Всадники, Элронд, Раздол, Вековечный Лес, Том Бомбадил, пещеры

Мории, Кветлориэн, Галадриэль. Он заставил их снова и снова описывать Хоббитанию. Потом подумал и сказал странно:

– Вы там, в окрестностях, никогда, хм, не видели жен энтов?

– Жен энтов? – опешил Пин. – А каковы они с виду? Такие же, как вы?

– Да, хм, или нет, я уж теперь не знаю... – задумчиво сказал Фангорн. – Но им бы понравилась ваша страна, вот я и спросил.

Особенно интересовало его все, что касалось Гэндальфа, но более всего – действия Сарумана. Хоббиты очень сожалели, что мало знали: только очень короткий пересказ Сэма о том, что говорил Гэндальф на Совете, но зато они точно знали, что Углук с отрядом, взявший их в плен, был из Скальбурга, и хозяином его был Саруман.

– Хм, хум! – произнес Фангорн, когда их история, наконец добралась до схватки между орками и ристанийцами. – Ну, ну! Вы рассказали мне массу новостей и не сделали ни единой ошибки, насколько я могу судить. Конечно, вы рассказали не все, но я не сомневаюсь, что вы действуете так, как хотел бы Гэндальф. Я чувствую, происходит что-то большое, а что именно, узнаю, наверное, когда-нибудь. Корни и ветви! Что за странное дело! Появляется маленький народец, которых нет в старинных списках, и – обратите внимание! – девять забытых Всадников возрождаются, чтобы охотиться за ними, и Гэндальф берет их в большое путешествие, и Галадриэль дает им приют, и орки преследуют их в Дикой земле... Похоже, они попали в ураган! Надеюсь, они его выдержат!

– Ну а вы? – осторожно спросил Мерри.

– Хум, хм, меня не заботят Большие Войны, – сказал Фангорн. – Они больше касаются эльфов и людей. Это дело мудрецов: заботиться о будущем. Чего мне лезть в это дело? Я не придерживаюсь никакой стороны, потому что никто не придерживается целиком моей, если вы меня понимаете: никто не заботится о лесах так, как я, даже эльфы теперь... Хотя к эльфам я отношусь лучше, чем ко всем прочим: именно эльфы излечили нас от немоты в давние времена, а это дар, о котором нельзя забыть, хотя с тех пор наши пути и разошлись. Но зато есть кое-что, с чем я решительно не согласен, я целиком против этого. Это – бурарум – он издал глубокий рокот отвращения – это орки и их хозяева.

Я не минуты не беспокоился, когда тень легла на Мордор – Мордор далеко. Но ветер, кажется начинает дуть с востока, а он несет старость и увядание всем лесам. Старый энт не в силах сдержать эту бурю: он либо устоит, либо сломается.

Но вот Саруман! Саруман – сосед, я не имею права проглядеть его. Полагаю, я должен что-то сделать. Я часто размышлял, что мне делать с ним?

– А кто он такой? – спросил Пин. – Вы что-нибудь знаете о нем?

– Саруман – маг, мудрец, – ответил Фангорн. – Больше, пожалуй, и не скажешь. Я не знаю истории магов. Они появились впервые после того, как из-за Моря пришли первые Корабли, вот только не знаю, пришли маги с ними или нет. Саруман считался среди них самым сведущим. Некоторое время назад – очень долгое время на ваш счет – он перестал бродить по земле и заниматься делами людей и эльфов, и осел в Ангреносте или в Скальбурге, как его называют люди из Ристании. Он начинал незаметно, но слава его быстро росла. Говорят, он был избран главой Белого Совета, но добра это не принесло. Я теперь думаю, что Саруман уже тогда обратился ко злу. Но, как бы там ни было, своим соседям он беспокойств не причинял. Мы часто с ним разговаривали. Было время, когда он постоянно бродил по моим лесам. В те дни он был вежлив, всегда просил на это моего позволения – по крайней мере, при встречах со мной – и очень любил слушать. Я рассказал ему многое из того, чего он сам никогда бы не узнал, но он никогда не отвечал мне тем же. Я вообще не могу вспомнить, чтобы он мне что-нибудь рассказывал. И чем дальше, тем больше. Его лицо, насколько я помню – я давно его не видел – стало похоже на окно в каменной стене со ставнями изнутри.

Думаю, теперь я понимаю, чего он хочет. Он хочет власти. У него на уме металл и колеса, и он не заботится о том, что растет – если только оно не нужно ему для чего-нибудь. Теперь ясно, что он – черный изменник. Он сошелся с дурным народом – с орками. Брм, хум! Хуже того, он сделал с ними что-то

опасное. Эти, из Скальбурга, больше похожи на плохих людей. Обычно все злое, рожденное Великой Тьмою, не выносит солнца, а вот орки Сарумана как-то притерпелись. Интересно, что он такое сделал? Может быть, они – разрушенные люди, или он скрестил орков и людей? Это было бы черное дело!

Некоторое время назад я заинтересовался, как это орки могут так свободно разгуливать у меня в лесу? И только недавно я понял, что в ответе за это Саруман, и что много лет назад он только и делал, что выводил тайные тропы и другие секреты. Теперь он и его злой народ творят здесь беззакония. На границах они валят деревья – хорошие деревья. Некоторые они срубают и оставляют гнить, но большинство уносят с собой и сжигают в кострах. Все эти дни дым поднимается над Скальбургом.

Проклятье на них, корни и ветви! Многие деревья были моими друзьями, я знал их, когда они были еще орешками и желудями, у многих был свой собственный голос, который теперь смолк навсегда. И там, где когда-то пели леса, теперь пустоши с пнями и ежевикой. Я был ленив. Я упустил все на произвол Судьбы. Это должно прекратиться!

Фангорн поднялся с кровати и хватил рукой по столу. Светящиеся сосуды подпрыгнули и выбросили два языка пламени. В глазах энта трепетал зеленый огонь, борода взерошилась, как огромная метла.

– Я прекращу это! – прогремел он. – И вы пойдете со мной. Возможно, вы сумеете мне помочь. Тем самым вы поможете и своим друзьям, потому что если Саруману дать волю, Ристания и Гондор окажутся в кольце врагов. Наши дороги сошлись не случайно, и теперь нам по пути – на Скальбург!

– Мы пойдем с вами, – сказал Мерри, – и сделаем все, что можем.

– Хорошо! – одобрил энт. – Но я говорил поспешно. Я слишком разгорячился. Мне надо остыть и подумать, потому что проще крикнуть: «прекратить!», чем сделать это.

Некоторое время он постоял под дождем водопада, затем засмеялся и встряхнулся, и всюду, где падали капли воды с него, они вспыхивали красными и зелеными искрами. Потом он вновь улегся на кровать и затих.

Через некоторое хоббиты вновь услышали его бормотанье. Казалось он считает по пальцам.

– Фангорн, Финглас, Фландриф, эх, эх, – вздохнул он. – Беда в том, что нас мало осталось, – обернувшись к хоббитам, пояснил:– Только трое из первых энтов, пришедших до Темноты, только я, Финглас и Фландриф – если называть их эльфийскими именами. Из нас троих от них меньше всего пользы. Финглас совсем сонный, одеревеневший, как вы бы сказали. А Фландриф жил к западу от Скальбурга, где случилось худшее из наших несчастий. Он сам был сильно ранен, а многие из его древесных стад убиты. Он ушел высоко в горы и не спустится оттуда. Впрочем, я могу собрать неплохую компанию молодых – если смогу объяснить им, что нужно, если смогу пробудить их: мы ведь неторопливый народ. Как жаль, что нас так мало!

– А почему вас так мало, если вы так давно здесь живете? – полюбопытствовал Пин. – У вас многие умерли?

– О, нет! Никто не умер сам по себе, как вы могли бы сказать. Конечно, некоторых сгубили годы, а больше одеревенело. Но нас никогда не было много, а хуже то, что нас не становится больше. Уже много лет у нас не было детей. Знаете, мы потеряли наших жен.

– Как это печально! – воскликнул Пин. – Как же произошло, что они умерли?

– Они не у м е р л и ! – терпеливо объяснил Фангорн. – Я не говорил, «умерли». Мы потеряли их и не можем найти, – он опять вздохнул. – Я думал, большинство народов знает об этом. Песни о нас пели эльфы и люди от Лихолесья до Гондора. Не может быть, чтобы их совсем забыли!

– Наверное, до нас они все-таки не дошли, – пожалел Мерри. – Может, вы все-таки расскажите, или споете какую-нибудь из этих песен.

– Пожалуй, – произнес Фангорн, казалось, тронутый этой просьбой. – Но я буду краток: завтра мы должны собрать совет и, быть может, отправимся в путь.

– Это довольно странная и грустная история, – продолжал он после паузы. – Когда мир был молод, а леса просторны и дики, энты и жены энтов жили вместе. Но сердца наши стремились к разному: энты

любили большие деревья, дикие леса и склоны высоких холмов, они пили из горных потоков и ели лишь те фрукты, которым деревья позволяли падать на тропу, и они знали с эльфами и разговаривали с деревьями. А жены энтов любили маленькие деревья и залитые солнцем луга у края лесов, и они видели ягоды в зарослях, и дикую яблоню и вишню, расцветающие по весне, и зеленые травы пойменных лугов летом, и колоссящиеся травы в осенних полях. Они не желали разговаривать с тем, что росло, но они хотели, чтобы все слушалось их и подчинялось им. Жены энтов приказывали растениям расти так, как они того хотели, и приносить плоды и листья, по их желанию, потому что жены энтов хотели порядка и изобилия. Они считали, что все в мире должно находиться на своем месте, а место это будут определять они. И вот они начали создавать сады и жить там. А мы продолжали бродяжничать, и в сады заходили только изредка. Когда на север пришла Тьма, жены энтов пересекли Великую Реку и разбили там новые сады, и взрастили новые поля. Мы виделись все реже. После победы над Тьмой земли жен энтов богато расцвели, и поля были полны зерна. Многие люди тогда познали искусство жен энтов и глубоко чтили их, а мы оставались для людей только легендой, тайной в сердце леса. И вот мы – здесь, а сады наших жен разорены: люди называют их теперь Коричневыми землями.

Помню, давным-давно, еще во время войны Сауруна с людьми с Моря, я захотел снова увидеть свою возлюбленную. Она была так прекрасна, когда я в последний раз видел ее, хотя и мало похожа на девушек-энтов прежних времен. Ибо труд сгибал их фигуры до времени, волосы выгорали на солнце до оттенков спелого зерна, а щеки становились похожи на красные яблоки. Только глаза оставались глазами моего народа. Мы перешли через Андуйн и пришли в их земли, но нашли лишь пустыню. Все было сожжено и раскорчевано, потому что здесь прошла война. И жен энтов там не было. Мы долго звали и долго искали, и спрашивали все встречные народы, каким путем ушли жены энтов. Некоторые говорили, что никогда их не видели, кое-кто отвечал, что их видели идущими на запад, другие говорили – на восток или на юг. Но мы нигде не могли найти их. Велика была наша печаль. Но дикий лес звал нас, и мы вернулись к нему. Много лет мы то и дело уходили на поиски, уходили далеко и все звали наших жен, выкликали их прекрасные имена. Но время шло, и мы уходили все реже и уже не так далеко. А теперь жены энтов – только память для нас, и бороды наши длинны и седые. Эльфы сложили множество песен о наших поисках, некоторые из них дошли до людей. Но мы не сочиняли песен, потому что прекрасные имена наших жен звучали в нас, когда мы думали о них. Мы верим, что вновь увидимся с ними, и может быть, нам удастся найти землю, где мы заживем вместе, и все будут довольны. Но предсказано, что это случится лишь тогда, когда и мы и они потеряем все, что имеем теперь. И вполне может быть, что это время приближается. Потому что если когда-то давно Саруман разрушил сады, то сегодняшний Враг, похоже изведет и леса.

Об этом была эльфийская песня – по крайней мере, я так ее понимаю. Ее распевали по всей Великой Реке. Она никогда не была песней энтов, заметьте: на нашем языке это была бы очень долгая песня. Но мы знаем ее сердцем и вспоминаем часто. Вот как она поется:

*Когда весна придет в леса, зашелестит листвою
И недра сумрачных озер наполнит синевою,
И станет горный воздух чист и сладок, как елей -
Приди ко мне и пой со мной: Мой край всего милей!*

*Когда весна придет в сады, и зашумят поля,
И пряным запахом весны наполнится земля,
Когда раскроются цветы среди густых ветвей -
Я не приду к тебе, мой друг. Мой край всего милей!*

*Когда настанет летний день, и грянет птичий звон,
И оживут лесные сны под сенью ясных крон,
Когда зальет чертог лесной златой полдневный свет -
Приди ко мне и пой со мной: Прекрасней края нет!*

*Когда горячий летний день согреет юный плод,
И в каждом улье у пчелы созреет светлый мед,*

*Когда зальет цветущий луг золотой полдневный свет -
Я не приду к тебе, мой друг. Прекрасней края нет!*

*Когда обрушится зима, и землю скроет тень,
И ночь беззвездная уьет короткий серый день,
И Лес умрет в туманной мгле – под снегом и дождем,
Найду тебя, приду к тебе, чтоб быть навек вдвоем.*

*Когда обрушится зима, и смолкнет птичья трель,
И сад в пустыню превратит свирепая метель -
Найду тебя, приду к тебе, чтоб быть навек вдвоем,*

Мерри показалось, что окончание песни пропели два голоса: глубокий и низкий – Фангорна, и светлый и прекрасный – его возлюбленной.

*И мы начнем – в руке рука – на Запад долгий путь,
И там, вдали, отыщем край, где можно отдохнуть.*

Песня кончилась.

– Вот так, – сказал Фангорн, – конечно, песня эльфийская – легкая, с быстрыми словами, и скоро кончается. На мой вкус она не плоха. Но энты могли бы сказать лучше, если бы у них было время! А теперь я собираюсь встать и поспать немножко. Вы где встанете?

– Мы обычно спим лежа, – смущенно признался Мерри. – Нам будет хорошо там, где мы есть.

– Спать лежа! – удивился Фангорн. – Да, разумеется! Хм, хум... Я забыл. Песня напомнила мне прежние времена, и я говорил с вами, как с молодыми энтами... Что ж, можете лечь на кровать. Я намерен стоять под дождем. Доброй ночи!

Мерри и Пин забрались на кровать и укутались мягкой травой и папоротником. Огни погасли и мерцание деревьев поблекло. Но снаружи под аркой они могли видеть старого Фангорна, неподвижного, с руками, поднятыми над головой. На небе показались яркие звезды, они освещали падающую воду, разбивавшуюся о его пальцы и голову, и рассыпавшуюся от него сотнями серебряных капель. Под звон струй хоббиты уснули.

Когда они проснулись, Фангорна не было. Но пока они плескались в бассейне под аркой, слышалось хмыканье и пение, и старый энт показался на тропе между деревьев.

– Хум, хм! Доброе утро, Мерри и Пин! – прогремел он. – Долго же вы спите. Я был за много сотен шагов от сюда. Теперь мы попьем и пойдем на сбор энтов.

Он подал им два кубка, наполненных из каменного кувшина – на этот раз из другого. И вкус был иным: он был более земляным, более богатым, более подкрепляющим и, если так можно сказать, более похожим на пищу.

Когда хоббиты насытились напитком и кусочками эльфийских лепешек, Фангорн поднял их на руки, как накануне. У выхода он повернул направо, перешагнул через поток и пошел на юг вдоль разрушенных склонов, поросших скудной растительностью. Вскоре он повернул от холмов и вошел глубоко в лес, где деревья были больше, выше и гуще, чем хоббитам когда-либо приходилось видеть. Фангорн шел, что-то задумчиво бормоча про себя, но Мерри с Пином не могли разобрать ни одного знакомого слова: нечто вроде «бум, бум, рамбум, бурар, бум, бум, дахарар бум бум, дахарар гум» и так далее, с постоянно меняющимся ритмом. Иногда им казалось, что ему кто-то отвечает, какие-то звуки неслись из земли, с ветвей над головой, из древесных стволов, но Фангорн не останавливался и не поворачивал головы.

Они ушли уже далеко – Пин пытался считать «энтовые шаги», но сбился около трехтысячного – когда Фангорн начал замедлять ход. Внезапно он остановился, спустил хоббитов на землю, поднес ко рту сложенные ладони и издал громкий клич, подобный звуку большого рога. Со всех сторон слышался такой же ответный звук, и это было не эхо.

Фангорн посадил Пина и Мерри на плечи и опять зашагал, поминутно издавая клич, и каждый раз ответы раздавались все ближе и громче. Наконец, они пришли к необозримой стене темных вечнозеленых деревьев, которых хоббиты никогда не видели прежде: ветви их росли прямо из корней и были густо покрыты темными блестящими листьями. Множество крепких шипов, усеянных большими оливкового цвета почками, торчало во все стороны.

Свернув налево, Фангорн в несколько шагов достиг узкого прохода в этой живой изгороди. Отсюда начиналась тропа, сбегавшая вдоль ступенчатого склона. Хоббиты увидели, что спускаются в большую лощину, круглую, как чаша, широкую, увенчанную по краям короной высокой вечнозеленой заросли. Дно лощины заросло ровной высокой травой. Кроме трех очень красивых серебряных берез, других деревьев не было. Еще две дороги вели в лощину, одна с запада, другая – с востока.

Несколько энтов уже были здесь. Многие спускались по тропам, некоторые шли следом за Фангорном. Хоббиты смотрели на них во все глаза. Они ожидали увидеть существа, похожие на Фангорна так же, как один хоббит на другого, и были очень удивлены, не обнаружив ничего подобного. Энты отличались друг от друга, как деревья: некоторые – как деревья одной породы, но разного возраста, другие – как одна порода деревьев от другой – береза от бука, например, или дуб от сосны. Там было и несколько старых энтов, заросших бородами и сучковатых, как кряжистые крепкие деревья (хотя старше Фангорна не было никого), и были высокие сильные энты, с чистыми ветвями и гладкой кожей, как зрелые лесные деревья, но не было ни молодых, ни подростков. Вместе их собралось около двух дюжин, и столько же еще подходило.

Вначале Пин и Мерри были ошеломлены разнообразием форм, цвета, высоты, длины конечностей; количество пальцев колебалось от трех до девяти. Некоторые энты казались более или менее сродни Фангорну, и напоминали буки или дубы. Некоторые напоминали каштан: они были коричневокожие, с большими руками и неуклюжими пальцами, с короткими толстыми ногами. Некоторые походили на ясень: высокие стройные энты с многопалыми руками и длинными ногами; были энты похожие на сосны (они были выше всех), березы, рябины, липы. Но когда все они собрались вокруг Фангорна, слегка покачивая головами и бормоча что-то своими музыкальными голосами, поглядывая на незнакомцев долгими внимательными взглядами, стало ясно, что это – одно племя: у всех были похожие глаза, не такие старые и глубокие, как у Фангорна, но все с таким же медлительным вдумчивым выражением и с такими же зелеными огоньками.

Наконец, все собрались, и началась любопытная и непонятная беседа. Энты начали медленно бормотать: сначала один, затем вступал другой, пока все не начинали петь вместе в размеренно восходящем и нисходящем ритме.

Внезапно Фангорн прекратил песню и снял хоббитов с плеч.

– Слушать непонятно что – пустое дело, – сказал он, – тем более для такого торопливого народа, как вы. Побродите пока неподалеку. Я найду вас, когда понадобится, и сообщу как идут дела.

Хоббиты пошли по тропе, идущей на запад. От дна котловины поднимались поросшие деревьями склоны, а за ними, над вершинами сосен, вздымался острый и белый, высокий горный пик. К югу виднелся лес, исчезающий постепенно в серой дали. Оттуда разливалось бледно-зеленое сияние, и Мерри догадался, что это отблески бескрайних равнин Ристании.

– Интересно, где находится Скальбург? – спросил Пин.

– Если бы я точно знал, где мы теперь, – ответил Мерри. – Но вот этот пик, по-видимому, Метедрас, и сколько я помню, Скальбург лежит в глубокой расселине у края гор. Возможно, он за этим гребнем. Кажется оттуда поднимается дымок – вон там, левее пика, да?

– А на что он похож, этот Скальбург? – спросил Пин. – Мне интересно, что с ним могут сделать энты?

– Мне тоже. Скальбург – он вообще вроде кольца из скал и холмов с ровным пространством внутри и скалистым островом в середине. Это и есть Ортханк. На нем стоит башня Сарумана. В кольце стен есть ворота, и не одни, наверное. Где-то рядом течет Изен. Он берет начало с гор и течет к Ристанийскому ущелью. Вряд ли энтам удастся легко овладеть этой крепостью. Правда, мне кажется, что эти энты совсем не так безобидны, как кажется. Они, конечно, медлительны, терпеливы, даже, я бы сказал печальны, но,

по-моему, их можно расшевелить. А если расшевелить, не хотелось бы мне быть против них.

Они повернули обратно. В бормотании энтов возникла пауза. К хоббитам вышел Фангорн.

– Хум, хм, вот и я. Пожалуй, вы устали, или спораєте от нетерпения? Ну, для нетерпения еще рано. Мы только начали: мне надо все объяснить тем, кто живет далеко и не знает о последних событиях, и только потом мы решим, что делать. А для решения потребуется столько времени, сколько нужно, чтобы обдумать все возможные предстоящие события. Ждите!

Энты совещались три дня. На рассвете четвертого их голоса достигли наивысшей силы, а потом разом смолкли. Наступил день, и солнце, идя на запад к горам, посылало из-за облаков длинные желтые лучи. Внезапно хоббиты поняли, что вокруг стоит абсолютная тишина. Лес молчал, напряженно вслушиваясь.

Сразу вслед за тем прокатился великий звучный крик: ра-гумм-ра! Деревья задрожали и согнулись, как под порывом ветра. Зазвучала музыка марша, как будто били в твердые и гулкие барабаны, и хоббиты увидели энтов, широкими шагами направлявшихся к ним. Во главе шагал Фангорн. За ним попарно следовало около пятидесяти энтов, ритмично ударяя руками о бока. Когда они подошли, стали видны вспышки огня в их глазах.

– Хууум, хом! Мы идем, мы, наконец, идем! – воскликнул Фангорн, завидя хоббитов. – Мы идем! Мы идем на Скальбург!

– На Скальбург! – закричали энты на множество голосов.

– На Скальбург! – с этим кличем колонна энтов двинулась на юг.

– Быстро энты решились, правда? – спросил Пин через некоторое время, когда голоса на время смолкли, и были слышны лишь удары рук и ног.

– Быстро? – переспросил Фангорн. – Да, пожалуй. Быстрее, чем я ожидал. Я не видел их такими уже много веков. Мы, энты, не любим, когда нас будят, и мы никогда не поднимаемся, если только нашим деревьям и нашей жизни не грозит великая опасность. Такого не случалось в лесу со времен войны Саурана с Людьми Моря.

– Вы действительно хотите сломать ворота Скальбурга? – спросил Мерри.

– Хо! Мы их обязательно ломаем! Вы, видно, не знаете, – энты очень сильны. Слышали о троллях? Но тролли – лишь подделка под нас, созданная Врагом во время Великой Тьмы, как орки – подделка под эльфов. Мы сильнее, чем тролли. Мы – кости земли! Если наш разум пробужден, мы можем разрывать камни, как разрывают их древесные корни!

– Но ведь Саруман попытается остановить вас?..

– Хум, хм, а, да, это так. Я долго думал об этом. Но, видите ли, многие энты моложе меня на много древесных жизней. Теперь они пробуждены, и думают только об одном: как бы разрушить Скальбург. Но они остынут, когда мы примем вечернее питье. А пока – пусть идут и поют! Перед нами долгий путь, и время для размышлений еще будет.

Фангорн зашагал вместе со всеми, и его голос присоединился к поющим. Но скоро он замолк, и Пин увидел печальный взгляд, печальный, но отнюдь не несчастный. В нем был свет, как будто зеленое пламя погружалось в глубины мыслей энта.

– Конечно, может быть, друзья мои, – сказал он медленно, – может быть, мы идем на смерть, последний поход энтов, хум, хм. Но если бы мы остались дома и не делали ничего, смерть все равно нашла бы нас рано или поздно. Эта мысль давно росла в наших сердцах, вот почему мы идем. Теперь хотя бы последний поход энтов, может быть, будет достоин песни. Я бы хотел, – вздохнул он, – услышать песни о наших женах... Но песни – как плоды, они поспевают в свой срок и своим путем...

Энты шли на юг. Пин оглянулся. Ему показалось, что их становится все больше. Там, где должны были лежать пустынные склоны, были деревья, и они двигались! Могло ли быть так, что Лес Фангорна поднимался, шагая через холмы на войну? Пин протер глаза, думая, что спит, или игра теней обманула его? Но серые очертания продолжали свое движение. Ветви шумели как под ветром.

Пала ночь, и настала тишина. Не было слышно ничего, кроме шороха земли под ногами энтов и

шепота листвы. Наконец, они остановились на вершине высокого холма и посмотрели вниз, в глубину ущелья: перед ними лежала долина Сарумана.

– Ночь лежит над Скальбургом, – звучно произнес Фангорн.

3. ТЕОДЕН

Гэндальф и его спутники скакали днем и ночью почти без отдыха, но лишь на рассвете третьего дня приблизились к воротам Эдораса, столицы Ристании, где сверкал золотой кровлей дворец правителя.

Стражи у ворот преградили им дорогу, по-ристанийски потребовав назвать себя. Дружелюбия в их взглядах было маловато. Гэндальф ответил им также по-ристанийски:

– Я понимаю вашу речь, но почему вы не говорите на Всеобщем языке, если хотите, чтобы вам ответили?

– По воле Теодена, нашего правителя, никто не должен входить в Эдорас, кроме друзей, знающих наш язык, – сказал один из стражей. – Но кто вы? Одежда у вас непонятная, а кони похожи на наших. Не шпионы ли вы Сарумана? Отвечайте быстро!

– Мы не шпионы, – ответил Арагорн, – а кони действительно ваши. Два дня назад мы получили их от Эомера, вашего военачальника, а теперь возвращаем, как обещали. Разве Эомер не вернулся и не предупредил о нашем прибытии?

Страж явно смутился.

– Может быть, ваше прибытие и не совсем неожиданность, – сказал он. – Но как раз позавчера Грима Черный сам приказал нам не пускать чужестранцев в город.

– Грима Черный? – гневно переспросил Гэндальф. – Но у меня дело не к Гриму Черному, а к правителю Теодену. Я тороплюсь. Ступай или пошли кого-нибудь сказать, что мы здесь! Я – Гэндальф и ты меня знаешь, а со мной мои друзья: Арагорн, сын Арахорна, Леголас – эльф из Лихолесья, и гном Гимли, сын Глоина. Передай правителю, что мы хотим говорить с ним.

Страж покачал головой. – Я передам, но не надейтесь на добрый ответ, слишком тревожное время... – и он быстро ушел, оставив пришельцев под зоркой охраной товарищей, но вскоре вернулся и сказал:

– Теоден разрешил вам войти. Следуйте за мной!

По длинной, вымощенной камнем дороге он привел их на вершину холма. Отсюда широкая каменная лестница вела на террасу дворца правителя. На верхних ступенях лестницы стояла стража в блестящих кольчугах с обнаженными мечами в руках.

Проводник вернулся к воротам, а они поднялись по лестнице. Воины наверху учтиво приветствовали их, и один выступил вперед.

– Я хранитель покоев Теодена, – сказал он на Всеобщем языке, – меня зовут Хама. Прошу вас оставить здесь оружие.

Леголас подал ему кинжал с серебряной рукоятью, лук и стрелы. – Сохраните их, – попросил он, – это дар правительницы Лориэна, я дорожу им.

Стражи сложили его оружие у стены, обещая, что никто не прикоснется к нему. Арагорну очень не хотелось отдавать Андрил. – Всякий хозяин волен приказывать в своем доме, – сказал он, – и я подчинился бы даже угольщику в его хижине, будь у меня в руках другой меч, а не этот.

– Каким бы он ни был, – возразил Хама, – вы должны отдать его, если не хотите сражаться в одиночку со всеми воинами Эдораса.

– Так уж и в одиночку! – проворчал Гимли, многозначительно пробуя пальцем лезвие своего топора и поглядывая на стража так, словно тот был молодым деревцем, которое надлежало срубить.

– Но, но! – тихонько прикрикнул Гэндальф. – Все мы здесь друзья или должны быть друзьями, иначе только порадуем Врага. Я отдаю меч, раз таков здешний обычай. Отдайте и вы оружие.

Бродяжник сам поставил у стены Андрил, запретив прикасаться к нему кому бы то ни было, тогда и Гимли поставил рядом с его оружием свой топор.

– Ему не стыдно будет стоять рядом с мечом Исилдура, – сказал он. – Ну, теперь-то мы, наконец, можем пройти к вашему правителю?

Но Хама колебался.

– Ваш посох, – обратился он к Гэндальфу. – Простите, но вы должны оставить здесь и его.

– Глупости, – отрезал Гэндальф. – Осторожность – это одно, а неучтивость – совсем другое. Я старик. Если мне нельзя идти, опираясь на посох, то я сяду здесь, и пусть Теоден сам придет ко мне.

– Посох в руках мага – это не только опора, – с сомнением сказал Хама. – Но я считаю, что вам и вашим друзьям можно довериться. Вы можете войти.

Они вошли в обширный зал, роскошно убранный, но полутемный, так как узкие окна пропускали мало света. Посредине зала пылал открытый очаг, а за ним, в дальнем конце, на трехступенчатом возвышении сидел в золоченом кресле Теоден, правитель Ристании. Подле его кресла стояла молодая женщина в белом, золотоволосая, гордая и холодная, а на ступеньках у его ног сидел, полузакрыв глаза, тщедушный бледный человек, одетый в черное.

Теоден показался вошедшим глубоким стариком: седовласый, седобородый и такой сгорбленный, что походил на карлика. Когда пришельцы приблизились, он сжал пальцами подлокотники кресла, но не шевельнулся и не сказал ни слова.

Первым заговорил Гэндальф. Он приветствовал Теодена, как друга, и предложил свою помощь. Тогда старик медленно встал, тяжело опираясь на посох черного дерева с белой костяной рукоятью, и они увидели, что несмотря на согбенную фигуру, росту он высокого и в молодости был, верно, статен и горд.

– Привет тебе Гэндальф Серый, – произнес он. – Не могу сказать, что рад твоему приходу. Не скрою, когда Беллазор вернулся без всадника, и я узнал о твоей гибели, то не стал печалиться. Но ты опять здесь, значит пришли еще худшие беды. Нет, Гэндальф Буревестник, я не рад тебе, – он тяжело сел снова.

Человек в черном добавил насмешливо:

– Какую помощь мы видели от вас, Гэндальф – Вестник Зла? А с чем вы пожаловали сейчас? Есть ли у вас войско? Есть ли у вас кони, мечи, копья? Только это нам и нужно. А с вами я вижу только троих странников в серых лохмотьях, и вы из них – самый оборванный.

– Об учтивости начали забывать в твоём доме, Теоден, сын Тенгеля, – сдержанно произнес Гэндальф. – Разве тебе не сообщили имена моих спутников? Редко случалось правителям Ристании принимать таких гостей, и ни один могучий вождь не отказался бы от оружия, оставленного у твоего порога. Одежду свою они получили от лориэнских эльфов, ты должен знать, что это значит, и в ней прошли через великие опасности, чтобы предстать перед тобой.

– Значит, Эомер сказал правду, и вы в сговоре с Колдуньей из Золотого Леса? – спросил Черный. – Тогда не удивительно: там всегда плетутся цепи коварства.

Гимли шагнул было вперед, но замер, ощутив на плече неожиданно тяжелую руку Гэндальфа. Маг выпрямился, не опираясь больше на свой жезл, его серый плащ распахнулся, а голос прозвучал холодно и резко, как ледяная грань.

– Разумный говорит только о том, что знает, Грима, сын Гальлода! – сказал он. – А тебе, неразумному червяку, лучше бы держать язык за зубами! Я не для того прошел сквозь огонь и мрак, чтобы слушать коварные речи раба, разрази его молния!

Он поднял жезл. Небо на востоке вдруг потемнело, раздался раскат грома и огонь в очаге поник. В полумраке светилась высокая белая фигура мага.

Грима прошипел в темноте:

– Не советовал ли я вам, повелитель, отнять у него жезл? Хама, глупец, предал нас! – Но тут над самой крышей сверкнула такая яркая молния, что он упал ничком.

Гэндальф снова заговорил с Теоденом.

– Не все еще покрыто мраком, – сказал он. – Выйди вместе со мной за порог и оглядись. Ты слишком долго просидел в полутьме, слушая дурные советы и лживые посулы.

Теоден медленно встал. Молодая женщина поддержала его под руку. Он спустился по ступеням, не

глядя на неподвижно распростертого Гриму, и прошел через зал. Гэндальф громко ударил в дверь.

– Отворите! – крикнул он. – Правитель идет!

Двери открылись, и в зал со свистом ворвался свежий ветер.

– Отошлите стражей к подножию лестницы, – повелел маг. – И вы, прекрасная дама, оставьте нас. Я сам позабочусь о правителе.

– Ступай, Эовин, – ласково произнес Теоден. – Время страха миновало.

Молодая женщина, оглядываясь, вернулась в зал. Она была очень хороша собой: высокая, стройная, в белой одежде с серебряным поясом, но казалась холодной и твердой, как сталь. Она взглянула на Арагорна, и он невольно сравнил ее с ранним утром, ясным и ледяным, когда до рассвета еще далеко. С минуту она глядела на него, словно зачарованная, потом быстро скрылась в покоех.

Опираясь на свой черный посох, Теоден огляделся. С высокой террасы были видны обширные луга Ристании. Из туч над ними свисал косыми полосами дождь. Ветер сносил его на восток. На западе тучи были черными и над вершинами далеких холмов сверкали молнии, но гроза уже уходила в сторону. Вверху тучи уже разошлись и из них проглянуло яркое солнце. Струи дождя засверкали серебром и река вдали заблестела, как зеркало.

– Здесь светло! – удивленно воскликнул Теоден.

– Да, – ответил Гэндальф, – и годы совсем не так тебе давят на плечи, как кое-кто заставляет думать. Брось посох!

Черный посох со стуком упал на каменные плиты. Теоден выпрямился, медленно, как человек, долгое время сидевший над неопрятной работой, и сразу оказался высоким и статным, а когда он взглянул на небо, глаза у него поглубели.

– Мрачные сны я видел, – тяжело произнес он, – но теперь чувствую, что пробудился. Жаль, что ты не пришел раньше. Сейчас ты увидишь только гибель моего дома. Недолго стоять этим древним стенам: скоро огонь пожрет их. Что мне делать, Гэндальф?

– Многое надо сделать, – ответил маг. – Но прежде всего – послать за Эомером. Я уверен, что он схвачен по злему навету. Это – Черный?

– Да, – несколько смущенно ответил Теоден, – Эомер не выполнил моих приказаний и угрожал Гриму смертью у меня на глазах. Но я сделаю так, как ты говоришь. Пусть Хама приведет его, – голос у правителя был суровый, но взглянув на Гэндальфа, он улыбнулся и многие морщины на его лице исчезли бесследно.

Теоден сел в каменное кресло у самой лестницы, а Гэндальф – на верхнюю ступеньку. Они беседовали так тихо, что Арагорн и его друзья, молча стоявшие рядом ничего не слышали. Теоден слушал мага и глаза у него блеснули. Он встал и вместе с Гэндальфом обернулся на восток. Друзья взглянули в ту же сторону. Мысли о Хранителе вызвали в их сердцах страх и надежду. Где он? Что с ним? Какие опасности ему угрожают, и сможет ли он преодолеть их? Зоркие глаза эльфа уловили далеко за краем земли мелькнувшую белую искру: словно солнце блеснуло на шпиге Белой Башни. А еще дальше, как недремлющая угроза, мелькнул крошечный красный язычок пламени.

Теоден медленно опустился в кресло: усталость снова побеждала его, несмотря на волю Гэндальфа. Маг, видя это, посоветовал ему взять в руки меч.

– Это вернет рукам былую силу, – сказал он. – Где твоё оружие?

Старый правитель поднес руку к бедру, но меча там не было.

– Куда же Грима спрятал его? – пробормотал он растерянно.

– Возьмите мой, повелитель, – раздался вдруг ясный и твердый голос. На лестнице стоял Эомер. Он был без шлема и кольчуги, а в руке сжимал обнаженный меч и, преклонив колено, протягивал его повелителю. Позади стоял Хама.

– Простите меня, повелитель, если я поступил неправильно, – обеспокоено проговорил он, – но Эомер – военачальник, и я сам вернул ему меч, думая, что он свободен.

– А я кладу его к вашим ногам, повелитель, – добавил Эомер.

Теоден стоял неподвижно, глядя на него сверху вниз. Потом, по знаку Гэндальфа, медленно протянул руку и, когда его пальцы сомкнулись на рукояти, всем показалось, что прежняя сила вернулась к нему. Он взмахнул сверкнувшим клинком и издал боевой клич Ристании. Воины на лестнице дружно ответили ему.

– Слава Теодену! – вскричал Эомер. – Как радостно видеть, что вы возвращаетесь! Никто не скажет теперь, что Гэндальф приносит только дурные вести.

– Возьми свой меч, Эомер, – произнес старый правитель, – а ты, Хама, принеси мне мой: он должен быть где-то у Гримы. Пусть Грима тоже придет сюда! Ну, Гэндальф, ты обещал добрый совет. Что теперь делать?

– Все, что нужно, уже сделано, – ответил Гэндальф. – Справедливость восстановлена. Но отбросить страх и выйти из тени – это только начало...

Он посоветовал Теодену собрать всех, способных носить оружие и выступить против Сарумана пока не поздно. Женщины, дети и старики должны укрыться в неприступных горных убежищах, но не брать с собой никакого имущества. Речь идет о спасении жизни.

Теоден предложил гостям отдохнуть и поесть, но Арагорн, поблагодарив, отказался. Он попросил Теодена позволить им присоединиться к войскам, потому что обещал Эомеру сражаться рядом с ним.

– Тогда мы обязательно победим! – воскликнул Эомер.

– Да, надежда есть, – сдержал его Гэндальф, – но Скальбург могуч, а есть еще и другие опасности. Не медли, Теоден. Как только мы выступим, уводи народ в горы.

– Нет уж, – возразил тот, – ты исцелил меня. Я сам поведу войска в бой! – и воины вокруг ответили ему громкими криками.

– Но народ нельзя оставлять без управления, – забеспокоился Гэндальф. – Нужен человек, которому все доверяли бы и соглашались повиноваться.

– Я уже думал об этом. Если я не вернусь из похода, пусть моим преемником станет Эомер. Но раз он тоже идет с нами, за меня останется Эовин. Я сам скажу ей об этом. А, вот и мой советник!

Двое воинов ввели Гриму Черного. Он был очень бледен и щурился от солнечного света. С ним пришел Хама. Преклонив колени, он подал Теодену меч в окованных золотом и отделанных яхонтами ножнах.

– Меч был в сундуке у Черного, – сказал он, – хотя он и не хотел отдавать ключи. И там нашлось много других вещей, которые считались потерянными.

– Лжешь! – прохрипел Черный. – Твой господин сам отдал мне меч на хранение.

– А теперь он требует его обратно, – властно сказал Теоден. – Или тебе это не по нраву?

Он приказал Гриму послать герольдов, чтобы созвать всех, способных носить оружие: люди и кони должны собраться у ворот к двум часам пополудни, чтобы выступить сегодня же.

– Увы! – вскричал Грима, – вот чего я боялся! Этот колдун околдовал вас! И вы никого не оставите охранять Золотой Дворец и его сокровища? Никого, чтобы охранять вас?

– Если это колдовство, – возразил Теоден, – то оно мне больше нравится, чем все твои нашептывания. Еще немного, и я встал бы на четвереньки, как животное. Нет, я не оставлю здесь никого, даже Гриму. Он тоже идет с войском. Ступай! У тебя есть еще время почистить свой меч от ржавчины.

Грима упал перед ним на колени.

– Сжальтесь, повелитель! – простонал он. – Не отсылайте от себя верного Гриму! Пожалейте того, кто так долго служил вам.

– Могу и пожалеть, – ответил Теоден, – ты останешься со мной. Я сам поведу войско, а ты будешь сопровождать меня и тем докажешь свою верность.

Черный встал, озираясь, как затравленный зверь.

– Я так и знал, – сказал он. – Если бы они любили вас, то пожалели бы вашу старость. Выслушайте хотя бы мои советы: оставьте в Эдорасе того, кто знает и чтит вашу волю. Назначьте наместником того, кому вы доверяете. Верный Грима сохранит все в целости до вашего возвращения.

Эомер рассмеялся.

– А на меньшее ты не согласен, доблестный Грима? Например, нести в горы мешок с провизией, если кто-нибудь доверит его тебе?

– Нет, Эомер, ты еще не понимаешь, что задумал наш благородный Грима, – вмешался Гэндальф, обратив на Черного пронизывающий взгляд. – Он хитер и дерзок. Даже сейчас он играет с опасностью и надеется выиграть. На колени, змея! – прогремел он вдруг. – Признавайся, давно ли Саруман купил тебя и за сколько? И не обещал ли он тебе, что когда все воины погибнут, сокровища Эдораса достанутся тебе, включая и женщину, которой ты домогаешься? Ты ведь давно ее преследуешь!

Эомер схватился за меч.

– Я так и знал! – воскликнул он. – Убить негодяя... – он шагнул вперед, но Гэндальф удержал его.

– Подожди, Эовин больше ничто не угрожает. Ты, Черный, хорошо служил своему настоящему господину и заслужил награду. Но Саруман любит забывать о своих договорах. Советую тебе поскорее вернуться к нему и напомнить условия, а то он забудет и о твоей верной службе.

– Нет, неправда! – став совершенно серым, прошипел Черный. Но Гэндальф не удостоил его ответом и, обратясь к Теодену, посоветовал дать Гриму коня и отпустить на все четыре стороны.

– Увидишь, что он выберет, – шепнул он. Теоден предложил Черному решать самому: либо отправляться вместе с войском в поход против Сарумана, либо взять коня и ехать куда угодно.

Черный с трудом встал на ноги. Во всем его облике была такая злоба, что стоявшие рядом с ним воины невольно попятились. Оскалив зубы, он зашипел, как змея, плюнул на пол и, метнувшись в сторону, сбежал по ступенькам. Теоден приказал проследить, чтобы ему не чинили препятствий и дали коня.

– Если какой-нибудь конь согласится нести его, – добавил Эомер.

Войско было готово к походу. Здесь было более тысячи воинов, и их копья напоминали густой молодой лес. Они радостными возгласами приветствовали Теодена. Правитель вскочил в седло. Арагорн и Леголас были уже верхом, но Гимли стоял в нерешительности и хмурился когда к нему подошел Эомер с конем в поводу.

– Приветствую Гимли, сына Глоина! – сказал он. – Я еще не научился сладким речам, как обещал, но больше не буду отзываться плохо о волшебнице из Золотого Леса. Не отложить ли нам нашу ссору на время?

– Я на время забуду о ней, сын Эомунда, – согласился гном, – но если вы увидите прекрасную Галадриэль собственными глазами, вам придется признать ее прекраснейшей в мире, или нашей дружбе конец.

– Согласен, – рассмеялся Эомер. – А до тех пор – простите меня и, в знак примирения, не откажитесь ехать со мною.

– Буду рад, – отвечал Гимли, – но с условием, что рядом поедет мой друг Леголас.

– Леголас слева, Арагорн справа, тогда никто не устоит перед нами!

Гэндальф выступил вперед и свистом позвал Беллазора. Конь издал ответил ему, примчался и положил голову на плечо. Маг, сбросив серый плащ и шляпу, вскочил в седло. Ни шлема, ни кольчуги на нем не было; седые кудри и белая одежда ослепительно сверкали на солнце.

– Белый Всадник! – промолвил Арагорн и все согласились с ним.

Войска Теодена двинулись. Во главе, рядом с правителем ехал Эомер. А из самого высокого окна башни долго смотрела им вслед прекрасная Эовин в серебряной кольчуге и с мечом на поясе, как и подобает правителю города в военное время. Ей хотелось, чтобы Арагорн хоть раз обернулся. Но он так и не обернулся.

На восходе второго дня армия Ристании была уже далеко за пределами Эдораса. Небо было чистое, но вслед за солнцем с востока поднималась какая-то темная завеса. Воздух был неподвижный и душный, как перед грозой. Из долины Скальбурга далеко впереди медленно расползался густой черный туман.

Гэндальф приблизился к Леголасу, ехавшему рядом с Эомером.

– Нет глаз зорче, чем у эльфов, – сказал он. – Они за целую лигу отличают воробья от зяблика. А ну-ка, скажи, что ты видишь над Скальбургом?

– Далековато, – прищурился эльф, прикрывая глаза красивой рукой. – Там тьма, а по берегу реки движутся какие-то большие тени. Я не понимаю, что это такое. Не облако и не туман... Какая-то злая воля нагнала эту тьму и она медленно стекает вниз по реке...

– А позади идет гроза из Мордора, – добавил Гэндальф. – Черна будет эта ночь!

К вечеру, когда войска уже почти вступили под завесу мрака, к ним подскочил с запада всадник в измятом шлеме с изрубленным щитом. Он принес дурные вести: передовые отряды Ристании отброшены от крепости Хорне. Многие воины погибли при переправе через Изен. Саруман двинул на них дикие племена, живущие за рекой и самых свирепых своих орков. Эрнекбранду, принявшему бой, нужна помощь, иначе полчища Сарумана прорвутся на Эдорас.

Узнав во главе армии Теодена, вестник удивился и обрадовался.

– Веди нас, повелитель! – вскричал он, взмахивая зазубренным мечом. – Прости меня, я думал...

– Ты думал, что я остался во дворце, согбенный, как старое дерево под тяжестью снега, – сказал Теоден. – Так оно и было, когда вы уходили в битву. Но ветер с запада отряхнул мои ветви, – он обернулся к своим воинам. – Дайте ему свежего коня и пусть он ведет нас на помощь Эркенбранду!

Накануне ночи они успели занять крепость Хорне раньше, чем туда подоспели войска Сарумана. Замок был могуч и неприступен, в нем можно было отбить любую атаку и выдержать длительную осаду.

Арагорн с Эомером обошли стены и ворота, намечая оборону. Но Гэндальфа с ними не было. Еще на закате белый конь умчал его так стремительно, что никто даже не заметил, в какую сторону он скрылся.

Едва успели военачальники расставить воинов по местам, как во мраке раздались свирепые вопли, и враги кинулись на стены со всех сторон. Среди них было множество орков, но еще больше – дикарей, которых Саруман восстановил против ристанийцев лживыми слухами. Дикари жаждали мести, орки – крови и уничтожения.

Битва продолжалась всю ночь. Арагорн и Эомер сражались плечом к плечу. Леголас трижды опустошал свой колчан и трижды наполнял его собранными среди убитых врагов стрелами. Гимли устал после длительной скачки в седле с Эомером, но с первым же взмахом топора забыл об усталости и валил орков и дикарей, словно сноровистый дровосек в лесу. Несколько раз за ночь он встречался с Леголасом, и они сравнивали счет убитых ими врагов.

– Три, – сказал Гимли после первых своих ударов, снеся головы оркам, окружившим Эомера.

– Только-то, – фыркнул Леголас. – У меня не меньше двадцати. – Двадцать один, – заявил Гимли после того, как они отбили нападение на ворота.

– У меня – две дюжины, – ответил эльф. – Пришлось пустить в ход кинжал, стрелять было тесно.

Снова и снова кидались враги на стены и ворота, снова и снова защитники замка отбрасывали их. Нужно было продержаться до восхода солнца, которого ни орки, ни дикари не любят, но так велики были силы и ярость нападающих, что Теоден, стоявший на площадке самой высокой из башен, начал терять надежду.

– Об этом замке говорят, что он никогда не уступал силе, – сказал он Арагорну, пришедшему сообщить о ходе сражения, – но я начинаю сомневаться, выдержит ли он на этот раз. Если бы я знал, как силен Скальбург, даже советы Гэндальфа не заставили бы меня выступить. Сейчас они не кажутся мне такими добрыми, как утром.

– Сражение еще не кончилось, – устало заметил Арагорн.

– Да, но конец скоро наступит, – с горечью ответил правитель Ристании. – Я не хочу умирать здесь, как зверь в ловушке. Наши кони стоят во дворе. На рассвете мы предпримем контратаку. Или пробьемся или падем со славой. Вы поддержите нас, сын Арахорна?

– Да, – твердо ответил Арагорн.

Простившись, он поднялся на стены, не обращая больше внимания на стрелы врагов. На востоке светало. Арагорн поднял руку, показывая, что желает говорить. Орки перестали стрелять, но завизжали, кривляясь, и начали осыпать защитников замка насмешками, похваляясь, что перебьют всех до единого.

– Убирайся со стены! – кричали они Арагорну. – Долой, пока тебя не подстрелили! Тебе нечего сказать нам!

– Нет есть! – звучным голосом ответил он. – Слушайте меня! Этот замок никому не взять силой. Если вы не уйдете, с рассветом никого из вас не останется в живых. Некому будет даже сообщить о вашей гибели. Вы еще не поняли, что грозит вам!

Одинокая фигура над разрушенными воротами дышала такой силой и величием, что дикари оробели и начали озиаться по сторонам, а иные даже поглядывали на небо, словно ища там угрозу, о которой говорил Арагорн. Но орки завывали и захохотали еще громче. Град стрел взметнулся снизу, но не одна не попала в него.

Арагорн вернулся к Теодену. Правитель созвал свою свиту, отряды сомкнули ряды и через разрушенные ворота ударили на врага. Их атака была столь неожиданной и яростной, что орки и дикари не устояли. Вместе с отрядом Теодена на врагов кинулось множество воинов, до этого укрытых в пещерах среди холмов. Их вел Эомер. Враги в ужасе заметались, не зная куда бежать, они уже повернули на запад, но оттуда в полном молчании появился и встал на гребне белый всадник на белоснежном коне. За ним видны были ряды воинов, сверкал белый лес мечей и копий.

– Белый Всадник! – вскричал Арагорн. – Гэндальф вернулся!

– Митрандир! – подхватил Леголас. – Это он!

Отряд Теодена остановился. Люди оглядывались, не узнавая местности. За одну ночь зеленая долина и травянистые холмы покрылись вековым лесом. Ряд за рядом, сплетаясь ветвями, стояли могучие деревья, хмурые и молчаливые, окутанные тьмой. Между лесом и войсками ристанийцев оставалась лишь неширокая полоса. На ней сбились, ища спасения, орки и дикари, стена и вопя от страха. В конце концов, дикари побросали оружие, упали на землю и лежали неподвижно, но орки в смятении кинулись прямо в неведь откуда взявшийся лес. Они скрылись в тени деревьев, но оттуда не вышел ни один...

Утро было светлое и ясное. Ристанийцы радостно окружили своего правителя. Теоден радостно приветствовал племянника, а тот благодарил Гэндальфа за неожиданную помощь.

– Вы искусный маг, Гэндальф Белый, – почтительно сказал Эомер.

– Я не так уж много сделал. Добрый совет в опасности, да быстрота коня, остальное свершила сила и отвага ваших воинов, – тут Гэндальф заметил, с каким изумлением многие смотрят на безымянный лес. – Это диво я вижу не хуже вас, – сказал он, – но я здесь не при чем. Никакому магу это не под силу. Надо сказать, оно, это чудо, превосходит все мои замыслы.

– Если это не ваше колдовство, то чье же? – изумился Теоден. – Не Сарумана же! Неужто на свете есть еще такой же могучий кудесник?

– Я думаю, за разгадкой надо ехать в Скальбург, – ответил маг.

– В Скальбург? – вскричали все.

– Да, в Скальбург, но ненадолго, потому что мне пора на восток. Я хочу поговорить с Саруманом, и поскорее. А так как он причинил Ристании большой вред, то будет только справедливо, чтобы при разговоре присутствовал правитель. Можете вы ехать?

– Я устал, – вздохнул Теоден, – пришлось много ездить и мало спать, а моя усталость – увы! – не притворство, и она вызвана не только нашептываниями Гримы Черного. Едва ли даже у тебя найдется лекарство от нее.

– Хорошо, – решил маг, – отдохнем до вечера. Много людей нам не понадобится. Мы едем для беседы, а не для битвы.

Теоден отослал гонцов с известиями о победе и приказал Эомеру с двадцатью воинами сопровождать его в Скальбург. С ним вызвался ехать Арагорн, Леголас и Гимли. Гном был ранен, но не опасно.

По приказу Теодена дикари, сдавшиеся в плен, были поставлены на работы по восстановлению замка. Им было объявлено, что после работ, поклявшись жить в мире с Ристанией, они могут быть свободны. Это их несказанно удивило: Саруман уверял их, что в Ристании принято сжигать пленников живьем.

К вечеру Теоден, Гэндальф и их спутники выехали в сторону Скальбурга. Лес стоял у них на пути, окутанный странной тьмой. Он казался дремучим и непроходимым. Но когда Гэндальф, скакавший впереди, приблизился к его краю, стволы расступились, ветви поднялись и отряд въехал под темные своды. Во мраке слышались непонятные звуки: скрип, отдаленные возгласы, неразборчивый гневный ропот, – но никого не было видно. Вскоре отряд выехал из леса, дальше дорога была свободна.

По дороге Гимли рассказывал Леголасу о чудесах пещер, в которых скрывались перед рассветом вместе с воинами Эомера. Он восторженно описывал прекрасные залы, высокие гулкие своды, витые колонны и стены, сверкающие драгоценными камнями, неподвижные озера, в которых отражается это великолепие, становящееся поистине сказочным, когда в озеро падает, зазвенев, капля воды со сводов, заставляя отражение колыхаться и искриться. Залы, своды, коридоры нескончаемо уходят в недра холмов и бесконечно множатся их красоты.

Эльф слушал его внимательно, он никогда не видел друга таким взволнованным. Это волнение передалось и ему. В конце концов, они уговорились, что если выйдут живыми из предстоящих опасностей, непременно побывают вместе в лесу Фангорна и в пещерах Агларонда.

Путь до Скальбурга был неблизкий, и только к концу второго дня они приблизились ко входу в долину. Она лежала перед ними темная, так как луна уже заходила, и из этой темноты поднимались столбы и струи дыма и пара.

– Что это значит, Гэндальф, – спросил Арагорн. – Долина словно кипит.

– Над нею всегда стлался дым, – сказал Эомер, – но такого я никогда не видел. Саруман стряпает какое-то зелье, не иначе: Изен пересох, он, верно всю реку вскипятил.

Они остановились на ночлег у высохшего русла и уснули, но среди ночи проснулись. Земля под ними вздрагивала, в воздухе носились какие-то шорохи, стоны, ропот, а в темноте по обоим берегам реки двигалось что-то темное, – словно огромная черная стена, медленно ползущая в сторону Скальбурга. Воины схватились было за оружие, но Гэндальф приказал молчать и не двигаться. Черная тень прошла и исчезла, все успокоилось. Проснувшись на утро, они увидели, что Изен, как всегда, струится в своем русле.

Неподалеку от Ортханка стоял у дороги каменный столб. На нем была изваяна Белая Рука. Когда отряд проходил мимо, все увидели, что изваяние забрызгано кровью.

Когда они подъехали к воротам Ортханка, был полдень, и сквозь туман проглядывало бледное солнце. Ворота были разбиты вдребезги, разрушенные стены превратились в нагромождение камней, а обширное пространство внутри кольца стен было залито дымящейся водой, из которой кое-где поднимались остатки каких-то развалин. Здесь у Сарумана было много подземных сооружений, ходов и кузниц, но все они были затоплены, разрушены и уничтожены. Дороги, со всех сторон сходящиеся к башне Ортханка и огражденные тяжелыми цепями на каменных столбах, исчезли. Башня одиноко высилась среди озера, словно черный утес.

Теоден и его спутники остановились, в полном изумлении глядя на это разрушение. Они видели, что мощь Сарумана сломлена, но не могли взять в толк, кто и как мог это сделать. В разрушенных воротах среди нагромождения камней, в окружении кувшинов, кубков и тарелок они увидели двоих хоббитов в серых эльфийских плащах. Пин крепко спал, а Мерри лежал, закинув руки за голову, и задумчиво глядел в небо. Заметив всадников, он вскочил и почтительно приветствовал Теодена.

– Мы охраняем ворота, – сообщил он. – Благородный Саруман находится в башне, но сейчас он

заперся с неким Гримой, а то, конечно, сам вышел бы приветствовать высоких гостей.

– Ну, разумеется! – засмеялся Гэндальф. – Так это он приказал вам охранять ворота и встречать за него гостей?

– Нет, до этого у него руки не дошли, – серьезно ответил Мерри. – Он был слишком занят. Мы получили приказ от временного управляющего Ортханка. Он велел встретить правителя Ристании подобающими речами. По-моему, мне это удалось.

Но тут Гимли, не выдержав, кинулся к Мерри.

– Что это значит? – вскричал он. – Мы уже столько времени разыскиваем вас по лесам и болотам, сражаемся, а вы преспокойно сидите тут и пируете? Откуда у вас эта еда?

– И вино, – добавил со смехом Леголас.

Тут Пин приоткрыл один глаз.

– Вот вы все ищете, а главного не заметили, – важно произнес он, – недогадливые вы. Вам и невдомек, что мы сидим на поле битвы и наслаждаемся заслуженным отдыхом.

– Заслуженным? – ошарашено переспросил Гимли.

Всадники расхохотались.

– Так значит ваша пропажа нашлась, наконец, – обратился Теоден к Арагорну. – Это и есть те самые невысоклики, о которых говорится в наших сказках? Теперь я вижу, что там они описаны не очень-то верно.

Хоббиты с достоинством поклонились ему.

– Вы слишком добры, повелитель, – сказал Пин. – Где я только не был, а вот чтобы сказки о нас рассказывали – такого не слыхал.

– Да, ты прав, – ответил Теоден, – сказок именно про вас у нас нет, но вот страна невысокликов, лежащая где-то далеко за горами и реками упоминается. Я думаю, вы многое могли бы рассказать о ней и о себе.

– А как же, – с достоинством промолвил Мерри. – Я мог бы рассказать, например, как мой двоюродный пра-пра-прадедущка...

– Вы не знаете, чем это грозит вам, Теоден, – прервал его Гэндальф. – Любой невысоклик способен запросто сидеть посреди разрушенных им крепостей и часами рассказывать о своих предках и родичах до девятого колена, был бы слушатель. Мы этим займемся, но когда-нибудь потом. Где Фангорн, Мерри?

– Велел передать, чтобы вы искали его там, с северной стороны, он пошел пить чистую воду. Там же вы найдете и угощение, самое лучшее, какое мы могли выбрать для вас.

Гэндальф засмеялся.

– Это хорошо. Хотите поехать со мною, Теоден? Познакомьтесь с Фангорном, старейшим из энтов, он говорит на самом древнем языке этого мира и может рассказать много интересного, если у вас хватит терпения слушать его.

– Я поеду, – ответил Теоден, – Прощайте, добрые невысоклики! Когда-нибудь мы встретимся у меня во дворце и уж там поговорим. Прощайте!

4. ОТ ПОРТА ГАЛЕНА ДО СКАЛЬБУРГА

Гэндальф и Теоден со свитой направились вдоль разрушенных стен Скальбурга туда, где их ждал старейшина энтов, но Арагорн, Леголас и Гимли остались с хоббитами.

– Ну вот, – сказал Арагорн, – охота кончилась, и мы снова вместе, причем там, где никто из нас и не думал оказаться.

– Да уж, – добавил Леголас, – и теперь охотники, наконец, смогут получить ответы на загадки, с которыми встретились. Мы проследили ваш путь до леса, но многого не понимаем.

– Нам тоже интересно, – ворчливо отозвался Мерри, – Фангорн рассказал кое-что, но мало.

– Всему свое время, – сказал Леголас. – Ведь это мы охотились за вами, вот вы и рассказывайте.

– Нет, сначала мы должны позавтракать, – вмешался Гимли. – Солнце высоко, а мы в пути с рассвета.

Хоббиты повели их в полуразрушенную башню. В уцелевшей большой комнате пылал очаг. Пин откуда-то принес посуду и множество всякой снеди. Хоббиты и сами присоединились к трапезе. «За компанию» – сказал Пин.

После еды настало время разговоров. Леголас решительно потребовал, чтобы хоббиты рассказали обо всем, что с ними случилось. Гимли поддержал его, и они подчинились, хотя им было очень любопытно, как их друзья попали сюда, в Скальбург, да еще вместе с Теоденом и Гэндальфом. Они рассказывали, перебивая друг друга, а «охотники» кивали головами, когда их догадки подтверждались.

Орки подстерегали хоббитов в лесу у озера и напали на них так неожиданно, что они не успели ничего понять. Когда Боромир ринулся им на помощь, враги осыпали его градом стрел. Пин и Мерри отчаянно защищались, но орки сбили их с ног, связали по рукам и ногам и унесли, пока они были без сознания.

На стоянке среди холмов, ночью, пленники очнулись и слышали, как среди орков вспыхнула ссора. Орки говорили на Всеобщем языке, но одни были из Мордора, а другие из Скальбурга. Их начальники поспорили из-за пленников, каждый считал, что они принадлежат ему. Сарумановы орки рассчитывали получить за них награду, а мордорские спешили позабавиться с ними по-своему. Началась драка. Один из убитых северян рухнул прямо на хоббитов, связанных и лежащих на земле. Нож, крепко зажатый в руке убитого, почти касался связанных рук Пина. Пока орки были заняты дракой, ему удалось перерезать веревку на руках, а потом обмотать ее вокруг кистей так, что она казалась целой. Расправившись с непокорными, отряд поспешил к Скальбургу. Пленникам освободили ноги, чтобы они могли идти, и влили в горло какое-то ужасное питье. Правда, оно придало им сил. Мерри был ранен, рану ему залечили, смазав бурой мазью, причинившей такую боль, что он снова потерял сознание и был приведен в себя грубым встряхиванием.

На равнине Пин решил во что бы то ни стало дать знак друзьям, если их будут искать. В одной лощине он улучил мгновение, кинулся в сторону, и прежде чем орк успел нагнать и схватить его, быстро отколол от плаща пряжку из Лориэна и бросил в траву. Ему очень не хотелось расставаться с этим подарком, но ничего другого не придумалось. За попытку к бегству его отстегали бичом с обещанием расправиться по настоящему, когда придут на место.

Последующие часы были для обоих кошмаром. Иногда их заставляли бежать вместе с орками, подгоняя бичом, но чаще орки тащили их как тюки, тащили так грубо и безжалостно, что они были рады, когда теряли сознание. Они давно уже ничего не ели: то, что швыряли им орки, есть было нельзя.

Когда Пин пришел в себя после очередного беспамятства, было утро. Они снова лежали на земле, а орки ссорились: поворачивать ли к горам или к лесу. Высланные вперед разведчики видели Всадников из Ристании. Победили снова северяне, но только они тронулись к лесу, как выяснилось, что они окружены ристанийцами. Большинство орков бросились в бой, а несколько, опять же северяне, остались сторожить пленников. Один из орков по каким-то намекам видно сообразил, что у пленников есть нечто, очень ценное для Сарумана, и решил завладеть вещью, чем бы она не оказалась. Пока остальные сражались, он схватил обоих хоббитов под мышки и потащил в сторону, чтобы обыскать. Но тут на него налетел Всадник и после короткой схватки убил обрзину. Хоббиты лежали там, где их бросили и боялись пошевелиться,

пока не услышали, что шум битвы отдалился и затих.

Тогда Пин снял веревку, нашел на трупке орка нож и перерезал путы Мерри. Они подкормились чудом уцелевшими эльфийскими лепешками и отползли вглубь леса. Потом, когда затекшие ноги ожили, они неторопливо отправились вдоль реки, беседуя так спокойно и беспечно, словно и не их вовсе совсем недавно ждала скорая и мучительная смерть. Теперь, когда опасность миновала, к ним вернулась обычная хоббитская беспечность. Всю ночь они шли вверх по реке, но только оказавшись в самой чаще решились напиться и смыть с себя всю грязь и изнеможение этих страшных дней. Свежая вода и лепешки подбодрили их, но теперь неизвестно было, куда идти.

– Давай поднимемся на холм, – предложил Мерри, – и осмотримся.

С вершины холма они увидели, что ушли совсем не так далеко, как им казалось ночью. Именно здесь хоббиты и встретились с никогда еще не виданным существом – не то человеком, не то деревом, ростом никак не меньше четырнадцати футов. Волосы и борода у него были похожи на серо-зеленый мох, одежда или кожа – как древесная кора, а на огромных руках и таких же огромных ступнях – по семи пальцев. Глаза темные, буровато-зеленые, пронзительные и добрые, а голос – очень низкий, неторопливый и раскатистый.

Это был Фангорн – старейший из энтов, именем которого назывался весь лес. Энты были чуть ли не древнейшими живыми существами в мире. В их преданиях сказано, что раньше они были деревьями, но эльфы научили их двигаться, дали способность говорить и видеть. Поэтому к эльфам и ко всему, что с ними связано, они относятся с большим уважением. Сами себя они называют пастухами деревьев и хранителями лесов, а врагами из всех живых существ считают только орков: эти гнусные слуги зла часто валят и ранят деревья безо всякой нужды. Фангорн отнесся к одетым в эльфийские плащи хоббитам очень ласково. Он взял их на руки и отнес к себе в пещеру у подножья горы, угостил чудесным напитком, свежим, как ключевая вода, и ароматным, как ветерок из весеннего леса. После этого он захотел узнать об их приключениях, и они рассказали подробно, с самого начала, но ни о Кольце, ни о Фродо не упоминали совсем. Он выслушал их очень внимательно и долго расспрашивал о разных подробностях, но особенно заинтересовался, узнав о столкновении хоббитов с орками Сарумана. Саруман был ближайшим соседом энтов, и известие о том, что этот могучий маг вступил в союз с орками, огорчило и даже разгневало его. Саруман давно уже вырубал его любимые рощи. Победа Скальбурга означала бы гибель для всего леса Фангорна.

Взволновать энта нелегко, а успокоить его, пока он не сотворит чего-нибудь, и вовсе невозможно. Фангорна так взволновало предательство Сарумана, что на следующий день с рассветом, он созвал всех своих родичей на совет. Их было много, все разные: иные – как деревья одной породы, выросшие в разных условиях, другие – просто как разные породы. Только глаза у всех были как у Фангорна.

Совет продолжался долго. Энты никогда не торопятся и ни в одном языке не найдется таких длинных, раскатистых слов, как у них. Хоббиты слушали-слушали эти громохочущие речи и ушли. Целый день они бродили по лесу, стараясь не уходить далеко от места сбора; любовались игрой солнца среди деревьев, пили воду из прозрачных источников, слушали лепет ручейков и чувствовали себя в этой чаще очень одинокими и потерянными. Они очень тосковали по своим спутникам.

Только на следующий день к вечеру Фангорн сообщил им, что энты решили двинуться на Скальбург и разрушить его. Гнев этих древних существ закипал медленно, но закипев, не знал преград. Хоббиты и сами не ожидали такого результата от своей беседы с Фангорном, и им было страшно. Энты преобразились, их медлительная ярость была как вода, хлынувшая из прогнившей плотины и сокрушающая все на своем пути. Но порядок они признавали гораздо лучше, чем орки. По знаку Фангорна они двинулись в путь, попарно, мерным шагом, отбивая ритм огромными руками. Пин и Мерри ехали на плечах Фангорна во главе этого необычного войска, слушая воинственное пение, размеренное и грозное, и стараясь догадаться, что будет дальше. Оглянувшись, они увидели, что оставшиеся позади склоны, еще недавно голые, покрыты деревьями, словно вслед за энтами двинулся весь Лес Фангорна.

Солнце зашло, спустились сумерки, в наступившей тишине слышно было только, как земля дрожит под ногами энтов, да шелестит ветерок в ветвях. Наконец, на гребне холмистой гряды они остановились. Внизу темнела глубокая впадина среди гор: долина Скальбурга.

– Ночь лежит на Скальбургом, – произнес Фангорн.

Эльф, человек и гном долго молчали, выслушав эту повесть. Многое, казавшееся им загадочным, стало понятным теперь, а остальное они надеялись понять позже.

– Сколько же времени прошло с тех пор, как мы расстались? – спросил Пин и очень удивился, узнав, что прошло только девять дней.

– Мне казалось, что мы пробыли в плену целые годы, – сказал он, – а на поверку выходит – дня три или четыре. Я так часто терял сознание, что в конце концов потерял счет времени.

– Я могу вернуть тебе не только время, – сказал Арагорн. Он снял с пояса и протянул хоббитам их мечи, и они радостно схватили свое оружие. – Вот твоя пряжка, любезный Пин, она очень помогла нам.

Пин и Мерри горячо поблагодарили Бродяжника.

– Ваш рассказ об орках Мордора тревожит меня, – сказал Следопыт. Темный Владыка и так знает слишком много. Теперь он будет следить и за Саруманом, но для нас важнее всего то, что слуги Врага перешли Реку.

– Ну а что было потом? – спросил Гимли.

– Мы подошли к стенам Скальбурга, – продолжал Мерри, – и увидели утром, как оттуда выходят войска Сарумана: орки, люди, волки и волколаки. Они шли на Ристанию.

– Да, здесь Саруман ошибся, – заметил Арагорн, – он хотел разделаться с Теоденом, но кроме дикарей, которые сдались в плен, никто не уцелел.

– Их было тысяч десять, – говорил Мерри, – они шли и шли. Потом ворота закрылись, тогда Фангорн сказал пару слов своим сородичам и часть их двинулась за войском Сарумана.

– Безымянный Лес! – вскричал Гимли, догадавшись.

– Потом Фангорн опустил нас на землю, начал стучать в ворота и звать Сарумана. Ему ответили залпом стрел. Но стрелы для энтов – что комары для нас. Они не вредят, а только раздражают. Фангорн рассердился и подозвал нескольких энтов. Друзья мои! Разгневанный энт – это, я вам скажу, что-то ужасное! Я никогда не видел ничего подобного. Руками и ногами он впивается в скалу и раздирает ее как краюху хлеба. В несколько минут он проделывает то, для чего корням дерева нужны сотни лет. Они мигом превратили ворота в груды мусора и принялись за стены. Я не знаю, ведал ли Саруман, что происходит, но сделать-то все равно ничего бы не смог.

– Ну, это ты зря, – задумчиво сказал Арагорн. – Он еще могуч. Много знает и умеет. У него есть власть над душами. Мудрого он убедит, слабого запугает. Даже сейчас, когда он потерпел поражение, едва ли в этом мире кто-нибудь может говорить с ним без опаски. Разве что Гэндальф, Элронд и Галадриэль, других я не знаю.

– С энтами ему не справиться, – пренебрежительно ответил Пин. – Он о них не думал, а теперь думать некогда. От его воинства мало что осталось. Кое-кто пробовал удрать, но вряд ли энты их выпустили. Саруман укрылся в башне; он пробовал привести в действие свои подземные машины, у него их тут много, и обжег и поранил многих энтов. Это их окончательно разъярило и они устроили целое землетрясение. Мы с Мерри спрятались, но что толку? Энты обстреливали башню каменными глыбами и обломками столбов, даже сами кидались на нее, только напрасно. Потом Фангорн созвал их, о чем-то поговорил, и все исчезли. Кто ушел, кто спрятался. А на следующий день сюда хлынула вода: энты отвели Изен.

– Да, мы знаем, – кивнул Арагорн. – Мы видели сухое русло.

– А вечером, – продолжал Пин, – уже в сумерках, прискакал всадник, весь белый и на белом коне. Я смотрел и не верил своим глазам, крикнуть не мог, только стоял и шептал. А он? Может, думаете, он сказал: «Привет, Пин, вот так приятная встреча»? Ничего подобного! Он крикнул: «Эй, Пин, где Фангорн? Он мне срочно нужен!» Фангорн был рядом. Они вовсе и не удивились друг другу, как будто знали, что должны здесь встретиться, долго совещались шепотом, потом Фангорн скрылся, а Гэндальф, наконец, сказал, что очень рад нас видеть, но о себе не стал рассказывать и вскоре тоже исчез. Вода все прибывала, и когда она вливалась в какой-нибудь колодец, оттуда поднимался столб пара. В конце концов, она залила

всю долину, но сейчас уже спадает.

Едва ли это зрелище доставляет Саруману удовольствие. Он все еще в башне. А мы посмотрели кругом – никого нет, вот и приуныли. Но теперь, раз Гэндальф вернулся, все в порядке.

– Одного я не понимаю, – сказал Гимли, когда они обсудили услышанное. – Вы сказали, что здесь Грима. Это имя нам знакомо. Как он попал сюда?

– Да, я и забыл про него. Он прискакал сегодня утром, – сообщил Пин, – когда кругом был туман. Посмотрел на весь этот разор, позеленел с лица и рот разинул. Нас он заметил не сразу, а когда заметил, то вскрикнул и кинулся обратно. Но тут Фангорн в два шага догнал его и снял с седла. Лошадь убежала, и он висел как мышь у кошки в лапах. Фангорн расспросил его, и он сказал, что его зовут Грима, что он друг и советник Теодена, послан от него к Саруману с важными вестями. Он рассказал, что в пути его преследовали орки и волки и много чего еще говорил, но Фангорн сказал, что знает о нем от Гэндальфа и что если его прислали к Саруману, то пусть и идет к нему в башню. Грима только заглянул в ворота и отскочил, хотел немедленно возвращаться в Эдорас, но Фангорн не пустил. Он предложил ему на выбор: либо подождать под стражей энтов Гэндальфа, либо идти к башне вброд. Он предпочел второе. Вода доходила ему до ушей, но Фангорн провожал его, пока в башне не открылась дверь и этого Грима не втащили внутрь. Неужели такая крыса действительно была советником правителя?

– Да, – ответил Арагорн, – но он был еще слугой и шпионом Сарумана. Он получил по заслугам. Увидеть гибель Скальбурга, который он всегда считал непобедимым – это для него в самый раз. Но мне сдается, его ждет что-то похуже.

– Я тоже так думаю, – отозвался Мерри. – Насколько я понял, старик Фангорн отправил его в башню не потому, что пожалел. Пожалуй, нам будет еще на что посмотреть.

5. ГОЛОС САРУМАНА

Арагорн и его друзья миновали разрушенный туннель и, стоя на груде камней, смотрели на горделивую башню со множеством окон, возвышавшуюся среди хаоса разрушения. Вода уже почти сошла, только кое-где оставались большие мутные лужи, а между ними тянулись обширные пространства, вымощенные осклизлыми каменными плитами и усеянные валявшимися в беспорядке обломками. С северной стороны к башне приближались несколько всадников.

– Это Гэндальф и Теоден со своими людьми, – присмотревшись, сказал Леголас. – Пойдемте им на встречу.

– Только осторожно, – предупредил Мерри. – Некоторые плиты здесь качаются, и можно свалиться в подземелье.

Они медленно двинулись по скользким плитам. Всадники, заметив их, остановились. Гэндальф выехал навстречу друзьям.

– Итак, здесь почти все сделано, – произнес он. – Остается последнее: поговорить с Саруманом. Это опасно, может быть, бесполезно, но необходимо. Если хотите, можете сопровождать меня, но будьте внимательны. Сейчас не время для шуток.

– Я пойду, – сказал Гимли. – Интересно посмотреть: правда – он похож на тебя?

– Это не так просто, – возразил Гэндальф. – Если Саруман сочтет нужным, он будет похож на меня. И я не очень уверен, хватит ли у тебя мудрости разобраться во всех его личинах? Ну, там видно будет. Может он еще и не покажется, когда увидит, что нас много.

– А что он может нам сделать? – спросил Пин. – Обоьет жидкой смолой из окна или заколдует издали?

– Все может быть, – спокойно ответил Гэндальф. – Знаешь, милый, если зверя загнать в угол, он на все готов. У Сарумана есть способности, о которых ты и не подозреваешь. Во всяком случае, остерегайтесь его голоса!

Они подошли к подножию Ортханка. Башня была сложена из черного блестящего камня. Все углы и грани были такими четкими, словно только что из-под резца. Ярость энтов не оставила на башне никаких следов, кроме нескольких крошечных сколов у основания. С восточной стороны, между двумя массивными контрфорсами виднелась большая дверь, а над нею – закрытое ставнями окно с решетчатым балконом. Дверь была высоко над землей, и к ней вела лестница из двадцати семи широких ступеней. Это был единственный вход.

У подножия лестницы Гэндальф и Теоден спешили. – Я поднимусь, сказал маг. – Я бывал в Ортханке и знаю, чего нужно опасаться.

– Я тоже пойду с тобой, – ответил Теоден. – Я стар и больше не знаю страха. Мне хочется поговорить с врагом, причинившим Ристании столько бедствий. Со мной будет Эомер; он поддержит меня, если я ослабею.

– Как хотите, – сказал Гэндальф. – Арагорн, мне бы хотелось, чтобы ты тоже был с нами. Остальные пусть подождут внизу.

– Нет уж, – живо отозвался Гимли, – мы с Леголасом тоже пойдем. Мы здесь единственные представители наших племен, и не хотим пропускать самое интересное.

Гэндальф улыбнулся. – Ну что ж, идемте, – и вместе с Теоденом начал подниматься по ступеням.

Всадники оставались в седлах и ждали по обеим сторонам лестницы, с тревогой озирая мрачную башню. Мерри и Пин сели на нижней ступеньке, чувствуя себя бесполезными и беззащитными.

– До ворот пол-лиги, да еще грязь, – пробормотал Пин. – Хорошо бы нам вернуться туда потихоньку. И зачем только мы пришли?

Гэндальф остановился перед дверью Ортханка и ударил в нее жезлом. Она глухо зазвенела. –

Саруман! Саруман! – громко и повелительно крикнул он. – Выходи Саруман!

Окно над дверью открылось, но не сразу. В его темном проеме никого не было видно.

– Кто там? – раздался оттуда голос. – Что вам нужно?

Теоден вздрогнул. – Я знаю этот голос, – сказал он, – и проклиная день, когда впервые внял ему.

– А ну-ка, Грима, позови своего хозяина! – крикнул Гэндальф, – и не заставляй нас ждать.

Окно захлопнулось. Прошла минута. Вдруг зазвучал другой голос, негромкий и музыкальный. В нем было непередаваемое очарование. Слышавшие этот голос редко потом вспоминали сами слова, а если все же вспоминали, то удивлялись, ибо в словах этих не было никакой силы. Но голос доставлял наслаждение. Все, произносимое им, казалось мудрым, со всем хотелось согласиться. Всякий другой голос по сравнению с этим казался хриплым, всякие другие речи неразумными: а если кто-то осмеливался возражать, в сердцах у очарованных загорался гнев. Одного звука этого голоса было достаточно, чтобы стать его рабом, и это колдовство сохранялось для слушателей даже когда они были уже далеко. Голос все шептал, приказывал, и они повиновались. Никто не мог слушать его без волнения, никто не мог противостоять его чарам. Устоять могла только твердейшая воля и устремленная мысль.

– В чем дело? – кротко спросил голос. – Зачем вы нарушаете мой отдых? Неужели вы не оставите меня в покое ни днем, ни ночью? – в этом тоне был ласковый упрек мягкого сердца, огорченного незаслуженной обидой.

Все в изумлении посмотрели наверх. Никто не слышал, чтобы кто-нибудь выходил. Но он уже стоял на балконе, глядя на них сверху вниз: старик в широком плаще, цвет которого менялся с каждым его движением. Лицо продолговатое, лоб высокий, глаза глубокие и темные, непроницаемые совершенно, но взгляд благосклонный и немного усталый. Волосы и борода седые, с темными прядями на висках.

– Ну, подойдите же, – продолжал медоточивый голос. – Гэндальфа я знаю слишком хорошо, и не надеюсь, что он пришел за помощью и советом. Но ты, Теоден Могучий, Герцог Ристанийский, достойный сын Тенгеля Прославленного! Почему ты не пришел ко мне раньше, почему не пришел, как друг? Я хотел видеть тебя, самого могучего из правителей Запада, чтобы спасти от чужих советов, злобных и неразумных. Но и сейчас не поздно. Я готов забыть обиды, нанесенные мне воинами Ристании, потому что хочу спасти тебя от гибели на неверном пути, выбранном тобой. Ибо только я могу спасти тебя.

Теоден хотел что-то сказать, но не решился. Он взглянул на Сарумана, потом на Гэндальфа, и было видно, что он колеблется. Но Гэндальф не шевелился, словно ожидая ему одному ведомого знака. Всадники перешептывались, одобряя слова Сарумана, но потом притихли и слушали как зачарованные. Им казалось, что Гэндальф никогда не говорил так хорошо с их правителем, а наоборот, всегда был груб и надменен. И в их сердцах тенью прокрался великий страх: они словно воочию видели гибель Ристании, к которой Гэндальф толкал их, тогда как Саруман открывал двери к спасению.

Молчание неожиданно нарушил Гимли. – Этот колдун ставит все вверх ногами, – проворчал он, положив руку на рукоять топора. – На языке Ортханка помощь – это гибель, а спасение – убийство. Но мы пришли сюда не как просители.

– Тихо! – резко сказал Саруман, и в глазах у него мелькнул красный огонек. – Я не с тобой говорю, Гимли, сын Глоина. Ты нездешний, нечего тебе соваться в дела этой страны. – Голос опять потеплел. – Но я не стану корить тебя за твои деянья, весьма доблестные, разумеется. Только прошу, дай мне договорить с Герцогом, моим старым соседом и когда-то другом.

Он снова обратился к Теодену со сладкой речью, предлагая совет и помощь, предлагая простить взаимные обиды и рука об руку идти к прекрасному будущему. – Скажи, Теоден, разве ты не хочешь мира между нами? спрашивал он.

Старый правитель молчал. Видно было, как в нем боролись гнев и сомнение. Вместо него заговорил Эомер.

– Послушайте меня, повелитель! – воскликнул он. – Вот опасность, против которой нас предостерегали. Неужели мы добились победы только для того, чтобы нас опутал своими чарами старый лжец, источающий мед змеиным языком. Если бы собаки загнали волка, он именно так заговорил бы с

ними. О какой помощи идет речь? Злодей стремится уйти от расплаты, вот и все! Но неужели вы вступите в переговоры с этим предателем и убийцей? Неужели забудете о храбрецах, павших прошлой ночью?

— Если у кого и ядовитый язык, так это у тебя! — произнес Саруман с гневом, который слышали теперь все. — Каждому свое, Эомер, сын Эомунда! Твое дело — отвага в бою. Вот и убивай тех, кого велит твой господин, а не вмешивайся в дела, которые выше твоего разума. Если когда-нибудь тебе суждено стать правителем, ты поймешь, что дружбой Сарумана и силой Ортханка не пренебрегают из-за детских обид. Вы выиграли битву, но не войну, и выиграли с помощью, на которую нечего рассчитывать дважды. В следующий раз Тень Леса может появиться у твоей собственной двери: она капризна, лишена разума и не любит людей.

Я снова обращаюсь к тебе, повелитель Ристании! Подумай, можно ли назвать меня убийцей отважных воинов, павших в бою? Не я хотел войны. Это вы начали ее. И если я — убийца, то таковы все правители, ибо много войн они вели и многих врагов побеждали. А потом заключали мир. Подумай, Теоден Могучий, будет ли между нами мир и дружба? Только ты можешь решать здесь.

— Между нами будет мир, — медленно и хрипло заговорил Теоден после долгого молчания. Всадники при этих словах радостно вскрикнули. — Да, между нами будет мир, — твердо повторил Герцог, — когда не станет ни тебя, ни твоих дел, ни дел Темного Владыки, которому ты хотел предать нас. Ты — лжец, Саруман, лжец и совратитель! Ты протягиваешь мне руку, а я вижу на ней холодный и острый коготь Мордора! Говоришь, ты не хотел войны? А кто сжигал деревни? Кто убивал детей? Кто глумился над трупами? Когда тебя вздернут на твоем балконе на радость твоим воронам, вот тогда я помирюсь с Ортханком! Не раньше. Я не так велик, как мои предки, но лизать руки никому не стану. Вот тебе мой ответ. Боюсь, твой голос утратил свои чары.

Всадники смотрели на Теодена, как люди, которых неожиданно разбудили. Грубым и резким карканьем старого ворона казался его голос после речей Сарумана. Но Саруман был вне себя от ярости; перегнувшись через перила балкона, он пожирал Теодена глазами, горящими гневом. Все подумали, что он походит на змею, готовую ужалить.

— Виселица и вороны! — заорал он, и все вздрогнули, услышав, как внезапно изменился его голос. — Старый глупец! Твой дворец — притон разбойников и пьяниц! Слишком долго они сами уходили от виселицы. Но петля приближается, неотвратимая и безжалостная. И тебе придется в ней болтаться! — тут он овладел собой, и голос у него снова переменялся. — Не знаю, зачем я говорю с тобой, лошадиный пастух. Мне не нужен ни ты, ни твои всадники, они только удирают проворно. Я предлагал тебе власть, которой ты не заслуживаешь ни доблестью, ни разумом, а ты ответил мне руганью. Пусть будет так. Возвращайся в свою конюшню!

— Но ты, Гэндальф! — голос опять полился сладкой музыкой. — Ты меня огорчил. Мне стыдно видеть тебя в таком обществе. Ты ведь так же горд, как и мудр. Ты почти всевидящий. Так неужели даже сейчас ты не примешь моего совета?

Гэндальф шевельнулся и взглянул вверх. — Тебе есть что добавить к сказанному при нашем последнем свидании? — спросил он. — А может, ты хочешь взять что-нибудь из сказанного обратно?

Саруман озадаченно промолчал.

— Взять обратно? — повторил он. — Я исходил из твоего блага, но ты не послушал меня. Да и что тебе чужие советы при твоей мудрости? Но может быть, ты неправильно понял меня в прошлый раз? Может быть, я немного поторопился? Прости меня, как я прощаю твоих дерзких и неразумных спутников. Мы оба с тобой принадлежим к древнему Ордену, самому высокому в этом мире. Наша дружба нам обоим пойдет только на пользу. Постараемся же понять друг друга и забудем на время об остальных, низкородных. Пусть они подождут наших решений. Давай подумаем вместе о вещах важных для всех, в том числе и для них. Поднимись ко мне, обсудим все сообща, мы обязательно придем к разумным решениям.

Такую силу вложил Саруман в этот последний призыв, что никто из слушавших не остался безучастным. Но теперь впечатление было совершенно иное. Они слышали ласковый упрек кроткого короля, обращенный к заблуждающемуся, но любимому вассалу. Но самих их при этом словно выгнали <...>. Словно невоспитанные дети или глупые слуги слушали они непонятные речи старших и не знали, как

эти речи отразятся на их собственной судьбе. Эти двое были совсем из другой породы – возвышенной и мудрой. Они непременно заключат союз между собой. Сейчас Гэндальф поднимется в башню, дабы обсуждать там дела, недоступные для их понимания. Дверь закроется, и они останутся за порогом, ожидая решения великих. Даже у Теодена мелькнула мысль: "Он изменит нам, он пойдет туда, и тогда мы погибли!"

Но тут Гэндальф рассмеялся, и морок развеялся без следа.

– Саруман! – воскликнул он. Голос мага не был таким мелодичным, но казалось, заполнил собой всю долину. – Ты выбрал не то попроще! Если бы ты стал шутом, то прославился бы во всех землях. – Гэндальф помолчал, а потом продолжал уже обычным голосом. – Ты говоришь, нам нужно понять друг друга? Тебя я вполне понимаю, а вот тебе меня уже не понять. Я ничего не забыл. Когда мы виделись в последний раз, я был твоим пленником, а ты – тюремщиком на службе Мордора, и как раз собирался послать меня туда. Нет, я и не подумаю подниматься к тебе: кто убежал через крышу, тот не будет входить в дверь. А теперь послушай меня, Саруман, послушай в последний раз! Не спустишься ли ты ко мне? Твои надежды на помощь Скальбурга не оправдались. Как бы тебя не постигли и другие разочарования. Так не разумнее ли отказаться от сомнительных упований ради более достойных? Подумай, Саруман!

Тень прошла по лицу Сарумана. Он побледнел как мертвец. На миг он не совладел собой и все увидели, как терзают его сомнения, как он не может выбрать: покинуть ли свое убежище или оставаться в нем. Саруман колебался, и все затаили дыхание. Но потом он заговорил, и голос у него был теперь холодным и резким. Гордость и ненависть взяли в нем верх.

– Сойти? Мне? – насмешливо повторил он. – Разве сойдет безоружный человек, чтобы говорить с разбойником у своего порога? Мне и отсюда все хорошо слышно. Я не настолько глуп, Гэндальф Серый, чтобы доверять тебе. Лесных демонов, правда, не видно, но я знаю, где они затаились по твоему приказу.

– Предатели всегда недоверчивы, – устало махнул рукой Гэндальф. – Но ты напрасно опасешься за свою жизнь. Я не собираюсь убивать тебя. Пойми, я хочу спасти тебя, и это твоя последняя возможность. Ты можешь покинуть Ортханк свободно, если хочешь.

– Приятно слышать! – Насмешливо фыркнул Саруман. – Очень похоже на Гэндальфа Серого: так снисходительно, так великодушно. Не сомневаюсь, что Ортханк нравится тебе, и мой уход был бы для тебя желательным. Но с чего бы мне уходить? И что ты понимаешь под словом «свобода»? У тебя ведь, конечно, есть условия?

– Ну, причин для ухода у тебя немало, – ответил Гэндальф. – Своих слуг ты не найдешь, они истреблены или рассеяны, твоих соседей ты сделал своими врагами, своего нового господина обманул или пытался обмануть. Если его Око обратится сюда, оно будет гневным. Так вот, когда я говорю «свободно», это означает свободу: свободу идти, куда захочешь, да, Саруман, даже в Мордор, если это тебе по душе. Только перед этим тебе придется отдать ключи от Ортханка и жезл. Я обещаю сохранить их и вернуть тебе, когда ты снова станешь мудрым.

Черты лица Сарумана исказились от бешенства, а в глазах загорался красный огонь. Он злобно рассмеялся. – Ах, ключи! Тебя интересуют ключи! Не сразу, Гэндальф Серый, не сразу! – вскрикнул он пронзительным голосом. – Позже! Ну, например, когда у тебя будут ключи от Барад-Дура, короны Семи королей и жезлы семи магов. Ты не так много хочешь, и я думаю, управишься без моей помощи. Мне недосуг. Если хочешь договориться со мной, уходи и возвращайся трезвым. И пожалуйста, без этих головорезов, и без кукол, которые болтаются у тебя на хвосте. Прощай! – он повернулся и собрался уйти с балкона.

– Вернись, Саруман, – негромко, но повелительно окликнул его Гэндальф. Ко всеобщему изумлению, Саруман медленно, словно против воли, повернулся и прислонился к ограде балкона. Лицо у него осунулось и постарело, а руки вцепились в черный жезл, как когти.

– Я еще не отпустил тебя, – сурово продолжал Гэндальф. – Ты поглупел, Саруман, и достоин жалости. Ты еще мог бы отвернуться от зла и безумия, мог бы принести пользу. Но ты упорствуешь. Что ж, твое право. Но предупреждаю тебя: выйти тебе будет нелегко. Ты не выйдешь до тех пор, пока рука с востока не протянется и не схватит тебя! – голос мага, теперь мощный и грозный, гремел. – Саруман! Открой глаза! Я

больше не Гэндальф Серый, которого ты предавал. Я – Гэндальф Белый, вернувшийся из Мрака. А ты, ты стал бесцветным, и я своей властью исключаю тебя из Совета и из Ордена! – он поднял руку и произнес медленно, холодным и отчетливым голосом: – Саруман, я ломаю твой жезл! – Жезл в руке Сарумана с треском сломался и обломки упали к ногам Гэндальфа. – Ступай! – приказал Гэндальф, и Саруман со стоном упал на колени и уполз внутрь.

В этот момент сверху, брошенное с силой, вылетело что-то тяжелое и блестящее. Оно отскочило от железной ограды балкона, на которую только что опирался Саруман и, чуть не задев Гэндальфа, упало на ступеньки у его ног. Ограда зазвенела и сломалась, ступенька треснула, и от нее во все стороны брызнули осколки. Но брошенный предмет остался целым и покатился вниз по лестнице. Это был хрустальный шар, темный, но с огнем внутри. Он катился к большой глубокой луже, но Пин догнал и схватил его.

– Подлый убийца! – вскрикнул Эомер. но Гэндальф остановил его. – Нет, это не Саруман, – сказал он. – Это из верхнего окна, прощальный подарок Грима Черного, только бросок неважный.

– По-моему, это оттого, что он не мог решить, кого ненавидеть больше, тебя или Сарумана, – заметил Арагорн.

– Возможно, – согласился Гэндальф, – мало им будет радости друг от друга: оба полны яда и злобы. Но это только справедливо. Если Грима выйдет из Ортханка живым, это будет больше, чем он заслуживает. Эй, подожди-ка, мой милый! – воскликнул он вдруг, обернувшись и увидев Пина, который медленно поднимался по лестнице, словно неся тяжелый груз. – Никто не просил тебя его трогать! – с этими словами маг поспешно спустился навстречу хоббиту и, отобрав у него темный шар, завернул в полу своего плаща. – Я сам позабочусь о нем. Саруман ни за что бы не выбросил такую вещь.

– Но он может бросить что-нибудь другое, – заметил Гимли. – Если мы уже побеседовали, то, может, нам отойти подальше?

– Да, – ответил Гэндальф, – больше здесь говорить не о чем.

Они спустились с лестницы. Всадники приветствовали их радостными криками. Чары Сарумана исчезли: все видели, что он вернулся, когда ему было приказано, и уполз, когда был отпущен.

– Ну, вот и все, – произнес Гэндальф. – Теперь мне нужно только найти старика Фангорна и сказать ему, чем кончилось дело.

– Он бы и сам догадался, наверное, – предположил Мерри. – Разве могло быть как-то иначе?

– Могло бы, – устало вздохнул Гэндальф, – потому что висело на волоске. Но у меня были причины рискнуть. Прежде всего, нужно было показать Саруману, что колдовская сила его голоса исчезает. Нельзя быть одновременно и тираном и мудрецом, а ему казалось, что он сможет совместить несовместимое. Поэтому-то я и предложил ему честный выбор: порвать с Мордором, забыть о своих кознях и помочь нам. Никто лучше него не знает наших трудностей, и он мог бы оказать нам неоценимую помощь. Но вы видели, что он выбрал. Он хочет не служить, а приказывать. И теперь ему придется жить в страхе перед рукой Мордора, хотя он и надеется совладать с нею. Жалкий глупец! Он будет уничтожен, если Темный Владыка дотянется до Скальбурга. Ортханк нам не по зубам, но у Саурона зубы не в пример крепче!

– А когда мы победим, что ты с ним сделаешь? – спросил Пин.

– Я? Ничего, – пожал плечами Гэндальф. – Я не стремлюсь к власти. А что будет с ним – не знаю. Жаль, что столько доброй силы обратилось во зло и гниет теперь в стенах башни. Ненависть часто оборачивается против себя. Сейчас не это главное. Если бы даже нам удалось войти в Ортханк, немного бы в нем нашлось сокровищ более дорогих, чем то, которым швырнул в нас Грима.

В этот момент из окна сверху донесся пронзительный крик, тотчас же оборвавшийся.

– Кажется, Саруман тоже так думает, – заметил Гэндальф. – Пойдемте отсюда.

Они вернулись к развалинам ворот, и не успели миновать арку, как из тени вышел Фангорн, а с ним еще несколько энтов. Арагорн, Гимли и Леголас изумленно глядели на них.

– Это мои друзья, Фангорн, – сказал Гэндальф. – Я говорил тебе о них, но ты их еще не видел, – и он назвал по имени одного за другим. Старый энт долго и пытливо разглядывал всех по очереди и каждому

сказал несколько слов. Под конец он обратился к Леголасу: – Так вы пришли из самого Лихолесья, добрый эльф? Когда-то это был очень большой лес.

– Он и сейчас большой, – ответил Леголас, – но, конечно, не такой большой, как когда-то. Мне бы очень хотелось побродить по вашему лесу. Я побывал только на опушке и рад был бы вернуться туда.

Глаза у Фангорна заблестели от удовольствия. – Надеюсь, ваше желание исполнится раньше, чем холмы успеют состариться, – сказал он.

– Я приду, если мне удастся, – ответил Леголас, – и с вашего разрешения, мы придем вдвоем с другом.

– Я буду рад всякому эльфу, который придет с вами, – сказал Фангорн.

– Это не эльф, – возразил Леголас, – это Гимли, сын Глоина, вот он.

Гимли низко поклонился, топор при этом выскользнул у него из-за пояса и звякнул о камни.

– Гм-гм! Кха! – покашлял Фангорн, мрачно поглядев на него. – Гном, да еще с топором! Я люблю эльфов, но вы хотите от меня слишком многого. Эльф и гном – вот странная дружба!

– Пусть странная! – пылко воскликнул Леголас, – но пока Гимли жив, я без него не приду. Его топор не для деревьев, а для орков, и в недавнем бою он срубил их с полсотни, обойдя меня на одного. Но я так люблю его, что не обижаюсь.

– Вот как? – удивился старый энт. – Ну, это уже лучше. Что ж, пусть все будет как есть. Нам незачем торопиться. Вы придете в мой лес, когда захотите, придете оба. Но теперь пора расставаться. День близится к концу, а Гэндальф говорил, что вам нужно уехать до вечера.

– Да, нам нужно ехать, – кивнул маг. – Боюсь мне придется забрать и ваших привратников, по-моему, они вам больше не понадобятся.

– Наверное, ты прав, – ответил Фангорн, – но мне без них будет скучно. Мы подружились так быстро, что я, кажется, тоже начинаю спешить, как все в вашем сумасшедшем мире, а может – впадаю в детство. Я очень давно не встречал столь необычных существ, они поразили меня. Я их не забуду, они останутся друзьями энтов до тех времен, пока новые листья не перестанут распускаться на ветвях. Прощайте! Возвращайтесь, если сможете!

– Мы вернемся! – ответили в один голос Мерри и Пин, и поспешно отвернулись, чтобы скрыть волнение. Фангорн молча глядел на них, покачивая головой, потом обратился к Гэндальфу.

– Так Саруман не захотел выйти? Я так и думал. Внутри он черный, как гнилое дерево. Но на его месте я бы тоже спрятался.

– Да, – ответил маг, – но ты не собирался покрывать всю землю своими деревьями и душить все остальное.

Он добавил, что Саруман оставил ключ Ортханка у себя, поэтому его нельзя выпускать. Он посоветовал Фангорну снова залить долину водой и держать ее, пока не будут залиты все подземелья. Тогда ему останется только сидеть наверху и смотреть в окно. Не выпускайте его!

– Предоставь это нам, – пророкотал Фангорн. – Мы обыщем долину, заглянем под каждый камушек. Здесь вырастет лес и мы назовем его Сторожевым. Не то что Саруман, ни одна белка не прошмыгнет здесь без моего ведома. Пока не пройдет всемеро больше лет, чем он мучил нас, мы не устанем его стеречь!

6. ПАЛАНТИР

Солнце заходило за длинную цепь холмов на западе, когда Гэндальф, Теоден и их спутники покидали Скальбург. Мерри ехал с Гэндальфом, а Пин – с Арагорном. Правитель Ристании выслал вперед разведку, остальной отряд двигался неспешно.

У ворот молчаливыми изваяниями застыл строй энтов. Фангорн держался чуть поодаль, и больше всего напоминал старое дерево с обломанными ветвями. Небо над холмами было еще светлое, но на развалины Скальбурга уже легли длинные тени.

Когда отряд поравнялся со стрелой с изображением Белой Руки, все заметили, что рука сброшена вниз и разбита вдребезги. Один палец валялся посреди дороги, и красный ноготь на нем почернел.

– Энты ничего не упустили, – сказал Гэндальф. Они миновали столб, торопясь уйти из разгромленной долины до наступления темноты.

Мерри молчал, молчал, и наконец, не выдержал: – Мы что, так и будем ехать всю ночь? Я, может, и кукла, но только и кукле изредка нужно прилечь и отдохнуть.

– А, слышал, значит, как вас величают! – усмехнулся маг. – Не стоит обижаться. Саруман мог бы обозвать вас чем-нибудь похуже. Он никогда не видел хоббитов, откуда же ему знать, как к вам обращаться? Но смотрел он на вас во все глаза. Можешь гордиться: вы с Пином интересовали его больше, чем все остальные: кто вы, откуда, зачем прибыли, что знаете, как вам удалось сбежать, если все орки погибли? Вот какими загадками смущен сейчас великий ум Сарумана. Так что насмешка с его стороны – это честь для тебя, любезный Мериадок.

– Вот уж спасибо, – скептически отозвался Мерри. – Чести хоть отбавляй. Один мудрый обзывается, другой мудрый всю душу потряс. Но с этого хоть польза есть: можно все-таки выяснить – долго нам еще трястись.

Гэндальф засмеялся. – Вот прилип! Эти хоббиты любого мага научат не бросаться словами. Ну, не ворчи. Обо всем я подумал, и об отдыхе тоже. Пересечем долину и устроим привал. Но уж завтра придется поспешить. Сначала я хотел возвращаться в Эдорас прямо по равнинам, но теперь думаю, что лучше ехать ночами и среди холмов.

– У тебя всегда так: или мало или много. Я только и хотел узнать насчет ночлега, а теперь мне придется еще думать о твоих планах и о том, почему они изменились.

– Да узнаешь ты все, узнаешь, только не сразу. Мне и самому еще не все понятно.

– Ладно, вот остановимся, спрошу у Бродяжника, он не такой скрытный. Но мы же победили, чего таиться теперь?

– Победили-то победили, – задумчиво ответил маг, – но это наша первая победа, и опасность меньше не стала. Между Скальбургом и Мордором есть какая-то связь. Уж как они обменивались новостями – не знаю, но обменивались – это точно. Око Барад-Дура сейчас обращено к Скальбургу и Ристании. Чем меньше оно увидит, тем лучше.

Дорога шла вдоль Изена. Поднявшийся было ночью туман разогнало холодным ветром. Почти полная луна встала на востоке и на долину лилось золотистое сияние. Наконец, холмы кончились, перед всадниками открылась обширная серая равнина.

Здесь они остановились, найдя защищенную от ветра ложину, заросшую вереском. Были здесь густые кусты терновника и боярышника. Под ними и развели костер.

Около полуночи на поляне все спали. Все, кроме охраны и Пина. Его мучило любопытство. Тогда, в Мории, именно оно заставило его бросить камень в колодец, теперь ему не давал покоя таинственный хрустальный шар, отнятый у него Гэндальфом. Пин так ворочался на своем ложе из сухих листьев и травы, что разбудил товарища.

– В чем дело? – недовольно проворчал Мерри. – Что у тебя там, муравейник, что ли?

– Нет, – тихо ответил Пин, – мне просто неудобно. Сколько мы уже не спали на настоящей постели?

Мерри зевнул. – А с тех пор, как ушли из Лориэна, – сказал он. – Но сегодня я так умучился, что заснул бы и на муравейнике.

– Да, – обиженно сказал Пин, – тебе хорошо: едешь с Гэндальфом, можешь расспрашивать его о чем хочешь!

– А ты разве не можешь? Правда, он изменился, но не настолько, чтобы с ним нельзя было разговаривать, скорее наоборот.

– Ничего не наоборот, – сердито огрызнулся Пин. – Он стал еще скрытнее, чем раньше. Взять хотя бы этот стеклянный шар: я же поймал его, я его спас, а он у меня отнял и все. А шар такой тяжелый...

– Вот оно что, – протянул Мерри, – вот что покою тебе не дает! Только я тебе скажу: не стоит простым смертным соваться в дела магов. Не очень-то это здоровое занятие.

– Но мы в последнее время только этим и занимаемся, – возразил Пин. Я первым увидел этот шарик. Знаешь, как хочется еще раз на него посмотреть!

– Спи лучше, – посоветовал Мерри. – Со временем все узнаешь, а сейчас – спи.

– А что плохого, если мне хочется взглянуть на шарик? Гэндальф уселся на нем как курица на гнезде. Ты, я вижу, мне совсем не сочувствуешь? – надулся Пин.

– Сочувствую и даже очень, – сонно ответил Мерри. – Мне тоже любопытно. Только давай отложим до завтра, а то, если я еще раз зевну, у меня рот лопнет. Доброй ночи! – и он мгновенно заснул.

Пин долго лежал молча. Мысль о шаре не давала ему покоя. Он словно чувствовал в руках его тяжесть, видел в его глубине таинственный красный огонь и тщетно пытался заставить себя думать о чем-нибудь другом. Наконец, не в силах больше бороться с собой, он тихонько встал и огляделся. Было холодно. Луна светила ярко, тени были черными, как уголь. Кругом все спали; дозорных не было видно, они либо ушли на ту сторону холма, либо затаились среди кустов. Пин подошел к спящему Гэндальфу и пригляделся. Маг лежал спокойно, но Пин уловил блеск его глаз под неплотно сомкнутыми ресницами и поспешно отступил. Гэндальф не шевелился, и хоббит медленно, словно против воли, снова подкрался к нему. Маг лежал на боку, укрывшись плащом и одной рукой обнимал что-то круглое, завернутое в черную ткань. Другая рука словно только что соскользнула с этого свертка.

Чуть дыша, Пин подкрался еще ближе, потом опустившись на колени, протянул руку, прикоснулся к свертку и приподнял его. Сверток оказался совсем не таким тяжелым, как он ожидал. «Наверное, это что-то другое», – подумал он со странным чувством облегчения, но сверток обратно не положил. Оглядевшись, он заметил поблизости круглый булыжник, с трудом дотянулся до него и поднял.

Быстро и осторожно он снял со свертка темную ткань, завернул в нее булыжник и положил около спящего. Теперь, наконец, он мог взглянуть на свою добычу. Вот он, этот шар, тусклый и гладкий, лежит у него на коленях. Пин торопливо завернул его в плащ и уже хотел вернуться к своему месту, но тут Гэндальф зашевелился во сне, пробормотал что-то, нащупал камень рядом с собой и, вздохнув, успокоился снова.

– Ох, и дурак же ты, Пин, – шепотом обругал он себя. – Тебе что, неприятностей мало? Положи шар обратно! – колени у него тряслись, и он чувствовал, что не посмеет больше приблизиться к спящему. – Не могу же я положить это обратно и не разбудить его, – пробормотал он. – И что плохого, если я загляну в шар? Только не здесь, – он отполз в сторону и присел на кочку.

Положив шар на колени, Пин склонился над ним, как ребенок над унесенным в свой уголок лакомством. Потом осторожно приоткрыл полу плаща и взглянул. Сначала шар был черный как смоль, только блики лунного света скользили по его поверхности. Потом внутри что-то засветилось и начало двигаться. Пин уже не мог оторваться. Вскоре вся внутренность шара запылала, в нем перемещались какие-то огни. Потом они разом погасли. Пин хотел уже отвести взгляд, но вдруг ахнул и начал клониться все ниже и ниже и, наконец, оцепенел. Губы у него беззвучно шевелились. Так прошло несколько минут. Неожиданно хоббит пронзительно вскрикнул и замертво упал на землю. На крик выбежали часовые, спящие проснулись, и всю стоянку охватило смятение. Подбежал Гэндальф.

– Так вот кто оказался вором! – воскликнул он, поспешно закрывая шар плащом. – Это плохо!

Пин лежал навзничь, оцепенев, глядя в небо невидящими глазами.

– Хотел бы я знать, какая беда с ним приключилась и только ли с ним? – Гэндальф был встревожен не на шутку. – Он взял руку Пина, прислушался к его дыханию, потом приложил ладонь ко лбу. Хоббит затрепетал и закрыл глаза. Потом всхлипнул, сел, и стал дико озираться по сторонам.

– Это не для тебя, Саруман! – вскричал он каким-то странным голосом, сдавленным и пронзительным, и рванулся прочь от склонившегося над ним Гэндальфом. – Я пошлю за ним сейчас же. Ты понял? Скажи только это! – он забился, пытаясь вскочить, но Гэндальф крепко и осторожно удержал его.

– Перегрин! – властно и мягко позвал он. – Вернись, Перегрин!

Хоббит обмяк и на минуту потерял сознание. Потом открыл глаза. Взгляд у него был измученный и жалкий.

– Гэндальф! – вскрикнул он. – Гэндальф, прости меня!

– Простить? – переспросил маг. – Скажи-ка сначала, что ты наделал?

– Я... я взял шар... и смотрел в него, – жалобно залепетал Пин, – там было так страшно! Я хотел уйти, но не мог. А потом пришел Он, и Он спрашивал, и смотрел на меня, и... я больше ничего не помню...

– Этого мало, – сурово произнес Гэндальф. – Что ты видел, что ты сказал Ему?

Пин закрыл глаза и не отвечал. Все смотрели на него, только Мерри отвернулся. Лицо Гэндальфа заострилось, стало суровым и властным.

– Говори! – потребовал он. Пин заговорил снова, тихим, дрожащим голосом, но постепенно его речь делалась все яснее и тверже.

– Сначала я видел темное небо и высокие башни, звезды... они были далеко. Потом звезды начали исчезать и появляться, их заслоняло что-то большое, крылатое, мне показалось, что вокруг башни вьются летучие мыши. Кажется, их было девять. Одна полетела прямо ко мне. Это был ужасный... нет! Я не могу сказать! Оно хотело вылететь из шара, но вдруг исчезло, и появился Он. Он не говорил со мною, только смотрел, а я понимал все. Он спрашивал: – «Почему ты не сообщал о себе так долго?» Я промолчал, и тогда Он опять спросил: «Кто ты?» Я опять не ответил, но мне стало очень больно, а Он все спрашивал, и тогда я ответил: «Я – хоббит». Тут он словно увидел меня и засмеялся. О-о! Это был такой страшный смех, как будто тебя режут на части. Я хотел вырваться. Но он сказал: «Погоди. Мы с тобою скоро увидимся. Передай Саруману, что это кусочек не для него. Я пошлю за тобой сейчас же. Ты понял? Скажи только это!» – и тут он снова засмеялся. Нет, нет! Я не скажу больше ничего! Я больше ничего не помню!

– Посмотри на меня! – приказал Гэндальф.

Пин взглянул ему прямо в глаза. Некоторое время Гэндальф молча пронизывал его взглядом. Потом лицо мага смягчилось и в глазах появилась тень улыбки. Он ласково потрепал Пина по голове. – Хорошо! С тобой все в порядке. Ты не врешь, а это главное. Он, к счастью, недолго говорил с тобой. Ты дурачок, Перегрин. Был бы поумнее, все могло бы кончиться куда хуже. Запомни теперь: твоя жизнь и жизнь твоих друзей спасена только благодаря счастливому случаю. Второй раз так не получится. Если бы Он допрашивал тебя подольше, ты выложил бы ему все, что знаешь на погибель всем нам. Он поторопился. Он решил, что ты в руках Сарумана и собрался, не торопясь побеседовать с тобою в Черной Крепости. Нечего вздрагивать! Коли ты ввязался в дела мудрых, привыкай. Ну, хватит. Я прощаю тебя. Успокойся! Все обошлось не так уж плохо. Могло бы быть хуже.

Он осторожно поднял Пина и понес на ложе. Мерри подошел и сел рядом. Гэндальф постоял над ним, улыбаясь, но когда заговорил, голос у него был серьезным. – Если у тебя опять зачесутся руки, ты уж скажи мне сразу. От этого можно вылечить. Только никогда больше не суй мне булыжник под руку. Ну, отдыхайте теперь, если сможете.

Гэндальф вернулся к остальным, в тревоге стоявшим вокруг таинственного шара. – Опасность пришла откуда не ждали, – ворчливо сказал он. – Мы были на волоске от гибели.

– Что будет с Пином? – спросил Арагорн.

– Я думаю – обойдется, – ответил маг. – Его держали недолго, а хоббиты народ крепкий. Он быстро

все забудет. Может, даже слишком быстро. Возьми камень, Арагорн, и сбереги его. Это опасное сокровище.

– Опасное, конечно, – промолвил Арагорн. – Но мне думается, я могу взять его по праву. Ведь это Палантир Ортханка, когда-то хранившийся в Гондоре. Мой срок близок. Я возьму его.

Гэндальф пристально взглянул на Следопыта, взял закутанный шар и почтительно подал ему. – Возьми, – сказал он, – но позволь дать тебе совет: не пользуйся им пока. Будь осторожен!

– А когда я был неосторожен за эти долгие годы? – горько спросил Арагорн.

– Да, пожалуй что и не был. Тем обиднее споткнуться в конце пути. Но прошу тебя, – маг положил руку на плечо Следопыту, – сохрани это в тайне. Я прошу об этом и остальных. Ни в коем случае не говорите ничего Пину, а то он опять не выдержит. Ему нельзя было прикасаться к камню даже там, в Скальбурге, или мне нужно было быть проворнее. Но я был занят Саруманом и не сразу догадался, что это за штука. Зато теперь все прояснилось.

– Да, сомнений больше нет, – кивнул Арагорн. – Теперь мы знаем, наконец, какая связь была между Мордором и Скальбургом. Многое объясняется.

– Странными силами владеют наши враги, и странные слабости им присущи, – заметил Теоден. – Но давно уже было сказано: «Зло часто побеждает само себя».

– Так бывает, – согласился Гэндальф. – На этот раз нам повезло. Я даже думаю, что невысоклик спас меня от страшной ошибки. Я уже готов был сам заглянуть в камень, надо же было узнать, как он действует. Если бы я это сделал, я бы открылся Врагу. А я не готов к такому испытанию, и не знаю, буду ли готов когда-нибудь. Но если бы даже у меня и хватило сил, в открытую выступать еще рано.

– А может быть, пора? – тихо спросил Арагорн.

– Нет, – так же тихо ответил маг. – У нас есть немного времени, его нельзя упускать. Враг, конечно, думает, что камень в Ортханке: с чего бы ему думать иначе? Значит, он считает, что невысоклик в плену у Сарумана. Пока еще он поймет, что ошибся... Этим-то временем мы и должны воспользоваться. Мы и так слишком медлили. Окрестности Скальбурга – не такое место, чтобы здесь задерживаться. Я сейчас уеду и возьму с собой Перегрину. Это будет для него полезнее, чем воровать волшебные камни.

– А мы двинемся на рассвете, – сказал Теоден.

– Это уж как вам лучше, – ответил Гэндальф. – Только доберитесь до холмов, как можно быстрее.

В этот миг яркий свет луны закрыла огромная тень. Некоторые из всадников вскрикнули, закрывая голову руками. Слепой ужас и смертный холод охватил их. Низко над ними промчалась огромная крылатая тень. Она описала широкий круг и быстрее ветра умчалась на север.

Всадники, бледные от ужаса, медленно приходили в себя. Гэндальф погрозил вслед тени кулаком.

– Назгул! – вскричал он, – посланец Мордора! Они пересекли Реку, значит, буря близка! Советую не медлить, и выступать, не дожидаясь рассвета.

Он подхватил на руки Пина и позвал коня. Беллазор тотчас примчался. Через секунду маг был уже в седле и кричал Арагорну: – Прощай! Торопись! Вперед, Беллазор! – конь тряхнул головой, распустил хвост, заблестевший в лунном свете, и сделав скачок, от которого зазвенела земля, исчез.

– Это надо же, какая спокойная ночь! – ворчал Мерри. – Везет некоторым. То им не спится и они таскают волшебные шары у магов, а те, вместо того, чтобы превратить их в камень, берут наглецов с собой в путешествие...

Стоявший рядом Арагорн осадил его:

– Я не ручаюсь, что было бы лучше, если бы в камень заглянул доблестный Мериадок. Что теперь говорить! Во всяком случае, если Гэндальф взял с собой Пина, тебе придется ехать со мной и немедленно. Собирайся и захвати вещи Пина. Да скорее!

Беллазор летел по равнине. Казалось, его копыта совсем не касаются земли. Пин постепенно приходил в себя. Ему было тепло, а в лицо дул прохладный свежий ветер. Он был с Гэндальфом. Ужас

перед камнем и перед тенью, заслонившей луну, постепенно исчезал, таял, как туман или страшный сон. Он застенчиво подергал мага за плащ.

– Гэндальф, скажи, а эти Палантиры, они что? Их много?

Гэндальф ответил не сразу.

– Название это означает «видящий сквозь даль». Камень из Ортханка – один из них.

– Значит, его сделал не... не Враг?

– Нет. Не он. И не Саруман. Чтобы изготовить один Палантир не хватит всей мудрости Средиземья. Они привезены из-за моря. Может быть, их сделал сам Феанор, и было это невероятно давно. Но Саурон все способен обратить во зло. Саруман считал, что может справиться даже с наследием Феанора, хотя он и не пытался постичь тайну Палантира, а просто пользовался им. Так нельзя. Древнее знание – это обоюдоострый меч. Вот Саруман и погиб. Он считал, что все должно служить на пользу ему и его замыслам. А мы не знали, что Палантиры сохранились после падения Гондора... И эльфы и люди забыли о них. Разве что дунаданцы могли помнить.

– А что с ними делали в древности? – обрадованный разговорчивостью мага, спросил Пин. Он боялся, что такое настроение долго не продержится.

– Камни Феанора давали возможность устанавливать мысленную связь и видеть через расстояния, – ответил Гэндальф. – Они долго объединяли земли Гондора. Такие камни были в Минас Аноре, и в Минас Итиле, и в Ортханке. А самый главный из них находился в Звездной Башне в Осгилиате. Где остальные – неизвестно. Все камни были связаны между собой, а тот, что хранился в Осгилиате, был связан со всеми. Палантир Ортханка показывает или очень далекие или очень давние дела. Саруман погружал взгляд все дальше и дальше, пока однажды не заглянул в Барад-Дур. И тут же был пойман! У Саурона в руках оказался, по-видимому, камень из Минас Итиля. Жадность Сарумана оказалась очень удобным ушком, Саурон зацепил его и с тех пор Камень Ортханка был настроен на Барад-Дур. Он сразу переносит туда разум и взгляд всякого, кто в него посмотрит, и чья воля не тверже алмаза. А как он влечет к себе! Разве я сам не чувствовал этого? Даже сейчас мне хочется испытать на нем волю, посмотреть, не смогу ли я вырвать его из-под власти Врага и повернуть, куда захочу. Заглянуть через глубины времени и пространства и увидеть чудные руки и несравненный ум Феанора за работой, в те дни, когда Белое и Золотое деревья стояли в цвету! – он вздохнул и умолк.

– Если бы я знал это раньше, – жалобно протянул Пин. – Я ведь понятия не имел о том, что делаю.

– Нет, понятия у тебя хватило, – возразил Гэндальф. – Ты знал, что поступаешь глупо и плохо. Но ты не послушал себя. Ну, что сделано, то сделано. Я и сам восстановил всю картину только сейчас, а Расскажи даже я тебе об этом раньше, тебя бы разобрало еще сильнее, и ты бы не устоял. А теперь, обжегшись, будешь умнее.

– Да уж, – содрогнулся Пин. – Будь тут все камни сразу, я бы даже не посмотрел на них.

– Вот и хорошо, – одобрил Гэндальф, – на это я и рассчитывал.

– Но я хотел бы знать, – снова начал Пин.

– Пощади, – вскричал маг в притворном ужасе. – Чтобы насытить твоё любопытство, мне до конца дней придется только и делать, что отвечать на твои вопросы. Ну ладно, выкладывай, – сжалился он, – что там у тебя еще?

– Мне хотелось бы знать имена звезд и всего живого, и еще про землю, небо и море! – засмеялся Пин. – На меньшее я не согласен. Но так и быть, не обязательно сегодня. А пока скажи мне только, что это за черная тень? Зачем она летела в Скальбург? И почему она тебя так встревожила?

– Это крылатый Черный Всадник, Назгул, – ответил маг. – Он собирался отнести тебя в Черную Крепость.

– Но он же не за мной летел? – жалобно пролепетал Пин. – То есть он не знал, что я...

– Конечно, нет, – успокоил его Гэндальф. – От Барад-Дура до Ортханка двести лиг по прямой, а то и больше. Даже Назгулу нужно время, чтобы преодолеть их. Саруман ждал вестей от своего отряда и уж,

наверное, смотрел в камень, а Враг, тем временем, свободно читал у него в мыслях. Теперь Враг отправил гонца, проверить, что делает Саруман. А после сегодняшних событий будет отправлен другой. Тогда Саруман окончательно попадет в ловушку. У него нет пленника, чтобы отослать в Мордор, у него нет и Камня. Но Саурон решит только, что он держит пленника у себя и не хочет подходить к Камню. Саруману не оправдаться. Хотя Скальбург разрушен, но сам-то он жив и Ортханк цел. Значит, Саурон неминуемо определит его в мятежники. Саруман именно этого боялся, потому и отверг наши предложения. Что он будет делать теперь – неизвестно. Пока он сидит в Ортханке, он достаточно силен, чтобы выстоять даже против Девятерых Кольценосцев. Он может попытаться заманить посланца в ловушку или убить его крылатого коня. Хорошо ли это для нас, я тоже не знаю. Может быть, гнев на Сарумана спутает планы Врага. Но может быть, Враг узнает, что я был там, что я стоял на ступенях Ортханка и со мною были невысоклики. Вот этого я боюсь! И поэтому мы спешим не прочь от опасности, а навстречу ей. Каждый шаг Беллазора приближает нас к Стране Мрака, Перегрин!

Пин не сказал ничего, но задрожал так, что вынужден был вцепиться в плащ мага. Серая равнина мелькала под ними.

– Куда же мы скачем сейчас? – спросил он через некоторое время.

– В Минас Тирит, пока война не захлестнула его.

– Ох! И далеко это?

– В три раза дальше, чем до дворца Теодена, – промолвил Гэндальф, – а по прямой до Эдораса сто лиг. Но по прямой летают только посланцы Мордора. Беллазору предстоит более длинный путь. Кто окажется быстрее? На рассвете мы остановимся отдохнуть где-нибудь. Надеюсь, что это будет неподалеку от Эдораса. Спи пока. На рассвете мы увидим золотые крыши дворца правителя Ристании. А еще через два дня перед нами будут белые стены Минас Тирита, лучшей крепости во всем Средиземье. Вперед, Беллазор! Лети, мой прекрасный конь, лети, как не летал еще никогда в жизни. Это твоя страна, здесь тебе знаком каждый камешек. Лети же! Вся надежда на скорость!

Беллазор тряхнул гривой и звонко заржал, словно отвечая призыву боевой трубы. Искры летели у него из-под копыт, а ночь струилась вокруг, как поток.

Пин постепенно засыпал, и ему казалось, что они с Гэндальфом сидят неподвижно на статуе мчащегося коня, а весь мир проносится мимо, и сильный ветер шумит в ушах, как река.

КНИГА IV

7. УКРОЩЕНИЕ СМЕАГОРЛА

– Вот мы и в ловушке, – горестно вздохнул Сэм. Он понурясь, стоял рядом с Фродо, вглядываясь в сгущавшиеся сумерки.

Это был, наверное, третий вечер их одинокого пути. Они потеряли счет времени на этих голых каменистых склонах. Приходилось карабкаться, оступаясь и падая, возвращаться назад, снова искать дорогу и опять попадать в те же самые места. Но все-таки, хотя и очень медленно, они продвигались на восток. Временами они видели с отрогов хребта унылую равнину внизу, покрытую гиблыми болотами. На равнине не было никаких признаков жизни.

Хоббиты стояли на краю высокого мрачного обрыва. Ущелье внизу скрывал туман, вершины утесов за спиной прятались в облаках. С востока налетал порывами холодный ветер. День кончился. Равнину впереди уже затопили густые тени. Островки тусклой зелени на ней окрасились в бурый цвет. Далеко справа погасли блики на волнах Андуйна. В той стороне был Гондор, там остались друзья, но Фродо с Сэмом смотрели не на юго-восток, а туда, где на самом краю надвигающейся ночи виднелось неподвижное облако дыма. Там, на границе земли и неба, мерцали красные сполохи.

– Вот, – сказал Сэм, – единственное место в мире, в которое я совершенно точно не хотел бы попасть, и как раз туда-то нам и надо. Мало того, что нам надо туда, так мы еще никак не можем туда попасть. Мы плутаем и плутаем, и никак не спустимся. Да и куда спускаться-то? Видно же, что на равнине сплошное болото. Даже здесь пахнет болотной тиной.

– Да, – коротко ответил Фродо. Он не шевелился, не в силах отвести глаз от дыма на горизонте, только прошептал, не замечая: – Мордор! Если уж суждено попасть туда, то пусть это будет скорее, – он вздрогнул от ледяного ветра, пропитанного гнилостным болотным запахом. – Что же, не стоять же здесь всю ночь. Поищем укрытие для ночлега, а завтра видно будет.

– А может – послезавтра, или – после-послезавтра, – проворчал Сэм, а может и никогда. Наверное мы сбились с пути.

– Это неважно, – странно ответил Фродо. – Я должен попасть в страну мрака, значит и путь должен найтись, только бы не слишком поздно. Нас могла спасти только быстрота, а мы все плутаем в горах. Я уж думаю, не ведет ли нас злая воля Минас Моргула? Нужно было раньше расстаться с отрядом и обойти хребет, но теперь поздно. Позади орки, а мы теряем драгоценное время. Я устал, Сэм, и просто не знаю, что делать. Послушай, а много у нас осталось припасов? – обеспокоено спросил он.

– Только лориенские лепешки, но их достаточно. Вот уж не думал, что эльфийская еда может приесться, но сейчас за кусок простого хлеба, да с кружкой пива, все бы, кажется, отдал. Ну, пусть не кружку, хоть полкружечки! У меня ведь и посуда с собой, да что от нее толку! Ни хвороста, ни дичи.

Быстро темнело. Они устроились во впадине между камнями. Спать было холодно, но камни все же защищали от пронизывающего восточного ветра.

Ранним утром они уже сидели, дрожа, и утоляли голод путлибами. Сэм спросил:

– Ну что, появлялись ночью глаза?

– Нет, – ответил Фродо, – вот уже две ночи их нет.

– Вот не жалко! От этих глаз у меня мороз по коже. Может, он, наконец, потерял нас, проклятый лиходеишчик! Попался бы мне этот Горлум, я бы поговорил с ним по-своему.

– Надеюсь, что случая у тебя не будет, – произнес Фродо. – Не знаю, как ему удалось нас выследить, но здесь, на камнях, нет ни следов, ни запаха, так что может он и потерял нас. Но я сейчас не о нем думаю, а о том, как бы нам выбраться из этого лабиринта. Хочется закрыться хоть чем-нибудь с востока. Плохо, когда тьма все время перед тобой. Идем. Надо искать спуск.

Но день опять прошел в бесконечных блужданиях по краю плоскогорья. Кроме тоненького свиста

ветра тишину здесь не нарушало ничто, но временами им казались то отзвуки шлепающих шагов, то стук потревоженного камня. Стоило остановиться и прислушаться, как все замолкало.

К северу внешний край хребта постепенно понижался. Здесь было много раскрошенных временем каменных глыб, глубоких рытвин и трещин. Обходя их, путники уклонялись то влево, то вправо и поэтому не сразу заметили, что нагорье медленно, но неуклонно понижается, спускаясь к равнине.

Наконец, глубокий провал преградил им путь. На западе остался каменный лабиринт, на востоке, по ту сторону ущелья, дыбились отдельные высокие утесы. Ущелье вело и вело их по краю, на дне временами виднелись то чахлые березки, то кривые жалкие ели, убитые ледяным ветром. Видно когда-то давно дно ущелья густо зеленело, но потом пришли стужа и мрак, и только пни напоминали о прежнем.

Дойдя почти до края ущелья, Фродо заглянул вниз и удивленно присвистнул.

– Смотри-ка, Сэм, видно, мы здорово спустились. Дно-то неглубоко и не так круто, как раньше.

Сэм тоже заглянул вниз.

– Оно конечно, – проворчал он, – если кто умеет летать, к примеру, то и правда – неглубоко. А если кто только ползает и прыгает – тем хватит.

– Все равно, – решительно сказал Фродо. – Надо попробовать. Посмотри, здесь не так круто и склон в трещинах и выступях. И знаешь, если уж пробовать, то лучше сейчас. Мне кажется, будет гроза.

Туманную гряду гор на востоке накрыли черные тучи, от них к западу протянулись грязные перья. Поднявшийся ветер принес дальний раскат грома. В тучах сверкнула молния. Тревожно взглянув на небо, Фродо поясом перетянул плащ, поправил сумку и направился к краю обрыва.

– Попробую, – сказал он.

– Ладно, – мрачно отозвался Сэм, – только сначала я.

– Почему ты? – удивился Фродо. – Ты ведь не хотел...

– Да я и сейчас не хочу, но лучше все-таки мне. Я ведь если свалюсь сверху, нам обоим не поздоровится. А нам нельзя... – Сэм не договорил, сел на край обрыва, повернулся и начал спускаться. Ему удалось нащупать ногами карниз, слегка расширяющийся вправо. Он уже совсем собрался двинуться по нему, но в этот миг прямо у них над головами небо раскололось и ослепительная прямая молния ударила в камни неподалеку. Вслед за ужасным раскатом грома в мгновенной тишине сверху пал протяжный пронзительный вопль. Если в Хоббитании он заставил их оцепенеть, то здесь, в этой каменной пустыне, Фродо показалось, что он сейчас умрет от невыразимого ужаса. Он сжал руками уши и голову, стараясь закрыться от всего, не видеть и не слышать. Видно то же хотел сделать и Сэм, но потерял опору, пошатнулся и сорвался вниз.

Забыв обо всем, Фродо подбежал к краю обрыва и позвал. Ответа не было. Похолодев, он окликнул Сэма снова, но порыв ветра затолкал крик обратно в горло. Чуть погодя снизу донесся слабый ответный крик. – Я здесь! Живой. Только не видно ничего.

Сэм не упал в ущелье, а скользнул вдоль стены и угодил на другой карниз, футов на пятнадцать ниже. От удара, страха, и сгустившихся сумерек в глазах у него совсем потемнело, и он стоял, вжавшись в холодный камень и дрожа крупной дрожью.

Лежа на обрыве, Фродо с трудом разглядел жалкую фигурку внизу.

– Сэм! Мне не достать тебя. Что же делать? – в отчаянии воскликнул он. – Была бы веревка!

При упоминании о веревке Сэм обрадовался так, что едва не свалился снова. – Есть! Есть веревка, Фродо! – завопил он. – У меня в сумке!

Фродо торопливо вытряхнул сумку. Вербка лежала на самом дне. Серебристо-серая, мягкая, шелковистая веревка из Лориена! Размотав ее, он бросил конец Сэму: – Держи!

Сэм уже настолько пришел в себя, что заметил веревку, дотянулся до нее, осторожно обвязал себя под мышками и с помощью упиравшегося изо всех сил Фродо вскарабкался наверх.

Не успели они отдышаться, как сверху обрушился холодный ливень. Между камней тут же вспухли пенистые потоки, а с каменных карнизов лило, словно с крыш.

Отыскав между камней, чтобы хоть как-то укрыться от разбушевавшийся стихии, они прижались друг к другу.

– Меня бы там смыло сейчас, – трясаясь, проговорил Сэм. – Как здорово, что я вспомнил о веревке! Я же своими глазами видел, как эльфы клали ее в лодки, и тогда же взял один моток, уж очень она мне понравилась. Хэлдар еще сказал тогда: «Она на все годится», вот и пригодилась!

– Надо и мне было взять, – с сожалением ответил Фродо. – Но я слишком торопился уйти от отряда. Интересно, а не хватит ли ее, чтобы спуститься?

Сэм измерил веревку на руке. – Тридцать локтей, – сообщил он. – С виду тонкая, но выдержит много. А мягкая, легкая какая! Одно слово – эльфийская.

– Тридцать локтей, – задумчиво повторил Фродо, – думаю, хватит. Надо попробовать.

– Дождь почти прошел, – ответил Сэм, – но в сумерках лучше не рисковать. Я как вспомню этот вопль... – он содрогнулся. – Вроде как Черный Всадник, только сверху. Это что же, они уже летать научились? Лучше бы утра дожждаться.

Фродо поднялся на ноги. – Знаешь, Сэм, мне больше неважно сидеть здесь, на виду у Тьмы.

Гроза проходила. Небо на востоке расчистилось. Мрачная мысль Саурона ненадолго задержалась на этой местности и теперь сосредоточилась на долине Андуйна. Там бушевала гроза, и воды Великой Реки хлестал ливень. Минас Тирит померк под грозовыми тучами. Гроза накрыла Гондор, дотянулась до границ Ристании, и всадники на равнинах видели на западе тонущее в мрачных клубах туч солнце. Но здесь, над каменистой пустыней, над гнилыми болотами, вечернее небо в тишине стало глубоким темно-синим озером, и в нем проглядывали первые бледные звезды.

– Хорошо, что видно звезды, – сказал Фродо, полной грудью вдыхая посвежевший воздух.

– Хорошо, что вообще видно, – отозвался Сэм, – я уж думал, что вовсе ослеп, наверное, от молнии. Пока не спустилась веревка, ничего не видел. Да и ее увидел только потому, что она вроде как сама светилась, – он помолчал, а потом спросил: – А как же мы по ней спускаться будем?

Фродо с минуту подумал.

– Вот что, Сэм. Привяжи-ка ее к этому пню. Так и спустимся. Давай я пойду первым.

– Нет уж, – не согласился Сэм, – может на этот раз мне больше повезет.

Спускаться оказалось вовсе не так трудно, как он думал. С веревкой было не страшно, хотя иногда он все-таки зажмуривался, чтобы не смотреть вниз. Раза два он обрывался и повисал, как паук на паутине, но Фродо наверху страховал его и он благополучно добрался до подножия обрыва. Вербки хватило с запасом.

– Готово! – крикнул он наверх. Фродо хорошо слышал его голос, но как ни вглядывался – серый плащ Сэма совершенно сливался с камнями внизу.

Самому Фродо спускаться было труднее. Наверху теперь никого не было. Сначала он не очень-то доверял веревке, но сорвавшись и повиснув дважды, успокоился и так же благополучно оказался на дне.

– Ну вот, – воскликнул он, – вот мы и вырвались! – но тут же приуныл. – А дальше что? Как бы не пришлось скоро пожалеть, что у нас под ногами не твердый надежный камень.

Сэм, не отвечая, смотрел наверх. – Вот это да! – сказал он. – Вербка там, а мы здесь. Во-первых, жалко, а во-вторых, мы как будто специально оставили ее для этого поганца, для Горлума.

– Уж что-нибудь одно, – засмеялся Фродо, – или спускаться, или оставаться с веревкой наверху.

– Жалко, – покачал головой Сэм. – Вербка все-таки не простая, эльфийская. Может быть, сама Владычица своими руками ее свила... Галадриэль! прошептал он и слегка дернул веревку на прощанье.

К их несказанному удивлению, веревка соскользнула с обрыва и мягкими петлями упала Сэму на

голову.

– Так, – Фродо с трудом сдержал улыбку. – А я-то доверил жизнь твоему умению вязать узлы! Как это она еще раньше не развязалась!

Сэму было не до смеха. Он обиженно ответил: – Может я и не очень мастак лазать по горам: но в узлах разбираюсь. Это у нас в роду, еще от прадедушки. Этот узел никогда сам не развяжется...

– Значит о камень перетерлась, – предположил Фродо. – Давай посмотрим.

Веревка оказалась совершенно целой. Сэм долго ее осматривал, ощупывал, даже обнюхал, хмурясь и качая головой, а потом сказал:

– Как хотите, сударь, а вязал я ее крепко. Она сама вернулась, когда я вспомнил Владычицу Лориена, – он свернул веревку и бережно уложил ее в сумку.

– Ладно. Главное – веревка с нами, – сказал Фродо. – Давай подумаем, что делать дальше. До полнолуния еще несколько дней, но свету уже хватает, так что можно было бы идти прямо сейчас.

Так они и сделали. Но идти было непросто. Во-первых, склон здесь был довольно крут, а во-вторых, полно камней, мокрых и скользких после недавнего дождя. Уже через несколько минут путь им преградила новая широкая расщелина. Дна не было видно, только слышалось слабое журчание. Там внизу тек ручей. Нечего было и думать искать обход в темноте.

Как Фродо ни хотелось поскорее выбраться отсюда, пришлось искать место для ночлега. Они долго бродили у подножья утесов, пока не свалились от усталости с подветренной стороны огромного валуна. Луна стояла уже высоко, и застывший каменный мир вокруг был залит неверным серебристо-серым светом.

– Возьми мое одеяло, Сэм, и спи, а я покараулю. Мне плохо спится последние дни. Я... – Фродо замолчал и схватил Сэма за руку. – Смотри! Что это там, наверху?

Сэм взглянул и чуть слышно свистнул сквозь зубы.

– Это Горлум, – сказал он. – Все-таки выследил нас. Смотрите, ну и мерзкая тварь! Прямо как паук на стене.

Отвесная каменная стена неподалеку казалась совершенно гладкой в лунном свете. По ней медленно, растопырив тонкие лапы, спускалось что-то и впрямь похожее на огромного паука. Издали на скале было не различить ни щелей, ни выступов, поэтому казалось, что Горлум ползет как муха, да еще вниз головой! Голова иногда поднималась, словно принюхиваясь, тогда в лунном свете поблескивали большие глаза.

– Интересно, видит он нас? – прошептал Сэм.

– Не знаю, – так же тихо ответил Фродо. – Вряд ли. Мы в плащах. Я тебя-то еле вижу. Странно мне: он же никакого света не любит, ни солнечного, ни лунного. Видеть не видит, а вот услышать или учуять может. И слух и чутье у него очень хорошие.

– Ну все, – сказал Сэм, – он мне надоел, и на этот раз я его не упущу, он надвинул капюшон на лицо и начал потихоньку красться к подножию скалы.

– Осторожно! – прошептал Фродо, следуя за ним. – Он опаснее, чем кажется.

Горлум был уже футах в двадцати от подножия утеса. Хоббиты наблюдали, притаившись за большим камнем. Видно ему попало сложное место, некоторое время он принюхивался и гневно шипел. Потом пополз дальше, и Фродо с Сэмом расслышали:

– Ссс! Оссторожнее, моя прелесть! Не спеши, не сломай себе шшею! – он поднял голову, взглянул на луну и тут же зажмурился. – Гадкий, гадкий свет! – зашипел он, – у нас болят от него глаза, горлум, горлум!

Продолжая спускаться, Горлум шипел все громче: – Где наша прелесть? Оно наше, наше, мы хотим его! Ссс! Грязные воры! Куда они подевали нашу прелесть? Мы иххх ненавидим!

– Что это за «прелесть»? – шепнул Сэм, – неужели он...

– Тихо, – остановил его Фродо. – Он близко, может услышать.

Горлум и в самом деле остановился и завертел головой, прислушиваясь и прикрыв огромные глаза. Сэм, едва сдерживая себя, с гневом и отвращением рассматривал это страшное существо.

Наконец, Горлум оказался футах в десяти от земли, прямо у них над головами. Дальше шла совершенно отвесная стена, никакой опоры на ней не было. Горлум попытался развернуться ногами вперед, но не удержался и с визгом обрушился вниз, подобрав как паук руки и ноги.

В тот же миг Сэм выскочил из-за камня и в два прыжка оказался на нем. Но даже в эту минуту, ошеломленный падением, Горлум успел схватить и обвить Сэма руками и ногами как спрут. Липкие пальцы нащупывали Сэмово горло, а в плечо впились острые зубы. Сэм растерялся и боднул Горлума головой в лицо. В ответ раздалось ожесточенное шипение, но хватка не ослабла.

Будь Сэм один, ему пришлось бы туго. Но Фродо с Разителем в руках схватил Горлума за волосы и запрокинул его голову.

– А ну, отпусти, – сурово приказал он. – Смотри! Ты уже видел Разитель, а теперь можешь попробовать.

Глаза Горлума, еще секунду назад горевшие злобным огнем, погасли, руки разжались и он упал на землю, как старая тряпка. Сэм вскочил на ноги, держась за плечо, и наверное, прибил бы Горлума, но его враг, поскуливая, елозил перед ним по камням.

– Не трогай нассс! Не трогай! Они ведь не тронут насс, такие славные хоббиты! Нам так плохо, горлум! Мы никого не трогали, а они прыгают на насс как на мышшь... Пусть они нас пожалеют, а мы будем хорошие, хорошие...

– Ну, что с ним делать? – свирепо спросил Сэм. – Связать и бросить здесь, чтобы больше не шпионил за нами!

– Не надо! – взмолился Горлум пуще прежнего. – Это ссмерть для нассс! Нельзя нассс связывать, нельзя! Мы можем умереть здесь! – с отчаянным рыданием он подполз к ногам Фродо.

– Нет, убивать его нельзя, – неожиданно произнес Фродо. – Добро бы еще в честном бою, а так... он ничего не сделал нам.

– Не сделал? – Сэм потирал плечо. – Но хотел сделать, да и сейчас еще хочет. Задушить нас во сне задумал, поганец!

– Может быть, – задумчиво ответил Фродо, – но это другое дело...

Горлум притих и жалобно поглядывал на него, а в памяти Фродо звучали слова, сказанные на Совете в Раздоле: «Какая жалость, что Бильбо не убил тогда эту гнусную тварь!» – «Жалость? Именно жалость и остановила его тогда. Жалость и милосердие: нельзя убивать без нужды.» – «Но Горлум – враг, он заслуживает смерти!» – «Смерти? Согласен. Но смерти заслуживают многие из тех, которые живут. А многие из тех, которые мертвы, заслуживают жизни. Можешь ты вернуть им ее? Тогда не торопись обречь и на смерть. Даже мудрец не может предвидеть всего.»

– Да, – сказал Фродо, и Сэм с удивлением посмотрел на него. – Вы видите, – продолжал Фродо, глядя на запад, – я боюсь, но мне жаль его. Он жалкий. Я не хочу убивать.

Горлум поднял голову.

– Да, бедные мы, жжалкие, – проскулил он, – хоббиты хорошие, они не будут нас убивать.

– Нет, не будем, – сказал Фродо, – но и не отпустим, не надейся. Слишком ты хитер и злобен, поэтому пойдешь с нами, а мы уж за тобой присмотрим. Только услуга за услугу. От тебя потребуется кое-какая помощь.

Горлум опасливо встал на ноги.

– Да, да, мы сссогласны. Мы пойдем вместе с добрыми хоббитами, найдем для них тропы в темноте, все сделаем. Только вот куда они идут в этихх гиблых холодных местах, мы хотим знать, – в его бледных часто мигающих глазах промелькнула злобная искорка.

Сэм хотел было сказать что-то, но сдержался. По тону Фродо он понял, что происходит нечто важное и решил не вмешиваться. Но все-таки ответ Фродо поразил его.

Глядя прямо в бегающие глаза Горлума, Фродо отдельно произнес:

– Ты уже догадался, Смеагорл, куда мы идем. И ты знаешь туда дорогу. Мы идем в Мордор.

При этих страшных словах Горлум рухнул как подкошенный, зажимая уши руками.

Сэм с трудом разобрал его шипение:

– Ссс! Да, догадался, мы догадались, – шептал он. – Не надо, не надо ходить туда! Там только пепел, пепел и жажда, там ямы, страшные орки, тысячи орков! Не надо ходить туда, добрые хоббиты не пойдут, нет, они пожалеют бедных нас!

– Значит, ты был там? – сурово спросил Фродо.

– Нет! – вскричал Горлум и сник. – Да, был, один раз, только один раз, случайно, разве не так? Но мы не хотим, мы не вернемся туда больше, нет, нет!

Вдруг голос у него изменился, и Сэм с Фродо не сразу поняли, что он, жалобно всхлипывая, разговаривает не с ними, а с кем-то другим.

– Отпустите, отпустите меня, горлум! Мне больно, не надо там больно! О, мои бедные руки! Я не хочу, мы не хотим. Я устал. Его нигде нет, нигде, горлум, горлум! О-о, они там не спят, гномы и страшные эльфы с такими яркими глазами! Я не могу... – он вскочил, сжал длинные костлявые пальцы в кулак и погрозил на восток. – Мы не хотим! – крикнул он с лицом, искаженным судорогой, – мы не можем дать тебе... – и снова, упав на колени, взмолился: – Не смотри на нас, не ссмотри так, не надо! Уйди, закрой глаза, усни!

– Нет, Смеагорл, – прервал его Фродо, – тебе не уговорить его уйти и не заснет он, как бы ты не просил. Но если хочешь избавиться от него навсегда, помоги мне, покажи дорогу в его сторону. Обещаю, что не поведу тебя дальше.

Горлум сел, исподлобья оглядел хоббитов и прохрипел: – Дорогу? Он там, он всегда там. Спросите у орков, они знают, они покажут вам дорогу, а Смеагорла не просите. Бедного Смеагорла нет, он давно ушел, пропал. У него отняли сокровище, и он пропал.

– Но если ты пойдешь с нами, мы найдем его, – сказал Фродо.

– Нет, никогда! Он потерял сокровище, – стонал Горлум.

– Встань! – резко приказал Фродо, и Сэм снова удивленно взглянул на него.

Горлум встал и попятился, пока не наткнулся спиной на скалу.

– Вот так лучше, – сказал Фродо, – ты понял? Мы договорились. Когда тебе лучше идти, днем или ночью? Хотя мы и устали, но если тебе удобней ночью, мы отправимся сейчас же.

– От света у меня болят глаза, – проскулил Горлум, – не надо идти под Белым Ликом, не надо. Пусть он опустится за холмы. Пусть добрые хоббиты пока отдохнут. – Тогда садись, – приказал Фродо, – сиди и не двигайся.

Сами хоббиты сели с двух сторон от Горлума, опершись спиной о камни и вытянув усталые ноги. И не говоря ни слова оба знали, что спать не придется.

Луна клонилась к закату. Потемнело. В небе разгорелись звезды. Текли минуты, никто из троих не шевелился. Горлум сидел в чуждой позе: подбородок на согнутых коленях, глаза закрыты, руки расслабленно распластаны по земле. Но по напряженной спине видно было, что он не спит. Из-под полуприкрытых век Фродо взглянул на Сэма. Сэм понял его. Они расслабились, поудобней облокотились на камни и закрыли глаза, вернее, притворились, что закрыли. Вскоре послышалось их ровное дыхание. Через несколько минут руки Горлума слегка пошевелились, голова чуть заметно повернулась вправо, потом влево, приоткрылся один глаз, за ним – другой. Хоббиты будто ничего не замечали.

Внезапно Горлум, как кузнечик, прыгнул вперед. Именно этого и ждали от него. Не успел он сделать и шагу после прыжка, как Сэм прыгнул ему на плечи, а Фродо дернул за ноги.

– Давай веревку, Сэм!

Сэм достал веревку и язвительно осведомился:

– Куда это вы собрались, дражайший Горлум, в этих гиблых, холодных местах? Мы хотим знать, да! Уж не к приятелям ли оркам? У-у, гнусная тварь! замахнулся он на Горлума. – Сейчас вот надену веревку на твою тощую шею, да затяну покрепче, поди перестанешь прыгать!

Горлум даже не пробовал вырваться. Он только метнул на Сэма быстрый злобный взгляд.

– Постой, Сэм, – остановил друга Фродо, – не надо его вязать. Ему же придется идти. Привяжи его за ногу, чтобы не мог сбежать, и все.

Он не сводил глаз с Горлума, пока Сэм затягивал хитрый узел на тощей, но жилистой ноге пленника. Но ни он, ни Сэм не могли представить себе, к чему это приведет. Едва лишь узел охватил его лодыжку, как Горлум пронзительно и противно заверещал, а потом начал корчиться, пытаясь достать веревку зубами. И визжал при этом не умолкая.

Приглядевшись, Фродо понял, что ему действительно больно. Но узел не мог быть причиной. Вережка охватила ногу совсем слабо. Сэм только грозился затянуть ее покрепче.

– А ну, замолчи! – прикрикнул Фродо. – Никто тебе больно не делал. Если бы ты не думал удрать, не нужно было бы и привязывать тебя.

Но Горлум, не слушая его, верещал пуще прежнего. – Жжется, кусается! – орал он. – Это эльфы, это они ее сделали, погибель на них! Злые хоббиты, они знают с эльфами, эльфы страшные, страшные! Снимите, снимите ее! – он совсем зашелся от крика.

– Ах, вот оно что, – понял Фродо и призадумался. – Ладно, мы ее снимем. Но ты пообещаешь...

– Обещаю! Все, что хотите! – завопил Горлум. – Все обещаю! Больно!

– Простого обещания мало, поклянись, – приказал Фродо.

Горлум разом замолк. Его широко распахнутые глаза вспыхнули и остановились на Фродо.

– Смеагорл, – вдруг отчетливо произнес он, – Смеагорл поклянется на Сокровище.

Фродо резко выпрямился, и Сэма снова поразил его строгий властный тон.

– Ты осмеливаешься клясться на Сокровище? Но оно еще коварнее тебя. Оно извратит твои слова и тогда – берегись!

Горлум припал к земле. – На Сокровище, на Сокровище, – твердил он.

– Ну и в чем ты клянешься? – спросил Фродо.

– Быть очень-очень хорошим, – быстро проговорил Горлум. Он живо подполз и схватил ноги Фродо. Его трясло от собственных слов, когда он говорил:

– Смеагорл клянется, что никогда-никогда не отдаст Сокровище тому, который там... – в глазах его снова плеснулся ужас. – Смеагорл убережет Сокровище. Но пусть ему покажут Сокровище, он будет клясться.

– Нет, – сурово произнес Фродо, глядя на него сверху вниз. Но в голосе его звучало сострадание. – Ты хочешь увидеть свою Прелесть, хочешь прикоснуться к нему, но ты же знаешь, оно отнимет у тебя разум, оно подчинит тебя своей воле. Нет, ты не будешь клясться на нем. Ты ведь знаешь, где оно? Знаешь, Смеагорл. Так вот, поклянись им, оно здесь, перед тобой!

На миг Сэму почудилось, что Горлум съежился, а его друг наоборот, вырос и принял облик могучего Владыки, чей блеск скрывало серое облако. Возле его ног повизгивал маленький щенок. Но что-то, тем не менее, сближало их.

Горлум приподнялся и начал ластиться к Фродо, поглаживая его колени.

– Довольно! – раздался властный голос, и Сэм уже не удивился. – Клянись!

– Мы клянемся, – униженно забормотал Горлум, – нет, я, я клянусь служить хозяину Сокровища.

Добрый хозяин, добрый Смеагорл, – тут он заплакал и снова начал хвататься за лодыжку.

– Сними веревку, Сэм, – распорядился Фродо.

Сэм с неохотой повиновался. Тотчас же Горлум вскочил и начал носиться кругами, как щенок, которого наказали, а потом опять погладили. Теперь он почти не шипел и не скулил, а обращался уже не к себе, а к своим спутникам. Когда они приближались, он еще вздрагивал, съеживался и всячески старался не касаться эльфийских плащей, но казался дружелюбным и даже трогательным в попытках понравиться. Он хрипло хохотал, подпрыгивал при всякой шутке и ласковом слове Фродо, и плакал, если Фродо отталкивал его. Однако, Сэм по-прежнему был настороже. Этот новый Горлум-Смеагорл нравился ему еще меньше.

– Ладно, Горлум, или как тебя там, – проворчал он, – хватит. Луна зашла, ночь проходит. Пора идти.

Горлум с восторгом увивался вокруг. – Идемте, идемте, – приговаривал он. – Я знаю, знаю дорогу. Орки там не ходят, орки не знают, они не любят болот, они обходят их. А мы пойдем там, там хорошо, я знаю. Идите за Смеагорлом, – он припустился вперед, встал, оглянулся как пес, приглашающий на прогулку.

– Стой, погоди, – крикнул Сэм. – Не так быстро. Я пойду сзади и веревка будет у меня наготове.

– Нет, – неожиданно серьезно и даже чуть торжественно ответил Горлум, – Смеагорл обещал.

Некоторое время они шли на север, потом круто повернули вслед за Горлумом и начали спускаться прочь от обрывов и круч к болотам внизу. Через несколько минут все трое растаяли в темноте. На обширной пустынной местности, простирающейся до самых ворот Мордора, лежало черное безмолвие.

8. ЗАКРЫТЫЕ ВОРОТА

Горлум шел быстро, изредка останавливаясь и даже опускаясь на четвереньки. Хоббиты не могли за ним угнаться, но похоже, он больше не помышлял о бегстве. Когда Фродо с Сэмом отставали, он останавливался и поджидал их. Довольно скоро путь им преградила узкая глубокая расщелина.

– Вот, – сказал Горлум, – здесь мы спустимся. Смеагорл уже ходил здесь, я ходил здесь, я прятался от орков.

Один за другим – Горлум впереди – они спустились на дно расщелины. Внизу тек ручеек. Горлум с видимым удовольствием зашлепал по воде. Он даже принялся напевать что-то, хихикая и подмигивая, толкуя о «сладких рыбках». Сэм подумал о том, чем же питался их проводник все это время?

На рассвете, когда русло ручья повернуло прямо на восток, Горлум остановился и сел.

– День близко, – прошептал он так, словно день сидел за соседним камнем и мог подслушать его. – Смеагорл подождет... Я подожду здесь, здесь можно укрыться от страшного Желтого Лика.

– Я бы не прочь увидеть солнце, – признался Фродо, – но мы будем ждать вместе с тобой. Я так устал, что все равно не могу идти дальше.

– Нет, нет, не надо Желтого Лика, – всполошился Горлум. – Он покажет нас оркам. Их много кругом, они далеко видят. Славные хоббиты спрячутся вместе с нами, а потом, когда не будет Желтого Лика, мы пойдем дальше.

Они долго сидели на камнях, разбросанных по берегу ручья. Горлум бродил по воде, плескался и фыркал.

– Надо поесть, – сказал Фродо, – а то так мы недалеко уйдем. Эй, Смеагорл! – позвал он. – Иди сюда, поешь с нами.

При упоминании о еде в глазах Горлума зажегся яркий зеленый огонь. Он рысью подскочил к Фродо и жадно схватил протянутый кусок лепешки. Но едва откусив от него, он закашлялся и принялся плевать. – Нет, – хрипел он с натугой, – пыль, пепел! Они нас задушат! Бедный Смеагорл может умереть.

Понемногу он затих и только жалобно причитал: – Не надо такую еду. Хоббиты хорошие, но еда у них плохая, злая. Смеагорл не сердится. Он обещал и лучше умрет от голода. Бедный голодный Смеагорл!

– Жаль, – сказал Фродо, – но другого у нас нет. Если бы ты попробовал, может эта еда и помогла бы тебе, но видно ты даже попытаться не можешь. Может быть потом...

Пока они ели, Горлум голодными глазами провожал каждый кусок лепешки. Убедившись, что никакой другой пищи не будет, он отошел в сторону и уселся с мрачным видом, что-то бормоча под нос. Сэм подозрительно посмотрел на него и шепнул Фродо: – Нам обоим надо бы поспать, но я не доверяю этой голодной бестии. По мне – что Горлум, что Смеагорл – все едино, не может он сразу стать другим. Я посторожу пока, а когда уж неважноту будет, разбужу вас, сударь.

– Хорошо, – отозвался Фродо в полный голос, – я посплю часа два, мне хватит, – и уснул, едва успев договорить. Горлум свернулся клубком и тоже уснул. Сэм сидел, прислонившись к камню, слушал их ровное дыхание и незаметно уснул.

Проснулся он как от толчка. Вокруг было совсем темно. Сэм вскочил; он почувствовал себя отдохнувшим и голодным и понял, что проспал весь день, а сейчас уже наступила ночь. Фродо еще спал, а Горлума нигде не было видно. Сэм горестно ахнул, но тут же сообразил, что раз они живы, значит ничего страшного не произошло.

Проснулся Фродо. Он сел, протирая глаза и сонно оглядываясь. – Который час, Сэм?

– Не знаю. Солнце уже зашло, а Горлума нет.

– Вернется, никуда не денется. Бедняга просто голоден, но клятва удержит его, он не захочет расставаться с Сокровищем.

Оба чувствовали себя отменно. Им давно уже не приходилось выспаться как следует, да и Горлум

оказался верен слову.

– Что теперь будем делать? – спросил Сэм. – Когда мы, наконец, покончим с нашим делом? А потом как? Мы ведь таскаем ноги только благодаря лепешкам, но они в сумках-то не растут. Хватит их, я думаю, недели на две, а потом придется туго. Может нам нужно быть поэкономнее?

– Сэм, милый ты мой! – проникновенно сказал Фродо, – не стоит ломать голову над тем, что будет дальше. Самое большее, на что мы можем надеяться – это сделать свое дело. А дальше – неважно. Думаю, что потом еда нам будет уже не нужна. Мы идем и делаем то, что можем. Но я даже не знаю, дойдем ли мы. Ородруин далеко, а сил у меня все меньше.

Сэм хотел сказать что-то, но только порывисто схватил Фродо за руку и склонил голову. Фродо почувствовал на руке горячую слезу. Впрочем Сэм тут же выпрямился, отвернувшись, и пробормотал: – Ну где носит этого проклятого лиходейщика?

Горлум появился через несколько минут. Лицо и руки у него были в грязи, он что-то жевал, поминутно облизываясь. Друзья даже не решились спрашивать, чем ему удалось разжиться. Горлум шумно напился из ручья, смыл с себя грязь и только потом подошел к ним.

– Славные хоббиты! – довольно прошипел он, – так хорошо спали! Верят они Смеагорлу теперь? Вот и хорошо.

Русло ручья, по которому они шли, постепенно сливалось с болотной равниной, сплошь покрытой топким мхом. Вокруг, сколько хватало глаз, раскинулись темные бездонные провалы, заполненные угольно-черной водой. Над болотами висели клочья серого с неприятным запахом тумана. Временами в тишине что-то громко булькало и запах усиливался.

У южного края равнины черным рифом над морем тумана вздымались стены Мордора. Теперь путники полностью зависели от своего проводника. Без него они не смогли бы сделать в этих гиблых топях ни шагу.

– Мы что же, так и пойдем прямо через болото, Смеагорл? – спросил Фродо.

– Через болото, через болото, – забормотал Горлум. – Может, хоббиты хотят поскорее увидеться с Ним? Тогда вон там, – он махнул рукой на северо-восток, – есть хорошие твердые дороги. Они ведут прямо к Нему. На дорогах много Его слуг, они помогут, отведут прямо к Нему. Там Он и поймал Смеагорла, Горлум содрогнулся. – С тех пор Смеагорл осторожный. Он знает другие пути, не такие хорошие и твердые, но подальше от Него. Это пути через болота, да! Над ними такие славные, такие густые туманы! Надо идти осторожно, тогда мы уйдем далеко, а Он не увидит нас, не увидит Смеагорла.

Рассвело, но в таком густом тумане Горлум мог идти и при свете. Очень скоро хоббитам стало казаться, что они навсегда затерялись в мглистом липком безмолвии. Не было уже ни холмов позади, ни гор впереди, только болота. При ближайшем рассмотрении они оказались бесконечным лабиринтом лужиц, топей, извилистых ручейков. Даже Горлум с трудом находил здесь дорогу. Настроение у путников упало. Холод, пронизывающая сырость, зеленая пузырящаяся поверхность мутной воды с редкими купами гниющих камышей навевали уныние. Когда в середине дня туман чуть поднялся и стало проглядывать солнце, Горлум решительно остановился. Все трое притаились как кролики у края сухих бурых зарослей осоки. Тишину нарушал только чуть слышный заунывный посвист ветра в сухих стеблях.

– Даже птиц нету, – ворчал Сэм, с удовольствием вспоминая жужжание мошкеры на Комариных болотах дома, в Хоббитании.

– Нету, – с готовностью подхватил Горлум. – Славные птицы! – он плотоядно облизнулся. – Змеи есть, черви, гады всякие, много, а птиц нету, – промолвил он с сожалением.

Сэма передернуло, но он промолчал.

На третий день идти стало еще труднее. Горлум тщательно выбирал, куда поставить ногу, а Сэм с Фродо старались идти за ним след в след. Они были в самом сердце Гиблых болот. Туман был очень плотен и наверное поэтому сумерки наступали очень рано. Скоро и совсем стемнело, но вдруг, то там, то здесь над болотами стали загораться трепетные огоньки, словно незримые руки зажигали свечу за свечей. Они двигались перепархивая с места на место.

Сэм, забыв о своей неприязни, схватил Горлума за руку. – Что это, Горлум? – шепотом воскликнул он. – Что это за огоньки? смотри, они окружают нас!

– Да, да, – свистящим шепотом ответил Горлум, останавливаясь. – Призрачные огни, огни мертвецов. Не смотреть на них, не ходить за ними! Где хозяин?

Сэм обернулся и увидел, что Фродо отстал и стоит, заглядевшись на пляску огней. Сэм поспешил к нему, но на втором же шагу поскользнулся и упал. Руки его по локоть ушли в трясину и темная поверхность гнилой воды оказалась прямо перед глазами. Сэм громко вскрикнул и судорожно начал выдираться из болота. – Там! – кричал он, измазанными в тине руками показывая вниз, – там лица! Мертвые!

Горлум хрипло рассмеялся. – Это Гиблые Болота. Нельзя смотреть в воду, когда пляшут огоньки.

– Я тоже видел, – тихо, словно во сне, произнес Фродо, подходя к ним. – Глубоко внизу. Прекрасные и злобные, мрачные и печальные. Тысячи лиц. Люди, эльфы и орки, но они давно мертвы.

– Да, – спокойно отозвался Горлум, – мертвые. Давно. Люди, эльфы и орки. Это – Гиблые Болота, – повторил он. – Давно, очень давно, еще когда Смеагорл был молодым, я слышал – здесь была большая битва, очень большая. Потом стало болото, и теперь все растет и растет. А там, – он махнул рукой вниз, – там – могилы.

– А когда это было? – спросил Сэм.

– Давно, – задумчиво ответил Горлум, – давно. До них не достать, не дотронуться. Мы хотели один раз, но нельзя, никак не достать.

Сэм вздрогнул, догадавшись, зачем Горлум хотел достать лица мертвецов.

Часто останавливаясь, иногда на четвереньках, они продолжали идти вперед. Теперь и Фродо и Сэм мало чем отличались от Горлума, также перемазанные липкой, жутко пахнущей болотной грязью. Но они уже миновали сердце болот. Все чаще попадались островки твердой земли, и Горлум прибавил шаг. Видно было, что он узнает дорогу и идет уверенно. Но вдруг он остановился и начал беспокойно принюхиваться, вытянув шею и вертя большой головой. Хоббиты с удивлением наблюдали за ним, когда с высот донесся пронзительный, долгий, свирепый вопль. Теперь он был им хорошо знаком. Сверху пахнуло холодом, туман заколыхался и разом погасли болотные огни.

Горлум дрожал, бормоча что-то невнятное. Послышался странный мертвящий свист, и над болотами промчался порыв ледяного ветра. Он мгновенно сдернул туманный покров. Над головами хоббитов в разрывах клубящихся туч выглянула яркая луна. Сэм вскрикнул было от радости, но Горлум рухнул ничком на дорогу, посылая проклятье Белому Лику. В тот же миг Фродо заметил, что со стороны Мордора по небу несется темное облачко. Не успел он удивиться, как оно разрослось в черную тень, крылатую и зловещую. На миг закрыв луну, тень с воплем промчалась на запад. Хоббиты тоже упали на дорогу, пытаясь встать, вжаться в холодную землю. Страшная тень сделала круг, вернулась и снова пронеслась у них над головами так низко, что всколыхнула камыши в зарослях. Вслед за ней, теперь в обратном направлении рванул порыв ветра, окончательно разгоняя туман над равниной. Теперь все необъятное пространство Гиблых Болот было залито ярким лунным светом.

Фродо и Сэм встали, а Горлум не шевелился. Им с трудом удалось поднять его, но он снова упал, закрывая голову руками.

– Призраки! – скулил он, – это крылатые призраки! Они все видят, от них не спрячешься. Они расскажут Ему, и Он увидит, узнает... – дальше все потонуло в рыданиях и сплошных «Горлум, горлум, горлум». Только когда луна начала заходить, он успокоился и двинулся вперед.

С этой минуты Сэму начало казаться, что Горлум снова переменялся. Он стал еще лстивее и подобострастнее прежнего, но в глазах все чаще появлялся странный блеск, особенно когда он глядел на Фродо, и возвращалась прежняя манера говорить.

Но были у Сэма и другие тревоги, Фродо все больше и больше уставал. Он не жаловался, он вообще теперь почти не говорил, но вид у него был такой, словно он нес на плечах тяжесть, возрастающую с каждым шагом. Он двигался так медленно, что Сэму часто приходилось останавливать Горлума и поджидать друга...

С каждым шагом, приближавшим его к Воротам Мордора, Фродо чувствовал, как Кольцо у него на шее становится все тяжелее и тянет вниз. Но еще мучительнее было Око – нарастающее ощущение злобной воли, стремящейся заглянуть ему прямо в душу и овладеть ей. Фродо ясно чувствовал, где средоточие этой воли: так человек даже с закрытыми глазами знает, с какой стороны светит солнце. Он шел навстречу этой силе, и она ослепляла его.

Горлум тоже ощущал что-то похожее, но что творилось в его жалкой душонке, где сталкивалась Воля Темного Владыки, желание вернуть Кольцо и власть клятвы, вырванной у него под угрозой – этого хоббиты даже не пытались представить. Каждому хватало собственных мрачных мыслей.

Наконец, на пятый день пути они вышли из Болот и очутились на ничьей земле – полосе суши между Болотами и Мордором, израненной и исковерканной. Даже на Гиблых Болотах была какая-то зелень, чувствовалась болезненная тень весны, здесь не росло ничего – ни лишайников, ни плесени. Воронки и впадины были заполнены лишь пеплом и зыбучими песками. Тут и там высились груды шлака и камней, опаленных огнем и покрытых ядовитыми пятнами. Они походили на какие-то отвратительные надгробья.

Утренний свет все шире разливался по этой зловещей пустыне, а они никак не могли набраться храбрости, чтобы пересечь ее. Даже свет казался враждебным, он открывал их глазам Мордора, усиливая полную их беспомощность. Не в силах двинуться дальше все трое спустились в большую яму с покатыми склонами и какой-то маслянистой радужной лужей на дне. Они решили отсидеться здесь до сумерек и надеялись только, что яма защитит их от взгляда Врага. Смеагорл уснул сразу же; хоббиты решили дежурить по очереди, но все-таки тоже уснули.

Вдруг Сэм пробудился. Ему показалось, что кто-то зовет его. Был вечер. Фродо спал, соскользнув почти до дна ямы. Горлум сидел над ним на корточках и разговаривал сам с собою, вернее, в нем спорили вслух Смеагорл и Горлум. Голос у него был то внятный, то шипел, и глаза светились то бледным, то ярко-зеленым блеском.

Сэм прислушался, глядя из-под полуопущенных век. Шипящий голос – Горлум требовал отнять Сокровище у спящего, голос Смеагорла возражал ему, но с каждым разом слабее. – Смеагорл обещал, – говорил он. – Я обещал служить хозяину.

– Так возьмем Сокровище, – настаивал, шипя, Горлум, – и будем хозяином сами. Хоббит отнял у нас Сокровище, мы ненавидим его!

– Но не этого! Этот хороший, он говорил со мной ласково, он снял с меня злую веревку.

– Нет, и этого! Всех, кто прячет наше Сокровище. Мы возьмем Сокровище себе!

– Но Он увидит, Он отнимет его!

– Не увидит. Мы должны взять Сокровище!

– Не для Него?

– Нет. Для себя. Тогда мы станем сильнее всех, сильнее Его! Мы будем Владыкой, Единственным! Будем есть свежую сладкую рыбу трижды в день! Мы должны взять его!

– Но их двое, – с отчаянием возразил Смеагорл. – Он проснется и убьет нас. Не надо сейчас.

– Не сейчас? – Горлум помолчал, словно раздумывая. – Хорошо, не сейчас. Она поможет нам. Да, она поможет!

– Нет, нет, не надо! – простонал Смеагорл.

– Надо! Мы хотим его!

Длинные руки несчастного то тянулись к Фродо, когда говорил Горлум, то отдергивались, когда вступал Смеагорл. Но, наконец, оба замолчали, и рука с шевелящимися пальцами потянулась к горлу Фродо.

В простоте душевной Сэм больше всего опасался, как бы вечно голодный Горлум не сожрал их, но теперь он понял, что Горлума влечет к себе Кольцо. «Он», – это, конечно, Владыка Мордора, но кто такая «Она»? Впрочем, Сэм не стал долго раздумывать над этим. Сам не зная почему, он решил не подавать

вида, что все слышал. Он медленно сел, широко зевнул и потянулся.

– Который час? – спросил он заспанным голосом.

Горлум замер на месте, потом вдруг упал на четвереньки и пополз вверх по склону.

– Славные хоббиты! – шипел он, – хороший Сэм! Спали долго, оставили Смеагорла сторожить. Уже вечер. Темно. Пора идти.

«И пора бы с тобой расстаться», – подумал Сэм. – А лучше всего было бы прогнать тебя с самого начала, а не тащить с собой". Он разбудил Фродо, прошептал ему на ухо: – Пора.

Фродо чувствовал себя гораздо лучше. Ему снилось что-то прекрасное и сияющее, что именно – он не помнил, но оно придало ему сил. Он встал. Горлум кинулся к нему, как обрадованная собака, лапаясь и увиваясь у ног. Фродо улыбнулся ему.

– Ну вот, – сказал он. – Ты хорошо вел нас и был нам верен. Приведи нас к воротам, и я больше ничего не потребую от тебя. Приведи нас к воротам, а тогда иди, куда хочешь, лишь бы не к врагам.

– К Воротам? – испуганно повторил Горлум. – Хозяин сказал – к Воротам? Да, да, так. Добрый Смеагорл сделает все как велит хозяин. Но когда мы придем... там посмотрим. Там будет нехорошо, да, да.

– Идем, – нетерпеливо позвал Сэм, – хватит тебе причитать.

Едва успев отойти от ямы, они ощутили вдруг волну ужаса, такую же как на Болотах при появлении крылатой тени. Они пали на пересохшую землю, но в небе ничего не увидели. Когда угроза миновала, они двинулись снова. Около полуночи ужас опять охватил их, на этот раз угроза казалась отдаленной и быстро исчезла. Горлум очень напугался. Он так трясся и скулил, что не мог идти. Уговоры не помогали. Только когда Фродо гневно прикрикнул на него и схватился за меч, Горлум с ворчанием поднялся и пошел впереди, как побитый пес.

В конце концов они достигли Ворот Мордора. Темная громада их вздымалась прямо перед ними в бледное предрассветное небо.

Западную границу Мордора замыкал мрачный горный хребет, северную цепь скалистых пиков и острых гребней Черных Гор. Смыкаясь, хребты образовывали глубокую теснину Кирит Горгор, Теснину Духов на всеобщем языке – вход в страну Врага, а по обе стороны на скалистых вершинах громоздились две мрачные черные башни – Зубы Мордора. Когда-то их выстроили гондорцы, чтобы стеречь Саурона в его мрачной стране, но однажды башни были захвачены Врагом. С тех пор в них помещалась зоркая, бессонная стража, и они смотрели на север, восток и запад множеством неумолимых глаз.

Поперек теснины, от утеса до утеса, протянулась каменная стена, в ней были только одни ворота, всегда запертые, всегда охраняемые сотнями воинов, открывались они только для тех, кого призывал к себе Саурон или кто знал пароль. Ворота назывались Мораннон.

Хоббиты издали в отчаянии взирали на эту жуткую преграду. Настал день и бледное солнце поднялось над голыми скалами Черных Гор. Вдруг раздался звук медных труб: начавшись на сторожевых башнях он был подхвачен множеством других труб и рожков, и наконец, издали мощно откликнулись трубы и барабаны в самом Барад-Дуре, Черной Крепости. Для Мордора начался еще один день страха и тяжелого труда; дневная стража, сверкая оружием, сменила ночную, скрывшуюся в своих подземельях.

– Ну вот, – сказал Сэм, налюбовавшись этой картиной. – Вот Ворота, вот мы, но по-моему, все так и останется. Разве что орки пригласят нас войти.

– Нет, нет, нет, – всполошился Горлум. – Не надо. Мы не можем идти дальше. Смеагорл знал это, он так и говорил хоббитам. Он знал, что им не войти, да, да!

– Так что ж ты, на погибель нас притащил сюда? – вскричал Сэм, совершенно упустив их виду, что именно этого они и требовали от своего проводника.

– Хозяин велел, – оправдывался Горлум. – Хозяин сказал: привести к Воротам. Добрый Смеагорл привел. Хозяин велел так, умный хозяин!

– Да, я велел, – произнес Фродо. Он был весь в грязи, осунулся от усталости, но взгляд был решителен

и ясен. Он не прятался больше. — Я велел так, ибо я намерен войти в Мордор. Другого пути я не знаю, так что войду вот этим. Я не зову с собой никого из вас.

— Нет, нет, хозяин! — застонал Горлум, цепляясь за него в отчаянии. Не надо так! Не надо. Не бери Сокровище к Нему! Он съест нас, если получит его, съест весь мир! Сохрани Сокровище, добрый хозяин, не обижай Смеагорла. Не отдавай Ему! Или уходи обратно, вернись в хорошие места, а Сокровище отдай Смеагорлу. Да, да, хозяин, отдай! Смеагорл сбережет его, он сделает много добра всем, особенно славным хоббитам. Пусть они идут себе домой! Только не надо в Ворота!

— Я должен войти в Мордор и я войду, — ответил Фродо. — Если это единственный путь, я пойду им и будь что будет!

Сэм молчал. Ему довольно было одного взгляда на своего друга и он понял всю бесполезность возражений. Правда, ему с самого начала не очень верилось в успех предприятия, но как всякий хоббит он не очень-то задумывался, как оно там будет, пока не было нужды. Однако, конец должен был наступить. Фродо собирался в Мордор, Сэм отнюдь не собирается отпускать его одного. Там-то они во всяком случае отделаются от Горлума. Но оказалось, что это не так просто. Горлум упал к ногам Фродо, ломая свои тощие руки и стенав. — Не сюда, не сюда, хозяин! — умолял он. — Есть другой путь. О, да, есть! Другой, тайный, темный, скрытый, потайной. Но Смеагорл знает, Смеагорл покажет.

— Другой путь? — спросил Фродо, испытующе глядя на него.

— Да. Другой путь. Есть. Или был. Смеагорл нашел его. Пойдем и посмотрим, там ли он.

— До сих пор ты не говорил о нем.

— Нет. Хозяин не спрашивал. Хозяин не говорил, чего он хочет. Он не сказал бедному Смеагорлу. Он сказал — Смеагорл, приведи нас к Воротам, а тогда — прощай! Смеагорл может уйти, он хороший. А теперь он говорит — я хочу войти в Мордор, прямо здесь. И Смеагорл очень боится, он не хочет терять доброго хозяина, он обещал сберечь Сокровище. Но если хозяин войдет здесь, то оно попадет прямо в Черную Руку. Смеагорл спасет всех. Он помнит другой путь. Славный хозяин! Смеагорл всегда помогает, Смеагорл хороший.

Сэм хмуро разглядывал Горлума. Его грызли сомнения. Похоже, что Горлум действительно был в отчаянии и в самом деле хотел помочь Фродо. Но, вспоминая подслушанный спор, Сэм никак не мог поверить в победу Смеагорла над Горлумом: он вспомнил, за кем осталось последнее слово. Сэму казалось, что обе половины — Смеагорл и Горлум /мысленно он называл их Липучка и Вонючка/ помирились только временно, чтобы спасти Кольцо и Хранителя от рук Врага, а потом, улучив момент овладеть Сокровищем.

«Хорошо еще, что ни тот, ни другой не знают, как Фродо намерен поступить с Кольцом, — размышлял он. — Судя по всему, Вонючка боится Врага настолько, что сразу выдаст нас, если попадется. Фродо надо быть с ним поосторожнее. Он, конечно, умный, умнее всякого другого, только слишком мягок, вот в чем беда».

Фродо ответил Горлуму не сразу. Он долго глядел на темные утесы Теснины Духов. Лощина, в которой они укрывались, находилась на склоне холма, немного выше равнины: между нею и верхними бастионами Мораннона шла узкая, глубокая впадина. В утреннем свете были ясно видны сходящиеся у Ворот Мордора дороги. Одна — с севера, другая — с востока, третья проходила по долине у самого холма, где стояли хоббиты. На равнине заметно было движение, словно там шли большие армии; в дыму и тумане блестели копья и шлемы, по дороге скакали всадники. Это напомнило Фродо картину, виденную несколько дней — или несколько лет? — назад с вершины Овида. На мгновение сердце у него дрогнуло от безумной надежды, но она тут же развеялась: не армии Гондора шли против Врага, а отряды Вастаков стекались под знамя своего владыки. Внезапно осознав опасность своего положения: днем, на свету, так близко от неприятеля, Фродо поспешно надвинул серый капюшон на голову и спустился ниже в лощину. Потом подошел к Горлуму.

— Слушай, Смеагорл, — сказал он. — Я поверю тебе еще раз. Мне кажется, так уж суждено: тебе — помогать мне, когда, казалось бы, помощи ждать неоткуда, а мне — пользоваться твоей помощью. До сих пор ты оправдывал мое доверие и хорошо держал клятву. Я говорю это от сердца, — тут он бросил на Сэма

быстрый взгляд. – Дважды мы были в твоей власти, и ты не воспользовался ей, не пытался отнять у меня то, что искал так долго. Надеюсь, так будет и впредь. Но предупреждаю, Смеагорл, ты в опасности!

– Да, да, – проскулил Горлум, – в великой опасности! Смеагорл весь дрожит при одной мысли о ней, но не убежит. Он поможет доброму хозяину!

– Я не о том, – возразил Фродо. – Опасность грозит тебе одному. Ты поклялся Сокровищем. Помни это! Оно может извратить твою клятву тебе на погибель. Оно уже извратило ее. Ты только что проговорился: «Отдай его Смеагорлу», – ты сказал, так вот, не говори так больше, не давай этой мысли укрепиться в тебе. А в крайнем случае, Смеагорл, я надену его, понимаешь? Надену и ты, раб Сокровища, выполнишь любое мое приказание, хоть бы я велел тебе броситься в огонь.

Сэм поглядел на друга одобрительно, но и слегка удивленно, не узнавая ни лица, ни голоса. Он всегда считал Фродо самым умным в мире, ну, разве кроме Бильбо и Гэндальфа, но, как это ни странно, считал, его всегдашнюю мягкость признаком недалекого ума. Горлум, верно, тоже принимал кротость за глупость, но ему это было простительно, он недавно познакомился с Фродо, – и эта строгая речь совершенно сокрушила его. Он упал ничком и от него нельзя было ничего добиться, кроме «добрый хозяин».

Фродо подождал немного, потом заговорил уже мягче: – Ну, Горлум, или Смеагорл, расскажи-ка мне об этом другом пути. Стоит ли мне ради него сворачивать в сторону с прямой дороги? Я тороплюсь.

Но Горлум был все еще так потрясен угрозой, что мог только скулить и бормотать, умоляя всех сжалиться «над бедным маленьким Смеагорлом». Постепенно он успокоился, и Фродо узнал, что дорога вдоль хребта ведет к Перекрестку, обсаженному большими деревьями. Оттуда правая дорога уходит к Оспиляту и к мостам на Андуйне – на юг, все дальше и дальше, до самого Моря, но Горлум там никогда не бывал и не хочет бывать.

– Мы тоже, – оборвал Фродо. – Ну, а левая дорога?

– Да, да, левая, – поспешно ответил Горлум, – она ведет вверх, все выше и выше, прямо в тень. Потом, за черным утесом, вы увидите... увидите эту... это... вы увидите и вам захочется спрятаться...

– Что увидим?

– Старую крепость, очень страшную. Мы слышали рассказы о ней, давным-давно, когда Смеагорл был молод. Да, там рассказывали много сказок вечерами, на берегу Великой Реки, она тоже тогда была молодая, горлум, горлум! – он заплакал, шепча и причитая. Хоббиты терпеливо ждали.

Успокоившись немного, он заговорил о могучих людях, об их огромных каменных дворцах, о Серебряном Венце их вождя, дающем всеведение своему владельцу, о Белой Башне, в которой некогда хранился большой, сияющий и круглый как луна камень.

– И все это еще стоит, и башни, и дома, и стены, – говорил он, – но они теперь ужасные. Путники дрожат, когда видят их, они обходят их далеко-далеко. Но хозяин пойдет туда. Тот второй путь – он идет там. Горы там ниже, дорога все вверх, вверх, а потом вниз, вниз... в Горгорат, добавил он шепотом и сильно вздрогнул.

– Ну и чем это лучше? – спросил Сэм. – Враг-то свои дороги знает, значит, и ту охраняет. Крепость-то не пустая, верно?

– Нет, не пустая, – прошипел Горлум. – Она только кажется пустой, но там орки, да, орки, и другие, еще страшнее... Дорога идет в тени и входит в Ворота, а там – Безмолвные Стражи, и от них ничего не скроется.

– Так, так, так, – сказал Сэм, – значит ты предлагаешь нам прогуляться на юг, чтобы, в конце концов, снова попасть в такой же тупик?

– Нет! – зашипел Горлум. – Хоббиты должны увидеть, должны понять. Он никого не ждет оттуда. Его Око смотрит везде, но не везде одинаково. Он не может видеть все сразу, пока не может. Он захватил всю страну, до самой Реки, Он охраняет мосты, Он думает, что никто не подойдет к Лунной Башне, если не прорвется через мосты, а тогда Он будет знать...

– Я смотрю, тебе неплохо известно, что Он думает и что делает, – заметил Сэм. – Может, ты повидался

с Ним недавно, или только поболтал с орками?

– Злой Сэм, злой, нехороший! – прошипел Горлум, метнув на него короткий злобный взгляд. Потом он обратился к Фродо: – Смеагорл говорил с орками, да, еще до того, как встретил хозяина. И с другими тоже. Он ходил очень далеко. Так все говорят: самая большая опасность для Него здесь, на севере. Он скоро подойдет к Черным Воротам, да, когда сюда придет большое войско. Но там, на западе, Он ничего не боится, потому что там стоят Безмолвные Стражи.

– Вот как? – насмешливо произнес Сэм. – А мы, значит, должны подойти, постучаться и спросить этих самых Стражей, как пройти в Мордор? А они такие безмолвные, что ничего нам не скажут, а проводят туда молча? Ну, нет. Это можно и здесь сделать, незачем тащиться так далеко.

– Не смей шутить с этим! – прошипел Горлум. – Это не смешно, нет! Никому не надо ходить в Мордор. Но если хозяин говорит: «Я хочу», надо попробовать. А в страшную крепость не ходить, конечно, нет. Смеагорл поможет, славный Смеагорл. Ему никто не говорит, зачем это все, но он поможет. Он нашел. Он знает.

– Что ты нашел? – спросил Фродо.

Горлум опять припал к земле и зашептал: – Тропинку в горах. Все вверх, вверх, а потом – лестница, да, очень длинная, узкая, а потом еще одна, а потом... потом подземный ход, очень темный, очень длинный, и тропа выходит высоко над дорогой. Так Смеагорл уходил из Мрака. Давно, очень давно. Может, тропы уже и нет, а может и есть.

– Мне это не нравится, – категорически заявил Сэм. – Слишком просто. Если есть тропа, должна же она охраняться. Стерегут ее, Горлум? – ему показалось, что в глазах Горлума мелькнул зеленый огонек. Горлум не ответил, только пробормотал что-то.

– Так ее не охраняют? – сурово спросил Фродо. – И ты убежал от Мрака, Смеагорл? А может, тебя выпустили? Интересно, зачем? По крайней мере так думал Арагорн, когда словил тебя на Мертвых Болотах, несколько лет назад.

– Это ложь! – прошипел Горлум, злобно сверкнув глазами при имени Арагорна. – Я убежал, убежал сам! Мне было велено искать Сокровище, да, и я искал, но не для Черного. Оно было наше, мое. Я убежал!

Фродо почувствовал, что сейчас Горлум говорит правду: он действительно нашел какой-то путь, чтобы уйти из Мордора, и верил, что нашел его сам. Фродо заметил, что Горлум говорит "я", а это было признаком тех редких моментов, когда прежняя честная натура брала в нем верх. Но если даже Горлumu можно было сейчас верить, Фродо не мог забыть о коварстве Врага. «Бегство» могло быть подстроено, в Черной Крепости не могли не знать о нем. Ясно было, что Горлум много не договаривает.

– Я тебя спрашиваю, – повторил он, – охраняют ее?

Но Горлум обиделся. Не так уж часто он говорил правду, и вот, когда он сказал ее наконец, ему не поверили! Он упрямо продолжал молчать.

– Стерегут ее? – повысил голос Фродо.

– Да, может быть, – угрюмо отозвался Горлум. – Безопасных мест там нет. Но хозяин должен попробовать или возвращаться домой. Других путей нет.

Горлум не назвал крепость на перевале, а называлась она Кирит Унгол. Это было зловещее имя. Арагорн мог бы объяснить его смысл, Гэндальф мог бы предостеречь против нее. Но Арагорн был далеко, а Гэндальф погиб на глазах у Фродо. Хранитель даже не подозревал, что именно в этот миг Гэндальф перед воротами Ортханка спорил с Саруманом, а мысли мага сосредоточены на помощи хоббитам.

Может быть Фродо, сам того не зная, ощутил их... Во всяком случае он долго сидел, опустив голову, стараясь вспомнить все, что Гэндальф говорил ему, но не нашел в памяти никакого совета. Гэндальф покинул их слишком рано, когда Страна Мрака была еще слишком далеко, и они никогда не говорили, как войти туда. Может и Гэндальф не знал этого. Он побывал однажды в Дул Гулдуре, твердыне Врага на севере, но бывал ли он в Мордоре с тех пор, как там укрепился Саурон, приближался ли к Ородруину или к Барад-Дуру? Фродо чувствовал, что нет. И вот теперь он, простой хоббит, должен попасть туда, куда не

сумел или не посмел попасть ни один мудрый и сильный. Что ж, значит, такова его судьба. Он ведь сам принял на себя это бремя, сидя в своем домике, у камина, в далекий весенний день... Это было так давно! И вот он на распутье. Какую дорогу выбрать? А если впереди и там, и там только ужас и смерть, то зачем выбирать?

Время шло. Над лощиной лежала почти осязаемая тишина. Бледное небо казалось далеким-далеким, по нему плыли клочья дыма, похожие на чьи-то мрачные мысли.

Голова Фродо склонилась почти до колен. Сэм же, напротив, сидел, закинув руки за голову, глядя из-под капюшона на пустое небо. И вдруг в бледной голубизне появилось что-то живое, движущееся, потом еще и еще... Это были крылатые существа, каких Сэм никогда не видел. И однако он сразу почувствовал, несмотря на расстояние, какие они огромные, с широко раскинутыми крыльями... Он зажмурился, сжался в комок, охваченный тем вестим ужасом, какой испытал недавно на болотах, услышав голос Черного Всадника. На этот раз угроза была очень далекой, но Фродо тоже ощутил ее: он вздрогнул и шевельнулся, но не поднял головы. Горлум свернулся под камнем, как испуганный паук. Крылатые тени сделали круг и умчались, снижаясь, обратно в Мордор.

Сэм перевел дух. – Там, вверху, Всадники, – хрипло прошептал он. – Я их видел. Как вы думаете, видели они нас? Далеко ведь было, а? А потом, если это те же Всадники, что и раньше, то они плохо видят днем, да?

– Кажется, да, – ответил Фродо. – Но их кони видят, а эти, крылатые, на которых они летают теперь, они могут быть зорче всех остальных. Они словно разыскивают что-то. Боюсь, Враг настоже.

Ощущение угрозы исчезло и невидимая завеса, отделявшая их от мира, поднялась. Сразу вернулось сознание опасности. Но Фродо все еще молчал. Он сидел, закрыв глаза, словно в дремоте, наверное, советовался со своим сердцем. Наконец, он встал. Они думали услышать его решение, но он только прошептал: – Тссс! Что это?

Снова накатил страх. Они услышали хриплые голоса, крики и пение, сначала издали, потом все ближе. Припав к земле, хоббиты прислушивались. Голоса и лязг оружия раздавался совсем близко. Фродо и Сэм привстали и обнажили мечи, готовясь к схватке. О бегстве нечего было и думать.

Горлум медленно приподнялся и пополз к краю лощины. Он полз осторожно, дюйм за дюймом, потом выглянул между камней и сам стал неотличим от них. Голоса начали отдаляться, постепенно затихая. Далеко, у бастаионов Мораннона прозвучала труба. Горлум тихонько соскользнул обратно.

– Люди идут в Мордор, – прошептал он. – Чернолицые. Мы еще не видели таких, нет, Смеагорл не видел. Они страшные. Черные глаза и черные волосы, и Золотые кольца в ушах, – да, много золота! И на щеках красная краска, и красные щиты, и красные плащи. Очень страшные люди, очень свирепые. Такие же как орки. Смеагорл думает – они с юга, с далекого юга. Все время приходят люди в Мордор. Когда-нибудь там соберутся все племена.

– С юга? – спросил Сэм, от любопытства забывая о своих страхах. – А какие звери с ними идут?

– Нет зверей, – сказал Горлум. – Какие звери?

– Ну, всякие, – нетерпеливо ответил Сэм. – Разве я знаю, какие звери бывают на юге? Красные, синие, разноцветные, крылатые там, с рогами, с хвостом на носу...

– Нет таких, – сердито прервал его Горлум. – Смеагорл о таких не слышал. Смеагорл не хочет их видеть. Он хочет уйти отсюда. Он хочет, чтобы хозяин ушел. Славный хозяин идет со Смеагорлом?

Фродо встал. Его рассмешили расспросы Сэма о «зверях с юга» и смех помог ему решиться.

– Ну, что же, Смеагорл, – произнес он, – пусть третий раз будет решающим. Я пойду с тобой.

– Умный хозяин, добрый хозяин, славный хозяин! – восторженно вскричал Горлум, лапаясь к коленям Фродо. – Добрый, умный! Теперь отдыхайте, мои славные, ложитесь в тени, у самых камней. Отдыхайте, пока Желтый Лик не скроется. А тогда мы пойдем, быстро-быстро, как тени!

9. КОСТЕР У РУЧЬЯ

Когда лощину заполнили сумерки, они поели и выпили немного воды. Горлум ничего не ел, но воды выпил.

– Скоро будет больше, – сказал он, облизываясь. – Много хорошей воды в ручейках, много ручьев там, куда мы идем. Там и Смеагорлу найдется поесть. Он очень голодный, да! – он прижал большие плоские ладони к тощему животу, и глаза у него разгорелись бледным зеленоватым огнем.

Было уже темно, когда они осторожно двинулись в путь по западному краю лощины, прячась среди камней и рытвин. Луна была на ущербе и всходила не раньше полуночи. Высоко в одной из башен крепости горел красноватый огонек, но других признаков жизни не было. Мораннон казался спящим.

Этот красный глаз словно следил за ними. Они не смели выйти на дорогу, но боялись потерять ее из виду. Наконец, уже после полуночи, огонь на башне превратился в красную точку и исчез: они обогнули северный отрог хребта и шли теперь прямо на юг.

Отдыхали недолго. Горлум все время торопил их. По его счету, от Мораннона до Перекрестка над Оспилятом было лиг тридцать, и он надеялся покрыть это расстояние за четыре перехода. Когда в небе начал разливаться сероватый рассвет, пришлось остановиться. Почти восемь лиг осталось позади. Хоббиты не могли больше сделать ни шагу от усталости.

Светлело, и они все яснее видели, что местность вокруг уже не такая пустынная и голая. Слева все так же мрачно вздымались горы, но дорога на юг шла среди зеленых холмов. Выше по склонам росли высокие темные деревья, а ниже расстилались холмистые просторы, заросшие раkitником, кизилом и каким-то еще незнакомым кустарником. Кое-где виднелись группы стройных сосен. Несмотря на усталость, на душе у хоббитов полегчало. Воздух здесь был свежий, душистый и напоминал о далекой родной Хоббитании. Так отрадно было получить передышку, идя по стране, лишь несколько лет назад подпавшей под власть Врага и не успевшей погибнуть окончательно. Но они не забыли об опасности. Мораннон был еще близко. Надо было искать укрытие до вечера.

День, проведенный в чаще кустарника, прошел беспокойно – по крайней мере для Сэма. Фродо иногда крепко засыпал, не то доверяя Горлumu, не то слишком усталый, чтобы тревожиться. Сэму не спалось даже когда спал Горлум. Ему не давала покоя не столько подозрительность, сколько голод: давно уже хотелось пожевать «чего-нибудь горяченького».

В сумерках они двинулись снова и шли теперь по дороге. Это было быстрее, хотя и опаснее. Приходилось напрягать слух, чтобы вовремя различить шаги или цоканье копыт, но ночь шла, а им никто не встречался.

Дорога была древняя. Чем дальше на юг, тем она становилась все заброшеннее. В том, как прямо и ровно она шла, угадывалась рука человека: она то прорезала склоны холмов, то перекидывалась через речки широкой аркой моста, но в конце концов, всякие следы каменной кладки исчезли в разливе трав и мхов. Вереск, хвощи, папоротник теснили ее со всех сторон и перехлестывали через края. Дорога сужалась, пока не превратилась в тропинку, но по-прежнему шла все так же прямо.

Путники вступили в северную часть страны, которую люди называли Итилиеном, – в прекрасную страну горных лесов и быстрых светлых речек. Ночь была ясная и звездная, и хоббитам определенно казалось, что воздух становится все ароматнее. По фырканию и бормотанию Горлума видно было, что хотя он тоже замечает это, но вовсе не одобряет. Как только засерел рассвет, пришлось остановиться в конце длинной глубокой выемки в каменистом холме. Поднявшись на вершину, они огляделись.

Быстро светлело. Горы здесь отступали далеко на восток, теряясь в легкой дымке. На западе холмы спускались отлогими скатами все ниже, к долине Андуина. Кругом были раскиданы рощицы хвойных деревьев, а между ними простирался сплошной ковер душистых трав и мелкого кустарника. Долгое путешествие увело хоббитов далеко от родного дома, но только здесь, в этой долине, они ощутили, как давно находятся в пути. Здесь весна уже началась: сквозь мох и прошлогодние листья пробивались молодые побеги папоротника, ветви одевались новой листвой, в кронах деревьев пели птицы. Итилиен – сад Гондора, хотя и заброшенный ныне, еще сохранил небрежную прелесть беспечной дриады.

Долина открывалась на юго-запад, к темным низовьям Андуина, с востока ее защищали Черные горы, с севера – Изгарные, так что сюда свободно попадали только теплые и влажные морские ветры. Здесь рос уже настоящий лес.

Путники сошли с дороги и стали спускаться вниз по склону. От потревоженной травы поднимались волны чудесного аромата. Горлум кашлял и отплевывался, а хоббиты дышали полной грудью, и вот уже Сэм засмеялся – просто от радости.

По течению быстрого светлого ручейка они вышли к небольшому прозрачному озеру. Когда-то берега его были облицованы камнем, но кладка почти рассыпалась и давно пропала под покровом мха и выющихся диких роз. Вокруг озера, словно охраняя его, стояли высокие ирисы, на темной поверхности лежали круглые листья кувшинок; оно было глубокое и свежее и с неумолимым журчанием переливалось через нижний край.

Хоббиты вдоволь напились из ручейка и всласть выкупались в озере. Потом они стали искать место, чтобы отдохнуть и спрятаться: как бы ни была прекрасна эта страна, над ней простиралась рука Врага. Чуть в стороне от дороги уже виднелись шрамы старых битв и свежие раны, нанесенные орками или другими гнусными слугами Врага: кучи грязи и отбросов, бесцельно срубленные, умирающие деревья со злыми рунами, грубо вырезанными на коре.

Сэм, начисто забыв о Мордоре, спустился по ручейку, ощупывая и обнюхивая незнакомые травы и деревья, и вдруг наткнулся на выжженный в траве круг – след костра – посреди которого возвышалась груда разбитых костей и черепов. Вереск, шиповник и ломонос, разрастаясь, уже накинута зеленый покров на следы ужасного пиршества, но видно было, что с тех пор прошло совсем немного времени. Сэм поспешно свернул к месту стоянки, но ничего не стал говорить: пусть лучше кости покоятся в мире, не потревоженные и неоскверненные Горлумом.

– Надо искать лежку, – только и сказал он. – По-моему, лучше будет подняться повыше.

Над озером они нашли толстый бурый слой прошлогоднего папоротника. За ним круто поднимался склон, густо заросший темнолистыми лаврами и увенчанный группой старых кедров. Здесь они решили укрыться и провести день, обещавший быть ясным и теплым. В такой день приятно было бы идти по холмам и рощам Итилиена, но если орки и не любят солнечного света, то здесь хватало тени для засады. Да и не только орки служили Сауну. Горлум решительно не хотел идти под Желтым ликом. Он не выносил дневной свет и тепло.

Сэма не оставляла мысль о еде. Теперь, когда страх перед неприступными Воротами Мордора остался позади, он всерьез задумался, чем же они будут питаться, когда выполнят свою миссию. Ему хотелось приберечь эльфийские лепешки на черный день.

Теперь, после длительного перехода, после питья и купанья, голод давал себя знать сильнее обычного. Сэм повернулся к Горлуму, который собирался уже по обыкновению юркнуть на четвереньках в папоротник и исчезнуть по своим делам.

– Эй, Горлум! Ты куда? На охоту? Слушай, тебе наша пища не нравится, да я и сам не прочь бы отведать чего другого. Ты всегда рвешься помогать, так может найдешь что-нибудь для нас?

– Да, может быть, – неохотно ответил Горлум. – Смеагорл всегда помогает, если его просят, если просят ласково.

– Правильно, – сказал Сэм. – Я и прошу тебя. А если тебе кажется, что не очень ласково, то извини уж, я по другому не умею.

Горлум исчез. Фродо пожевал лепешку, зарылся в папоротники и заснул. Утренний свет только начал пробираться под сень деревьев, но Сэм ясно различал лицо и руки друга. Ему вспомнилось, как спал Фродо в Раздоле, когда его принесли туда чуть живого. Тогда, сидя над ним, Сэм замечал, что он временами начинает светиться изнутри. Сейчас это свечение стало явственнее. Лицо у Фродо было спокойное и казалось лишенным возраста, почти как лицо Элронда.

Сэм долго смотрел на него, потом покачал головой и прошептал: – Я люблю его. Светится он или нет, мне все равно, я его люблю.

Вернулся Горлум. Тихонько подкравшись, он заглянул Сэму через плечо, но тут же зажмурился и отполз прочь. Через минуту он уже что-то жевал, бормоча по обыкновению под нос, а рядом с ним, на земле лежала пара убитых кроликов.

– Смеагорл всегда поможет, – сказал он. – Смеагорл принес кроликов, славных кроликов. Но хозяин спит. Сэм тоже может спать? Так нужны ли ему кролики? Смеагорл помогает, но кроликов так вдруг не поймашь...

Сэм ничего не имел против кроликов, особенно против вареных. Стряпать-то умеют все хоббиты, но Сэм слыл в этом деле мастером даже по хоббитанскому счету. В этом путешествии у него было немало случаев продемонстрировать свое искусство. Посуда у него была, был даже маленький запас соли, но сейчас нужен был огонь. Он подумал немного, достал нож, поточил его и начал разделять кроликов. Ему не хотелось даже на минуту оставлять спящего Фродо одного.

– Горлум, – позвал он, – принеси-ка мне воды вот в этих кастрюлях.

– Смеагорл принесет. Но зачем вода? – удивился Горлум. – Все уже умылись и попили.

– Чем скорее принесешь, тем скорее узнаешь. Смотри, береги кастрюли, а то я тебя самого разделаю как кролика.

Когда Горлум исчез, Сэм снова взглянул на Фродо и пробормотал:

– Не годится хоббиту так худеть. Сварю кроликов, тогда разбужу.

Он набрал сухого валежника, вырезал несколько пластин дерна около ручья, сделал неглубокую ямку и развел в ней костер. Дыма почти не было, – только приятный смолистый запах. Когда вернулся Горлум, Сэм хлопотал над костром. Горлум, увидев костер, поставил кастрюли и зашипел сердито и испуганно.

– Аххх! Сссс! Нет! Глупые хоббиты! Не надо этого, не надо!

– Чего не надо? – удивился Сэм.

– Этих красных языков! – прошипел Горлум. – Огонь, огонь, он опасный, да! Жжется, убивает! Он приведет врагов, да, да!

– А, брось, – пренебрежительно отмахнулся Сэм. – Он не будет дымить. Надо же мне как-то сварить этих кроликов.

– Сварить? – в отчаянии повторил Горлум. – Испортить такое хорошее мясо! Зачем? Они молодые, они мягкие. Съесть их, съесть! – он протянул жадные пальцы к кролику, уже ободранному и лежащему у огня.

– Ну, ну! – прикрикнул на него Сэм. – У каждого свой вкус. Тебе не нравятся наши лепешки, а мне – сырое мясо. Если уж ты подарил мне кроликов, я могу делать с ними все, что хочу, даже сварить их. Поймай себе другого и ешь по-своему, только так, чтобы я не видел. А если тебя беспокоит костер, то я за ним слежу, дыма не будет.

Горлум отполз, ворча, и скрылся в папоротнике. Сэм снова окликнул его и попросил принести душистых трав и кореньев, но Горлум отказался наотрез, и ему пришлось искать приправу самому. Он нашел тимьян, дикий укроп, сорвал несколько лавровых листьев; он многое бы отдал за дюжину картофелин или пучок репы, но для них было еще рано.

Солнце поднималось все выше. Воздух теплел, и роса на траве высохла. Наконец, кролик, по мнению Сэма, был готов. Он снял кастрюли с огня и тихонько разбудил Фродо. Ему, видно, опять приснилось что-то приятное, и опять он не помнил, что именно.

– А, Сэм... Ты не спишь? Который час?

– Солнце уже два часа как взошло. По-нашему где-нибудь пол-девятого. Все в порядке. Только у меня нет ни луку, ни репы, ни картофеля. Я тут состряпал кое-что, это вам полезно. Можно будет хлебать прямо из кастрюли, когда остынет немного. Мисок-то нет.

Фродо зевнул и потянулся. – Тебе нужно было отдохнуть, Сэм, – сказал он. – А разводить костер здесь опасно. Но я действительно проголодался. Гмм! Чем это пахнет? Что ты приготовил?

– Подарочек от Смеагорла, – ответил Сэм. – Пара молодых кроликов, хотя, кажется, Горлум уже жалеет о них. Но приправить было нечем, так только, травки какие-то...

Ели прямо из кастрюли, пользуясь по очереди одной стертой ложкой и одной вилкой на двоих. К кролику Сэм подал по половине эльфийской лепешки. Это был настоящий пир.

– Эй, Горлум! – негромко позвал Сэм. – Иди-ка сюда! Отведай вареного кролика, тут и для тебя осталось. – Но никто ему не ответил. – Должно быть опять отправился ловить что-нибудь, – решил Сэм. – Ну что ж, остаток потом съедим.

– Ладно, отдохнул бы теперь.

– Хорошо. Только не засыпайте, пока я подремлю. Я не очень-то ему доверяю. В нем еще очень много от Вонючки, то есть от Горлума, я хотел сказать, и по-моему Вонючка становится все сильнее. Он бы уж давно задушил меня, да что-то мешает. Я вижу, Сэм ему не по нраву.

Сэм встал и спустился к воде помыть посуду. Обернувшись, он увидел, что солнце уже поднялось над мраком и дымом, вечно лежащим на востоке, и пронизывает древесные кущи золотистыми лучами. В этом свете ясно различалась тонкая синевато-серая струйка, вьющаяся над папоротником. Сэм не сразу понял, что это – дымок костра, который он забыл погасить.

Он только ахнул и поспешил назад, но вдруг остановился. Ему послышался не то свист, не то голос какой-то птицы. Если это был свист, то свистел не Фродо, а птиц что-то до сих пор не было слышно. Свист раздался снова, но теперь уже с другой стороны! Сэм со всех ног кинулся вверх по склону.

От случайно сдвинувшейся головешки затлели сухие листья у костра. Торопливо затоптав огонь, Сэм расшвырял золу и закрыл ямку дерном, потом подполз к Фродо.

– Вы слышали, кто-то пересвистывался? – прошептал он. – Вот, только что. Я сначала подумал: не птица ли? Но скорее – кто-то подражает птице. Боюсь, что костер у меня дымился все-таки. Никогда не прощу себе...

– Тссс! – прошептал Фродо. – Кажется, я слышу голоса.

Они быстро увязали сумки, вскинули на спину, и забравшись поглубже в чащу кустарника, притаились там, вслушиваясь.

Сомнения не было. Тихие осторожные голоса приближались. И вдруг один из них раздался совсем близко.

– Вот откуда шел дым! – сказал он. – Оно где-то здесь, поблизости. Наверное, в кустах. Теперь мы поймаем его как кролика, и тогда узнаем, что оно такое.

– И что ему известно, – добавил другой голос.

На поляну вышли одновременно с четырех сторон четыре человека. Ни бежать, ни прятаться больше было нельзя. Фродо с Сэмом выскочили на свободное место и встали спина к спине, обнажив мечи.

Если ими овладело удивление, то люди на поляне удивились еще больше. Их было четверо: высокие, статные; двое вооружены копьями с широкими лезвиями, двое – большими, почти в рост, луками. За спиной висели колчаны, полные оперенных зеленых стрел. У каждого на поясе висел меч. Здесь, в рощах Итилиена, зеленая с коричневым одежда делала воинов почти невидимыми. Руки в зеленых перчатках, на лицах – зеленые маски и капюшоны, в прорезях которых блестели зоркие, внимательные глаза.

Фродо невольно вспомнился Боромир: эти люди были похожи на него и ростом, и осанкой, и манерой говорить.

– Нашли-то нашли, да не то, что искали, – растерянно протянул один из них. – Но что же мы все-таки нашли?

– Это не орки, – сказал другой, отпуская рукоять меча за который он было схватился, увидев оружие в руках хоббитов.

– Эльфы? – неуверенно предположил третий.

– Нет, не эльфы, – ответил четвертый. Он был выше всех ростом и, видно, был у них предводителем. – Эльфы больше не бывают в Итилиене, а потом, говорят, они очень хороши собою.

– А мы, значит, нет? – обиделся Сэм. – Вот спасибо. Когда вы кончите обмениваться впечатлениями, то может скажите, кто вы такие и почему мешаете отдыхать усталым путникам?

Высокий зеленый человек угрюмо усмехнулся. Я – Фарамир, начальник воинов Гондора, – сказал он. – В этой стране не бывает путников, здесь могут быть только слуги крепости: Черной или Белой.

– Мы не от той, не от другой, – подал голос Фродо. – Мы просто путники, что бы вы не говорили.

– Тогда вам придется рассказать, и побыстрее, кто вы и куда идете? – приказал Фарамир, – мы заняты, и сейчас не время для болтовни и загадок. Да! – спохватился он, – а где же третий?

– Третий?

– Да, третий. Мы видели его у озера, вон там. Вид у него подозрительный. Это, должно быть, какая-то порода орков-лазутчиков, или их прислужник. Он ускользнул от нас.

– Я не знаю, где он, – произнес Фродо. – Это наш спутник, встреченный нами случайно, и я за него не отвечаю. Если вы его разыщите, то не убивайте, а приведите или пришлите к нам. Это жалкое бродячее существо, и я временно забочусь о нем. А что до нас, то мы – хоббиты из Хоббитании. Это – страна, там, далеко на северо-западе, за многими реками. Я – Фродо, сын Дрого, а со мною Сэм Скромби, мой достойный друг. Мы пришли издалека, из Раздоло, или Имладриса, как называют его некоторые, – при этих словах Фарамир вздрогнул и стал слушать внимательнее. Это не укрылось от Фродо. – У нас было семеро спутников, – продолжал он. – Одного мы потеряли в Мории, а с остальными расстались в Порт Галене, повыше Рэроса: двое были мои земляки, один гном, один эльф и двое людей, – Фродо помолчал, словно раздумывая, говорить дальше, или нет, – один из них звался Арагорном, другой – Боромиром. Он говорил, что пришел из Минас Тирита, города на юге...

– Боромир! – воскликнули все четверо.

– Боромир, сын правителя Гондора? – произнес Фарамир и глаза его сверкнули. – Вы были с ним? Вот это новость, так новость, если это правда. Знайте, чужеземцы, что Боромир, сын Денетора, был Стражем Белой Башни и нашим главным начальником. Нам очень не хватает его! Но кто же вы и что у вас общего с ним? Говорите скорее, солнце уже высоко!

– Вы помните предсказание, из-за которого Боромир отправился в Раздол? – спросил Фродо. – То, где говорилось о сломанном мече и об Имладрисе?

– Конечно, помню, – ответил изумленный Фарамир. – Если вы знаете об этом, значит, говорите правду.

– Так вот, сломанный меч принадлежит Арагорну, нашему спутнику, – сказал Фродо. – А мы – невысоклики, о которых сказал тогда голос.

– Да, похоже, что так, – задумчиво сказал Фарамир. – А что это за «проклятье»?

– Об этом я не скажу пока, – ответил Фродо, – Но думаю, в свое время и это откроется.

– Это же очень важно, – настаивал Фарамир. – И то, что привело вас так далеко на восток, в тень этого... – он указал в сторону горного хребта, не называя его. – Ладно, не сейчас. У нас есть важное дело. Вы в опасности, и сегодня все равно не ушли бы далеко, по дороге или без нее. Впереди вас ждала бы битва, а там – либо смерть, либо бегство к Андуйну. С вами останутся двое моих людей для охраны, ради вашего же спокойствия, и моего тоже. Разумный не станет доверять случайным встречам на дорогах в этой стране. Если я вернусь, мы еще поговорим.

– Прощайте, – произнес Фродо, низко кланяясь. – Думайте как хотите, но я – друг всех врагов одного Врага. Мы пошли бы с вами, но не хоббитам равняться с такими могучими воинами, как вы. Да сияет солнце на ваших мечах.

– Хоббиты – учтивый народ, кем бы они ни были, – заметил Фарамир.

– Прощайте!

Друзья сели, ничего не говоря друг другу о своих тревогах и опасениях. Двое стражей остались поблизости, в тени лавровых деревьев. Было жарко и воины время от времени снимали маски, тогда Фродо видел красивые, гордые и печальные лица. Они тихо беседовали между собой, сначала на всеобщем языке, потом на языке своего племени, и Фродо заметил, что их язык очень похож на эльфийский; он в изумлении смотрел на них, догадываясь, что видит потомков легендарного Нуменора.

Он заговорил с ними, они осторожно отвечали. Их звали Маблунг и Дамрод, и они были воинами Гондора. Их предки жили в этой стране еще до того, как она была завоевана Врагом, и из таких правитель Денетор выбирал людей, которые тайно переправлялись через Андуин и сражались с орками между рекой и Черными горами. Так далеко на востоке, как сегодня, они редко заходили, но в этот день был получен приказ выследить и уничтожить отряд, идущий с юга.

Они рассказали, что когда-то между Гондором и Харадом, страной на юге, был договор о дружбе, но настоящей дружбы не было, а недавно стало известно, что в Хараде побывали посланцы Врага, и хородримцы перешли на сторону Мордора, а может просто вернулись к нему. Воины считали, что Минас Тирит обречен, но были полны решимости бороться до последнего.

— Люди с юга идут в Черную Крепость целыми толпами, — сказал Маблунг. — Идут по дорогам, проложенным руками Гондора! Ну, мы их проучим. Большой их отряд должен пройти сегодня здесь около полудня. Так они не пройдут! Не даром вождем у нас Фарамир! Он бросается в самую гущу боя, как будто защищен чарами, а может судьба хранит его для какого-то другого конца...

Они замолчали и стали прислушиваться. Сэм, не выдержав, осторожно выглянул из папоротника и увидел, что повсюду среди деревьев пробираются люди — в одиночку или группами, крадучись или ползком, едва видимые среди стволов и зелени в своих зеленых и коричневых одеждах. На них были такие же перчатки и маски, и вооружение как у Фарамира и его спутников. Они быстро миновали поляну и исчезли. Солнце стояло высоко, и тени укоротились.

«Интересно, где эта тварь Горлум? — подумал Сэм, заползая глубже в тень деревьев. — Либо его поймут, приняв за орка, либо он изжарится на солнце. Ну да пусть сам о себе заботится», — он лег рядом с Фродо и задремал.

Разбудили его звуки рога и громкие крики поблизости. Лязгала сталь, слышался глухой стук клинков о щиты: крики и вопли раздавались совсем близко, и один голос, громче и отчетливее всех восклицал:

— Гондор!

— Во, дела! — сказал Сэм, — как будто сто кузнецов гремят по наковальням. И они к нам слишком близко по-моему.

Шум боя приближался.

— Смотрите! — вскричал Дамрод. — Смотрите, южане бегут сюда. Вон они! А наши — за ними, и Фарамир впереди!

Любознательство одолело Сэма, он присоединился к воинам и даже залез на невысокое дерево. Ему удалось увидеть, как бегут вниз по склону рослые люди в красном, а за ними гонятся зеленые воины. Сверкали мечи, свистели стрелы. Вдруг, чуть не прямо на них, ломая молодую поросль, рухнул человек в красном. Он остался лежать в папоротнике ничком, из шеи у него, пониже золотого ожерелья, торчала стрела с зеленым оперением. Алая одежда была изодрана в клочья, панцирь из бронзовых пластинок изрублен, темные, переплетенные золотыми шнурами волосы напитались кровью, а в смуглой руке был зажат меч с обломанным клинком.

Впервые Сэм видел схватку людей с людьми, и это зрелище ему не понравилось. Он рад был, что не видит лица убитого. Ему захотелось узнать, как зовут этого человека, откуда он родом, был ли он на самом деле злым и жестоким, и какими угрозами или какой ложью его завлекли умирать так далеко от дома, и не лучше ли было, если бы он пришел сюда с миром — все эти мысли взвихрились у него в мозгу и исчезли. Битва отдалялась, и ее шум уже затихал.

Сэм перевел дух. — Вот как бывает, — сказал он, спустившись с дерева. — Ну а теперь, когда все кончилось, я бы хотел соснуть.

– Спите, пока можете, – ответил Маблунг. – Но если наш вождь не ранен, то вернется, и тогда мы быстро снимемся с места. Как только Враг узнает об этой битве, за нами пошлют погоню, а это будет скоро.

– Тогда уходите потише, – сказал Сэм. – Не мешайте спать. Мы всю ночь шли без отдыха.

Маблунг рассмеялся. – Вряд ли наш начальник позволит вам остаться здесь, – заметил он. – Ну, там посмотрим.

10. ОКНО ЗАКАТА

Сэму казалось, что он дремал всего несколько минут, но было уже далеко за полдень. Фарамир вернулся. С ним было человек двести воинов. Они расположились широким полукругом, Фарамир сидел посередине, а Фродо стоял перед ним. Это было до странности похоже на допрос пленного.

Сэм, никем не замеченный, потихоньку выполз из зарослей и уселся в конце одного из рядов, отсюда все было видно и слышно. Он готов был броситься к Фродо на помощь в любой момент. Фарамир сидел без маски, и Сэм видел его лицо – суровое и властное, с пытливым взглядом пристальных серых глаз. В этих глазах, не отрывавшихся от Фродо, явственно читалось сомнение.

Сэм очень быстро понял, что гондорец не удовлетворен ответами Фродо на многие вопросы об отряде, вышедшем из Раздола, почему и где он покинул Боромира, куда идет теперь, а главное – какая связь между ним и «проклятьем», упомянутым в предсказании. Фарамир видел, что Фродо скрывает что-то важное.

– Но ведь именно невысоклики должны знать о «проклятии», – настаивал он, – если вы и есть те самые невысоклики, то чем бы оно ни было, вы должны были принести его на Совет, о котором рассказывали мне, и Боромир видел его. Вы не будете этого отрицать?

Фродо молчал.

– Так! – произнес Фарамир. – Я хотел бы узнать о нем больше. То, что касается Боромира касается и меня. В хрониках сказано, что Исилдур погиб от стрелы орка. Но стрела – дело обычное, вряд ли ее можно назвать проклятьем... Эта вещь, может, быть она у вас? Она скрыта, сказали вы, так не потому ли, что вы предпочли скрыть ее?

– Нет, не потому, – ответил Фродо. – Это не принадлежит мне. Это не может принадлежать никому из смертных. Но уж если кто и имеет на нее права, так это Арагорн, сын Арахорна, о котором я говорил вам: он вел наш отряд от Мории до Рэроса.

– Почему он, а не Боромир, сын правителя города, построенного сынами Исилдура?

– Потому что Арагорн – прямой потомок Исилдура, и меч, который он носит, принадлежал его великому предку.

По рядам воинов пронесся шепот: – Меч Исилдура! Меч Исилдура придет в Минас Тирит! – но лицо Фарамира оставалось бесстрастным. – Возможно, – произнес он. – Но если этот Арагорн когда-нибудь придет в Минас Тирит, ему придется доказать свои права. Когда я выходил из Гондора неделю назад, там не было ни его, ни кого-нибудь из его отряда.

– Боромир признал его права, – сдержанно сказал Фродо. – Конечно, будь Боромир здесь, он ответил бы на все ваши вопросы. Но мы расстались уже давно. От Порт Галена он намеревался двинуться прямо в Минас Тирит. Думаю, что вернувшись туда, вы узнаете ответы на свои вопросы. Моя роль в отряде известна Боромиру, как и другим участникам похода, она возложена на меня Элрондом в Имладрисе в присутствии всего Совета. Я пришел в эту страну не по своей прихоти, но о моей задаче не буду говорить ни с кем, кроме назначенных Советом. Все, кто считает себя врагами Врага, хорошо сделают, если не будут мешать мне.

Неизвестно, что Фродо при этом чувствовал, но говорил он гордо, и Сэму это понравилось. Однако Фарамира его ответ не удовлетворил.

– Вот как! – улыбнулся он. – Вы предлагаете мне заняться своими делами и вернуться домой, а вас оставить в покое? Боромир, значит, расскажет все, когда придет, говорите вы. Когда придет... Скажите, вы были другом Боромиру?

У Фродо перед глазами встало искаженное яростью лицо Боромира на полянке, на склоне Овида. Он помедлил с ответом. Пристальный взгляд Фарамира, следившего за ним, сделался жестким и неприязненным.

– Боромир был отважным спутником, – сказал, наконец, Фродо. – Да, если говорить обо мне, я был его другом.

Фарамир мрачно усмехнулся. – Значит, вы огорчитесь, если узнаете, что Боромир убит?

– Конечно, – ответил Фродо и вздрогнул, увидев, как сверкнули глаза гондорца. – Убит? – повторил он. – Вы хотите сказать, что он действительно мертв и что вы знали об этом с самого начала? Вы хотели поймать меня на слове, играли со мной! Или это сейчас вы пытаетесь расставить мне ловушку?

– Обманом я не стану завлекать даже орка, – сдержанно ответил Фарамир. – Но как же тогда вы узнали о смерти Боромира? Вы сказали, что никто из вашего отряда не появлялся в Гондоре до вашего ухода...

– О том, к_а_к он умер, я надеялся узнать от его друга и спутника, – значительно сказал Фарамир.

– Но он был жив и здоров, когда мы расстались! – в отчаянии воскликнул Фродо. – И он должен быть в живых... хотя этот мир полон опасностей...

– Конечно, – сурово произнес Фарамир, – и предательство – не последняя из них.

Сэм слушал этот разговор с возрастающим негодованием. Последних слов он уже не мог снести и, вскочив, в два прыжка очутился рядом со своим другом.

– Вы уж меня простите, – сказал он Фродо, – да уж больно далеко это заходит. Не имеет он прав так с вами разговаривать после всего, что вы испытали.

– Послушайте, вы, начальник! – воскликнул он, остановившись прямо перед Фарамиром, уперев руки в бока и сердито глядя ему в лицо. Воины вокруг зашептались, у некоторых появились улыбки. – Послушайте, к чему вы гнете? Давайте договоримся, пока на нас не накинута вся орки Мордора. Если вы думаете, что мой друг убил вашего Боромира и убежал, то так и скажите, хоть это и полная чушь! Что вы намерены делать с нами? Плохо, когда люди много говорят о борьбе с Врагом, а сами мешают другим это делать. Он бы очень порадовался, посмотрев на то, что здесь происходит. Подумал бы, что приобрел нового друга, уж это точно!

– Хватит! – остановил его Фарамир строго, но без гнева. – Ваш друг, думаю, не глупее вас, так что предоставьте ему говорить за себя. И не надо говорить об опасности. Даже сейчас я медлю, чтобы не поступить опрометчиво. Будь я так же поспешен, как и вы, вас бы давно уже в живых не было, потому что мне приказано убивать всякого в этой стране без пропуска, выданного правителем Денетором. Но я не убиваю без нужды ни человека, ни зверя, и даже когда приходится, делаю это без удовольствия. А за свои слова я отвечаю, так что успокойтесь, посидите рядом и помолчите.

Сэм покраснел до ушей и повиновался. Фарамир снова обратился к Фродо. – Вы спросили, как я узнал о том, что сын Денетора умер? Весть о смерти крылата, а родич о родиче узнает сразу. Боромир был моим братом, – скорбная тень прошла по его лицу. – Помните ли вы какую-нибудь особую примету у Боромира? Что-нибудь из его оружия или снаряжения?

Фродо задумался на минуту, опасаясь ловушки и стараясь догадаться, к чему может привести этот разговор. Он едва успел спасти Кольцо от алчных рук Боромира и не знал, сможет ли уберечь его сейчас, окруженный таким множеством могучих, воинственных людей. Но ему все время казалось, что Фарамир, хотя и очень похожий на своего брата, менее себялюбив, более рассудителен и строг.

– Я помню, у Боромира был рог, – сказал он, наконец, – большой рог, оправленный в серебро, с непонятными надписями.

– Правильно, – подтвердил Фарамир. – Значит, вы действительно видели его. Это рог дикого тура с востока, надписи на нем сделаны в глубокой древности. Много поколений он передавался в нашем роду от отца к старшему сыну. Говорят, что если в час нужды затрубить в него в любом месте в древних пределах Гондора, то его звук будет услышан.

За пять дней до того, как мне выйти из Города, значит одиннадцать дней назад, я слышал звук этого рога: он очень слабо донесся с севера. Мы сочли это дурным знаком, ибо никто ничего не знал о Боромире с тех пор, как он уехал. Известно, что границ княжества он не пересекал. На третью ночь после того, как я держал стражу на Реке близ Осгилиата – враги часто появляются там – и около полуночи увидел плывущую по Реке маленькую серую лодку странного вида с высоким носом. В ней никого не было.

Мне стало страшно, потому что вокруг лодки стояло слабое сияние. Но я вошел далеко в воду, лодка меж тем повернулась и медленно прошла мимо меня. Я мог бы прикоснуться к ней. Мне показалось, что она до краев наполнена светящейся водой, а на дне лежал Боромир, мой брат – мертвый! Его меч был сломан и положен как полагается поперек колен. Я узнал все его оружие, не было только рога. И еще на нем был незнакомый мне пояс, красивый пояс из кованых золотых листьев. Я окликнул брата по имени, но он был мертв... Лодка снова повернулась и скоро исчезла из виду. Это было как сон, но я не проснулся, потому что не спал. Вот так я узнал, что Боромир умер и уплыл по Великой Реке в Великое Море.

– Увы! – произнес Фродо. – Да, это был Боромир, такой, каким я знал его при жизни. Золотой пояс он получил в Лориэне из рук Владычицы, прекрасной Галадриэли. От нее же мы получили вот эти эльфийские плащи и вот эту пряжку, – он прикоснулся к зеленому с серебром листу, скреплявшему его плащ у горла. Фарамир присмотрелся к пряжке.

– Да, это та же работа, – сказал он. – Так значит, вы побывали в Лориэне? – голос у него заметно смягчился. – Пожалуй, я начинаю кое-что понимать. Не расскажете ли вы о себе побольше? И о других. Мне горько думать, что Боромир погиб так далеко от дома.

– Мне почти нечего прибавить, – ответил Фродо, – ваш рассказ внушает мне серьезные опасения. Мне кажется, ваше видение показало то, что случилось, или может случиться, если только это не происки Врага. На Гиблых Болотах я тоже видел лица над водой. Это были лица давно погибших древних воинов...

– Нет, – вздохнул Фарамир, – дела Врага наполняют душу ненавистью, а у меня на душе была только скорбь.

– Но разве лодка могла бы пройти по водопадам?

– Так лодка знакома вам? Откуда она?

– Из Лориэна, – ответил Фродо. – На трех таких лодках мы шли по Реке. Это эльфийские лодки.

Фарамир покачал головой. – Вы были в Скрытой Стране, – тихо сказал он, – но, кажется, плохо знаете ее силы. Те, кто встречался с Великой Волшебницей, живущей в Золотых лесах, должны быть готовы к странному и удивительному. Ни один из смертных не вышел оттуда таким же, каким вошел.

Он стиснул руки и воскликнул: – О, Боромир, что она сказала тебе? Что прочла в твоём взгляде? Что пробудилось у тебя в сердце? Почему ты пошел в Лориэн, а не вернулся домой?

Взяв себя в руки, он снова обратился к Фродо. – Мне кажется, вы многое могли бы рассказать, Фродо, сын Дрого. Но, может быть, не здесь и не сейчас. А если вы думаете, что лодка только привиделась мне, то вот что я скажу еще. Рог Боромира явился наяву. Он вернулся разрубленным надвое ударом топора или меча. Одну его половину нашли в камышах близ устья реки энтов, другую выловил в Андуне человек, переправлявшийся по своим делам. Это странно, но говорят, убийство всегда о себе скажет.

Сейчас этот рог лежит на коленях Денетора. Правитель ждет вестей. А вы ничего не хотите сказать о том, как он был разрублен.

– Я ничего не знаю об этом, – терпеливо отвечал Фродо. – Но если мои расчеты верны, то вы слышали его в тот самый день, когда мы покинули отряд. Ваши слова внушают мне тревогу. Если Боромир был убит в тот день, то боюсь, что с ним погибли и все мои спутники. А это были мои родичи и друзья. Отпустите меня, Фарамир. Ваши сомнения рассеются. Я устал, меня томит скорбь и страх. Но у меня есть задача, я должен ее выполнить, или попытаться выполнить. Если из всего отряда уцелели только мы двое, мне тем более нужно спешить. Возвращайтесь в Минас Тирит, доблестный Фарамир и защищайте его, пока можете, а мне предоставьте идти туда, куда велит мой долг.

– Нельзя сказать, что я доволен нашей беседой, – произнес Фарамир, – но кажется, вы боитесь больше, чем нужно. Кто, кроме эльфов мог обрядить Боромира для погребения? Не орки и никто из рабов Врага, значит, кто-то из вашего отряда остался в живых. Но, как бы то ни было, в вас, Фродо, я не сомневаюсь больше. Тяжелое время научило меня разбираться в людях, думаю, что разберусь и в невысоких. Хотя, – он улыбнулся, – хотя в вас, Фродо, есть что-то странное, что-то от эльфов. В ваших словах я услышал намного больше, чем рассчитывал. По долгу мне нужно доставить вас в Минас Тирит, чтобы сам Денетор мог расспросить вас. Но от моего решения, как я вижу, зависит слишком многое и для

моего города тоже. Поэтому я не буду торопиться с решением. Но нам нужно уходить отсюда и немедленно.

Он встал и отдал приказания. Тотчас же воины, окружавшие его, разбились на небольшие группы и разошлись в разные стороны, исчезая среди скал и деревьев. Остались только Маблунг и Дамрод.

– Вам придется пойти с нами, – обратился Фарамир к хоббитам. – Дорога на юг для вас теперь закрыта. Она слишком опасна после сегодняшней битвы. Всем нужен отдых, нам тоже. Лигах в десяти отсюда у нас есть тайное укрытие. Орки и лазутчики Врага еще не обнаружили его, а если и обнаружат, мы сможем долго держаться там, даже против многих. В нем мы и отдохнем с вами вместе. А решение отложим до завтра.

Фродо вынужден был подчиниться. Дорога действительно была опасна, и он был даже рад, что они пойдут с воинами Фарамира.

Они двинулись в путь немедленно: оба зеленых воина немного впереди, а за ними – Фарамир, Фродо и Сэм. Обогнув озеро, в котором хоббиты еще недавно купались, они перешли ручей, поднялись по склону и вступили в чащу деревьев. И люди и хоббиты шли быстро и бесшумно, тихо разговаривая на ходу.

– Я прервал наш разговор, – обратился Фарамир к Фродо, – не только потому, что надо было спешить, как любезно напомнил мне Сэм, но и потому, что кое о чем лучше не говорить при всех. Поэтому я и говорил больше о гибели брата, а не о «проклятье». Вы были со мной не совсем откровенны, а, Фродо?

– Я не лгал вам и сказал все, что мог, – устало ответил Фродо.

– Я и не упрекаю вас. В трудный момент вы говорили искусно и разумно. Но я узнал и понял из ваших слов гораздо больше, чем вы сказали. Вы не очень-то были дружны с Боромиром, или расстались не в дружбе с ним. Мне кажется, он чем-то обидел вас... Я любил брата и с радостью отомстил бы за его смерть, но я хорошо знал его. «Проклятье» – это оно стало между вами и было причиной раздоров в отряде. Видно, это великая драгоценность, а такие вещи не способствуют миру между союзниками, если верить старым преданиям. Метко ли я попал?

– Почти, – нехотя ответил Фродо, – но не совсем. В нашем отряде не было раздоров, хотя мы и не могли сразу решить, какой путь избрать после Порт Галена, – он помолчал, потом добавил: – К тому же старые предания предупреждают, что опрометчивые речи о драгоценностях тоже опасны.

– Ну что ж, я так и думал. Вы не поладили только с Боромиром. Увы! Злой рок заставляет вас молчать. Вы последний, кто видел его, и вот я не могу узнать, что было у него на сердце в последний час. Ошибался он или нет, я не знаю, но умер он доблестно, в этом нет сомнения. Мертвый он был еще прекраснее, чем живой.

Простите меня, Фродо, я не должен был так настойчиво расспрашивать о проклятье Исилдура. В такое время и в таком месте это было неразумно, но у меня не было времени. Мы выдержали жаркую битву и пришлось думать о многом сразу. Уже тогда я знал, что приближаюсь к цели, и намеренно уклонился в сторону. У правителя Гондора хранится много древних вещей, о которых никто не знает. Мы ведем свой род от первого Правителя, который был наместником короля Мелендила. У него не было детей и он погиб на войне. С тех пор Правители сменяют друг друга в Городе, поколение за поколением. Боромир считал даже, что наш отец мог бы стать королем, и был очень недоволен, что Денетор не желает этого. Бедный Боромир! Говорит это вам что-нибудь о нем?

– Говорит, – ответил Фродо. – Но к Арагорну он всегда относился с уважением.

– Не сомневаюсь, – сказал Фарамир. – Но они еще не сталкивались. Они еще не достигли Минас Тирита и не были соперниками в бою. Но я отвлекся. Мы, сыновья Денетора, знаем много древних преданий, и в наших сокровищницах хранится много древних записей: и на пергаменте, и на камнях, и на листах золота и серебра. Некоторые уже никто не может прочесть, остальные прочтет не всякий. Я читаю немного, потому что меня учили. Я был еще ребенком, когда впервые увидел его, и с тех пор он бывал у нас еще два или три раза. Я любил его.

– Серый Странник? – переспросил Фродо. – У него было другое имя?

– Мы звали его Митрандиром, как эльфы, – ответил Фарамир. – «У меня много имен в разных

странах, – говорил он, – я Митрандир для эльфов, Таркун для гномов, Олорин на западе, в дни забытой юности, Инкан на юге, на севере – Гэндальф, ну а не востоке я не бываю.»

– Гэндальф! – ахнул Фродо. – Я так и думал. Гэндальф Серый, лучший и мудрейший из всех, кого я знаю. Это он вел отряд. И погиб в Мории, – добавил он, поникнув.

– Митрандир погиб! – поразился Фарамир. – Видно, злая судьба преследовала ваш отряд. Но право, трудно поверить, чтобы мог погибнуть мудрец, обладавший такой силой! Много чудесного совершил он среди нас, и чтобы столько мудрости было отнято у мира! Вы уверены в этом или он просто покинул вас и пошел своими путями?

– Увы! – ответил Фродо. – Я видел, как он упал в огонь.

– За вашими словами – какая-то ужасная повесть, – молвил Фарамир. – Быть может, вы поведаете мне вечером о том, что произошло. Митрандир, как я думаю теперь, был не только собирателем знаний, он был вдохновителем многих славных дел нашего времени. Будь он с нами, когда явилось видение, он мог бы истолковать его и без посыльного. Хотя, может быть, он этого бы не сделал и Боромиру суждено было отправиться в Имладрис. Митрандир никогда не говорил о своих целях и замыслах. Денетор разрешил ему работать в наших хранилищах и не спрашивал – зачем. Теперь я понимаю: в последний раз он искал все, что касалось той великой битвы, когда был разбит Враг. И он часто расспрашивал об Исилдуре и о его гибели, хотя о ней мы знаем очень мало.

Фарамир понизил голос почти до шепота:

– Но я узнал, и с тех пор храню в тайне вот что: перед тем как выйти в последний поход из Гондора, Исилдур отнял что-то у Врага. Это и выяснял Митрандир. Я не знаю, что оно такое, но могучее и опасное без сомнения. Может быть, гибельное оружие Темного Владыки... Если оно могло дать перевес в битве, то вполне понятно, что Боромиру, отважному и гордому, часто безрассудному, но всегда жаждавшему только двух вещей: победы Минас Тирита и собственной славы, понятно, что ему захотелось завладеть этим сокровищем. Зачем только он поехал к Элронду! Мой отец и его советники хотели послать меня, но он вызвался сам, как старший и более сильный. Удержать его было невозможно.

Оставьте тревогу, Фродо. Я не взял бы этой вещи, даже если бы нашел на дороге. Если бы пробил час Минас Тирита, а я мог бы спасти его, я и тогда не воспользовался бы оружием Врага. Ни ради спасения Гондора, ни ради собственной славы.

– Так говорили и на Совете, – вспомнил Фродо. – Теперь и я так говорю, хотя лучше бы мне вообще ничего не знать об этих делах.

– Что до меня, – продолжал Фарамир, – я хотел бы только вернуть прежние мирные времена, и чтобы Минас Тирит снова стал Минас Анором, Городом Луны, сияющим и прекрасным, равным среди равных, а не господином среди рабов. Война неизбежна, если мы защищаем свою жизнь от супостата, но я люблю меч не за то, что он острый и стрелу – не за ее полет, а воина не за силу. Я люблю их за то, что они защищают родину: ее красоту, древность и мудрость. Вот это я чту и люблю, и ни страха, ни поклонения нет в моих чувствах.

Я не настаиваю, чтобы вы сказали мне больше. Я даже не спрошу, правильно ли угадываю сейчас. Но теперь мне хотелось бы знать о ваших делах, чтобы помочь хотя бы советом.

Фродо молчал. Ему очень хотелось бы довериться этому благородному человеку – он так хорошо и разумно говорил – открыть ему душу и попросить совета и помощи. Но что-то удерживало его. Мысль о том, что из всего отряда могли уцелеть только они с Сэмом, наполняла его сердце страхом и горем. Если так, то он – единственный хранитель тайны, и тогда пусть лучше незаслуженное недоверие, чем опрометчивые слова. Из памяти не шло лицо Боромира, изуродованное желанием обладать Кольцом. Братья были такими разными, но все же они были братьями, Фродо не пережил бы другого лица Фарамира.

Некоторое время они шли молча, серо-зелеными тенями скользя среди деревьев. Было тихо. Вечнозеленые кроны лесов Итилиена купались в солнечном свете.

Сэм не участвовал в разговоре, хотя слушал внимательно. В то же время он чутко ловил лесные звуки

вокруг. Он заметил, что Горлума в разговоре не упомянули ни разу. Они шли одни, но Сэм видел, что между деревьями мелькают и другие воины отряда; все они спешили к какому-то хорошо известному им месту.

Раз или два он быстро обернулся, чувствуя сзади чей-то взгляд, однажды ему даже показалось что-то маленькое, черное, мелькнувшее за деревьями. Он хотел было крикнуть, но раздумал. – Не очень-то я уверен, – пробормотал он, – да и зачем напоминать им об этой твари, раз они предпочитают забыть о нем? Я бы тоже с удовольствием, да не могу.

Постепенно деревья становились реже, а склон – все круче. За очередным поворотом открылась речка в узком ущелье: это был тот самый ручеек, что вытекал из озера; теперь он стал быстрым потоком, прыгавшим по камням в глубоком русле. Берега его густо заросли остролистом и можжевельником. Позади, в сияющей дымке, раскинулись обширные луга, а еще дальше – отсвечивающие под вечерним солнцем воды широкого Андуйна.

Фарамир остановился.

– Я извиняюсь, но здесь мне придется выполнить приказ. Ни один чужеземец, будь он даже союзником Гондора, не должен знать дороги, по которой я сейчас поведу вас. Вам придется завязать глаза.

– Как вам угодно, – ответил Фродо. – При необходимости так поступают даже эльфы. Так мы входили в пределы Лориэна. Гимли, помнится, все это не понравилось, но мы не возражали.

– Место, куда я веду вас, не так прекрасно, – вздохнул Фарамир, – но я рад, что вы понимаете меня.

Он позвал Маблунга и Дамрода. – Завяжите глаза нашим гостям. Плотно, но осторожно. Руки связывать не надо. Они дадут слово не пытаться подсматривать. Достаточно было бы и простого обещания зажмурится, но глаза могут открыться сами, если споткнешься вдруг. Помогите им идти.

Хоббитам завязали глаза зелеными шарфами, опустили на лица капюшоны плащей, потом, взяв каждого за руки, повели вперед. Фродо и Сэм могли только догадываться о дороге. Тропинка начала круто спускаться, а склоны вокруг сблизились так, что им пришлось идти гуськом. Каменные стены почти касались плеч. Зеленые воины шли позади, положив руки им на плечи. Иногда их поднимали в воздух и проносили, – вероятно, через наиболее крутые и опасные места. Шум бегущей воды слышался все время справа, с каждым шагом все ближе и громче. Наконец, они остановились, и воины несколько раз быстро повернули их кругом так, чтобы они вовсе потеряли направление. Потом тропа поднялась немного вверх. Стало холодно и шум воды отдалился. Потом их опять подняли и понесли вниз по ступеням. Шум воды раздался вдруг совсем близко и громко; вода плескалась и журчала словно вокруг них, и на лицах они ощутили мелкие брызги. Теперь их поставили на землю и они стояли, не видя ничего, оробев от полной неизвестности. Вокруг все стояли молча. Сзади слышались шаги и голос Фарамира сказал: – Снимите повязки! – Шарфы сняли, капюшоны откинули, они огляделись и ахнули от изумления.

Под ногами был мокрый каменный пол, позади темнело узкое устье пещеры, уходившей в недра скалы. А впереди висела тонкая водяная завеса, – так близко, что Фродо мог бы прикоснуться к ней. Она была с западной стороны. Лучи низкого солнца дробились в воде на множество разноцветных искр. Это было словно окно заколдованного замка, с занавесом из золотых и серебряных нитей, рубинов, сапфиров и аметистов, искрящихся яркими цветными огнями.

– К счастью, мы пришли сюда как раз вовремя, чтобы наградить вас за терпение, – сказал Фарамир. – Это – Окно Заката, прекраснейший из водопадов Итилиена. Немногие из чужеземцев видели его вот так, а точнее – никто. К сожалению, дворца под стать двери нет. Входите.

Пока он говорил, солнце зашло, и струящееся великолепие погасло. Они повернулись и прошли в темную арку. За ней оказалась пещера: большой зал с неровными сводами, освещенный несколькими факелами. Здесь уже собралось много зеленых воинов, и они продолжали входить по двое или по трое. Когда глаза хоббитов привыкли к тусклому освещению, они увидели, что пещера очень велика. В разных углах были сложены оружие и припасы.

– Вот и наше убежище, – весело сказал Фарамир. – Оно не очень-то роскошно, но здесь вы переночуете в полной безопасности. Сухо, тепло, еда есть, а вот огня нет. И нет других путей, кроме тропы,

по которой мы пришли, да еще тропы сквозь водопад к глубокому омуту с острыми камнями на дне. Теперь отдыхайте, ужин еще не готов.

Он отвел хоббитов в один из закоулков пещеры, где было устроено подобие постели. Тем временем воины в пещере хлопотали, сноровисто расставляя разборные столы и посуду. Утварь была простая, без украшений, но изящная и добротная: тарелки, чаши, блюда, из обливной глины или из самшитового дерева. Перед скамьей Фарамира стоял на столе серебряный кубок. Фарамир обходил своих людей, негромко расспрашивая входящих. Некоторые возвращались после преследования южан, другие, осматривавшие дорогу вернулись позже. Они не видели врагов, не видели даже орков-лазутчиков.

– Что скажешь, Анборн? – обратился Фарамир к тому, кто вошел последним.

– Орков не видел, – ответил тот. – Но кое-что заметил. Было это уже в сумерки, я мог, конечно, и ошибиться, может это была и белка.

Сэм навострил уши. Анборн продолжал: – Но белка большая, черная и без хвоста. Я ее заметил издали, а когда подошел, она взлетела на дерево не хуже любой белки. Вы не велите убивать зверей без нужды, так что я не стал стрелять. Да и темно было, а оно пряталось в ветвях. Я бы подождал немного, чем-то оно показалось мне странным, но пора было возвращаться. Оно еще зашипело на меня сверху, когда я обернулся. Должно быть, большая белка. Я думаю, под тенью неназываемого сюда пробрались кое-какие звери из Лихолесья. Говорят, черные белки там есть.

– Может и есть, – задумчиво произнес Фарамир, – но это – дурное предзнаменование. Нам в Итилиене ни к чему гости из Чернолесья, – Сэму показалось, что он бросил быстрый взгляд в сторону хоббитов.

Некоторое время они с Фродо лежали молча, глядя на пламя факелов и на хлопочущих людей. Потом Фродо как-то сразу уснул.

Сэм боролся с собой, на все лады обдумывая услышанное. – «Оно, конечно, можно бы и поспать... Но с другой стороны и покараулить не мешает. Хотя что тут сделаешь? Вон они какие здоровенные! А мечи такие, что нам и вдвоем не поднять. Но все-таки, Сэм, лучше бы тебе не дремать...» Некоторое время ему удавалось держать глаза открытыми. Светлое пятно входа потемнело, и завеса воды слилась со сгущающимися сумерками. Но шум воды не умолкал. Водопад шептал, журчал, нагонял сон. Сэм начал тереть глаза кулаками.

Но тут запылали новые факелы. Люди вскрывали бочки с вином, ящики с провизией, носили воду из водопада. Фарамиру принесли большую чашу с водой и полотенце. Он умылся.

– Разбудите наших гостей, – сказал он, – и дайте им умыться. Пора ужинать.

Фродо сел, зевая и потягиваясь. Им принесли воды для умывания. Сэм попросил поставить таз на землю и, к веселому удивлению зеленых воинов, сунул голову в холодную воду.

– Разве в вашей стране принято мыть голову перед ужином? – спросил один из воинов.

– Нет, обычно – перед завтраком! – съязвил Сэм. – Но если хочется спать, то лучше средства, чем холодная вода, не придумаешь. Ну, вот! Теперь я достаточно проснулся, чтобы поесть.

Фарамир усадил их рядом с собой. Но прежде чем сесть, он сам и все его воины в молчании повернулись на минуту лицом на запад. По его знаку Фродо и Сэм сделали то же.

– Мы делаем так всегда, – тихо сказал Фарамир, садясь. – Там, на западе, когда-то был Нуменор. Теперь там – страна эльфов, а завтра, надеюсь, будущее Средиземья. А у вас на родине не так?

– Нет, – ответил Фродо, чувствуя себя странно неловким и невоспитанным. – Но если мы в гостях, то кланяемся хозяину, а после трапезы встаем и благодарим его.

– Мы тоже, – улыбнулся Фарамир.

После долгого утомительного путешествия, после стольких дней среди скал и болот, ужин показался хоббитам роскошным: они пили холодное ароматное вино, ели хлеб, масло, солонину, сушеные фрукты и вкусный сыр, – ели чистыми руками, из чистых тарелок. Ни Фродо, ни Сэм не отказывались, что бы им не предлагали, даже во второй и в третий раз. Вино согрело кровь, им стало так легко и весело, как бывало

только в Лориэне. После ужина Фарамир увел их в угол в глубине пещеры, отделенный занавесом. Там стояли кресло и два стула, а в нише, в стене горел глиняный светильник.

– Наверное, вы хотите спать, – сказал он, – а уж отважный Сэм во всяком случае. Он ведь так и не решился уснуть до ужина. Уж не знаю, то ли стерег свой доблестный голод, то ли меня боялся. Но не годится засыпать так скоро после еды, да еще после долгого воздержания. Побеседуем немного. На пути от Раздола вы, должно быть, немало повидали. А я мог бы рассказать вам о нашей стране. Расскажите мне еще о моем брате; и о старом Митрандире, ну, и если можно, о Лориэне.

Фродо и в самом деле больше не хотелось спать. Хотя его и разморило слегка от еды и вина, бдительности он не потерял. Сэм после ужина сиял, как начищенный медный таз, и даже мурлыкал что-то себе под нос.

Фродо рассказывал о многом, но ни слова о своей миссии, ни о Кольце не упоминал, больше распространяясь о доблестном поведении Боромира в приключении с волками и в снегах Карадраса, а также в подземельях Мории, где погиб Гэндальф. Фарамира больше всего взволновало описание битвы на мосту через Морийский ров.

– Наверное, Боромиру досадно было отступить перед орками, – сказал он, – да и перед Барлогом тоже. Он не любил отступать.

– Да, он всегда шел последним, – ответил Фродо. – Но после Мории отряд возглавил Арагорн, только он кроме Гэндальфа, знал дорогу. Если бы не мы, ни он, ни Арагорн не отступили бы.

– Кто знает, не лучше ли Боромиру было пасть на мосту, – сказал Фарамир, – чем идти дальше и встретить свою судьбу у Рэроса...

– Может быть, – согласился Фродо. – Но расскажите о себе. Мне хотелось бы узнать побольше о Минас Тирите.

И Фарамир рассказал им о том, как люди, пришедшие из-за Моря, основали Гондор, как они построили многобашенный Минас Тирит, и как долгое время вели борьбу с Темным Владыкой, Борьбу истощившую их силы и почти не оставившую надежды на победу. Может быть, поэтому взоры народа Гондора были больше обращены в прошлое, чем в будущее, и думали они больше о предках, чем о потомках. Их жизненная сила иссякла, короли вымерли, не оставив потомства. Правители спасли народ от вырождения тем, что призвали в страну родственные Гондору племена с морского побережья и с гор. Гондор заключил союз с Ристанией, и оба народа переняли друг у друга многое в языке и в обычаях. Но если ристанийцы научились от Гондора мягкости, то гондорцы научились жестокости и полюбили войну ради ее самой, а не ради целей, которым она должна служить. – Мы уже сейчас ставим воинов выше всех других, – сказал Фарамир. – Таково наше время. И Боромир был великим воином, самым доблестным в Гондоре. Никто не мог лучше него протрубить в рог предков, равных ему в битве не было, – он вздохнул и умолк, глубоко задумавшись.

– Но вы почти ничего не сказали об эльфах, – произнес вдруг Сэм, набравшись храбрости. Он заметил, что Фарамир упоминал о чудном народе с уважением, и это больше расположило к нему Сэма, чем вся его учтивость и даже угощение.

– Я мало знаю об эльфах, Сэм, – ответил Фарамир. – Правда, было время, когда эльфы и люди сражались бок о бок против своих врагов, но теперь их пути разошлись и продолжают расходиться. Люди избегают и боятся своих прежних союзников, даже о Золотолиственных Лесах они говорят со страхом. Но и сейчас попадаются среди нас такие, которые тайно уходят в Лориэн, и никто не возвращается. Что до меня, то я не пойду туда: я считаю это опасным для смертного. Но вам завидую: вы видели Великую Волшебницу и говорили с ней.

– Галадриэль! – воскликнул Сэм. – Вам нужно было повидать ее Фарамир, право! Я простой хоббит, дома был садовником и в поэзии не силен, так что не могу сказать всего, что чувствую. О ней нужно петь. Вот Бродяжник или старый Бильбо – те бы сумели. Но и мне хотелось бы сочинить о ней песню. Она прекрасна – это выше слов! Она похожа то на большое дерево, то на легкий одуванчик. То она твердая как алмаз, то мягкая как тучка в лунном свете. Теплая, как луч солнца, и холодная, как иней под звездами. Гордая и далекая, как снежная вершина, и веселая, как девушка весной, с маргаритками в косах. Но все это

– пустые слова и совсем неподходящие для нее. Так что не знаю, что тут опасного. Эти люди приносят опасность с собой в Лориэн, а потом удивляются, что нашли ее там. Может, Галадриэль и опасна, потому что могущество ее велико. Вы можете разбиться о нее, как лодка о скалу, или утонуть в ней, как мальчишка в реке. Но ведь ни скала, ни река не виноваты. А Боромир... – он осекся и покраснел.

– Так что же Боромир? Что вы хотели сказать? Он тоже принес опасность с собой?

– Да, не в обиду вам будь сказано, и вашему брату тоже, – Сэма понесло. – Он доблестный воин, с этим никто не спорит. Я наблюдал за ним с самого Раздола, из-за Фродо, конечно, и по-моему, он именно в Лориэне понял то, о чем я раньше догадывался: понял, чего он хочет. Таков уж Лориэн! Да, с первого момента, как он увидел его у Фродо, он захотел завладеть Кольцом Врага!

– Сэм! – вскрикнул Фродо, помертвев. Он слишком глубоко задумался, а когда очнулся, было уже поздно.

– Ох! – горестно воскликнул Сэм; он побледнел, потом опять покраснел. – Вот опять сорвался! Говорил мне мой старик, чтобы я свой язык прикусывал. Какой же я болван!

– Ну вот что, – обратился он к Фарамиру, собрав все свое мужество. – Если я оказался таким дураком, то Фродо за это не в ответе. Вы очень хорошо говорили, отвлекли меня своими разговорами об эльфах и обо всем прочем. Но у нас говорят: «Хорош не словом, хорош делом». Это для вас случай показать, какой вы на самом деле.

– Да, кажется так, – медленно и очень мягко произнес Фарамир со странной улыбкой. – Так вот решение всех загадок! Значит, речь о Кольце... вот что такое «проклятие Исилдура»? А мы считали, что оно исчезло из мира. И Боромир хотел отнять его? А вы убежали? И прибежали прямо сюда, ко мне? Вот вы и попались мне здесь, в глуши: двое невысокликов с Кольцом Всевластья, и мне стоит только позвать воинов. Вот так удача! Вот случай для Фарамира Гондорского показать себя на деле! Ха! – он встал, высокий и грозный, серые глаза его засверкали.

Хоббиты тоже вскочили, прижались друг к другу, нащупывая рукояти мечей. Наступило молчание. Воины в пещере смолкли и удивленно глядели на них. Но Фарамир снова опустился в кресло с тихим смехом. Впрочем, он быстро посерьезнел.

– Увы, Боромир, испытание было слишком тяжелым для тебя! – произнес он. – Как вы усилили мою скорбь, пришельцы из далеких стран, носители великой опасности! Но вы хуже знаете людей, чем я – хоббитов. Мы, люди Гондора, всегда говорили правду. Мы редко хвастаемся, но тогда либо делаем то, чем хвастались, либо умираем, пытаюсь сделать. «Я не взял бы этой вещи, даже если бы нашел на дороге», – сказал я. Пусть я не знал тогда, о чем говорю, все равно слова сказаны, и я их сдержу. Я сдержал бы слово, даже если бы пожелал обладать этой драгоценностью. Но я не хочу ее. Я знаю, что есть опасности, от которых можно только бежать, и это не будет трусостью. Сядьте, Фродо, и успокойтесь. И вы тоже, Сэм. Наверное, нужно было, чтобы вы совершили эту ошибку. Сердце у вас лучше, чем глаза, зорче по крайней мере. Думайте, что хотите, но как раз в этом деле мне можно было открыться. Вашему другу, к которому вы так привязаны, это только на пользу. Я сделаю для него все, что в моих силах. Так что успокойтесь. Не называйте Его больше. Хватит одного раза.

Хоббиты снова сели, чувствуя противную слабость в ногах. Воины в пещере вернулись к трапезе и разговорам, думая, что их начальник пошутил с гостями, но все кончилось благополучно.

– Ну вот, Фродо, наконец-то нам нечего скрывать друг от друга, – сказал Фарамир. – Если вы взвалили не себя эту ношу не по собственному желанию, а по чьей-то просьбе, то я могу только уважать и жалеть вас. И еще я удивлен: Оно у вас и вы им не пользуетесь. Вы для меня новый народ и новый мир. Все ли ваши сородичи похожи на вас? Ваша страна должна пребывать в мире и довольстве, и садовники там, верно, в большом почете.

– Может, и не все там хорошо, – ответил Фродо, – но садовников уважают.

– Но даже и в ваших садах они наверное устают, как все остальные смертные. А вы далеко от дома и очень устали. На сегодня – довольно. Спите оба, спите спокойно. Не бойтесь! Я не хочу и видеть Его, ни касаться, ни знать о нем больше, чем знаю, а то как бы мне не оказаться слабее Фродо, сына Дрого. Идите

и отдыхайте, но сначала скажите мне – куда же вы пойдете дальше и что намерены делать? А я подумаю, как вам помочь. Время уходит. Утром каждый из нас пойдет своей дорогой.

Теперь, когда минута потрясения прошла, Фродо чувствовал, что весь дрожит. Огромная усталость окутывала его как облако, и у него не было больше сил спорить и противиться.

– Я должен найти путь в Мордор, – прошептал он. – Мне нужно в Горгорат. Гэндальф велел бросить Его в Огненную Пропась Ородруина. Только вряд ли мне это удастся...

Фарамир почтительно и с удивлением посмотрел на него. Фродо покачнулся, и воин подхватил хоббита, бережно поднял на руки, отнес в постель и тепло укутал. Фродо тотчас же погрузился в глубокий сон. Рядом была приготовлена постель для его спутника. Сэм поколебался немного, потом сказал, низко кланясь: – Доброй ночи, благородный начальник. Вы не упустили свой случай.

– Вот как?

– Да, начальник. Вы показали, какой вы на самом деле. Вы лучше всех.

Фарамир улыбнулся. – Вы хитрец, Сэм. Хоть похвала из достойных уст – лучшая похвала, но меня хвалить не за что. Мне не пришлось бороться с собой. У меня не было ни соблазна, ни желания поступить иначе.

– Вы говорили, что в моем друге есть что-то от эльфов, – сказал Сэм, – это совершенно верно. Но я могу сказать только – в вас тоже есть что-то, напоминающее мне... Гэндальфа, если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Возможно, – задумался Фарамир. – Может быть, вам видна моя кровь недостойного потомка Нуменора. Доброй ночи.

11. ЗАПОВЕДНОЕ ОЗЕРО

Фродо открыл глаза и увидел склонившегося над ним Фарамира. На мгновение прежние страхи воскресли в нем, он вскочил и отодвинулся.

– Не надо бояться, – тихо сказал Фарамир.

– Что, уже утро?

– Нет еще, но ночь кончается, луна зашла. Мне нужно кое о чем посоветоваться с вами. Нам лучше выйти наружу.

– Пойдемте, – ответил Фродо, слегка дрожа после теплых мехов и одеял. В темной пещере было прохладно, и шум воды в тишине казался громче. Фродо надел плащ и последовал за Фарамиром.

Уже через несколько секунд проснулся Сэм, нащупал пустую постель и тут же вскочил. Он увидел два темных силуэта – один из них был Фродо – в арке прохода, на светлом фоне, и кинулся к ним мимо воинов, спавших на ковриках вдоль стен. Перед восходом водопад превратился в мерцающую завесу из шелка и серебра, жемчуга и льдинок, тающих в лунном свете. Но Сэм, даже не задержавшись перед этим чудом, свернул за угол вслед за Фродо.

Они прошли по темному коридору в скале, поднялись по мокрым ступенькам и очутились на маленькой площадке, похожей на дно глубокого колодца. Отсюда шли две лестницы: одна прямо вверх, другая – влево. Они свернули на нее, вышли наконец, из каменного мрака и огляделись. Это была большая, ничем не отгороженная площадка среди утесов. Справа низвергался множеством каскадов водопад. Он наполнял внизу узкое, гладко обточенное русло темной пенистой водой, и крутясь и клокая почти у самых их ног, ниспадал с обрыва, зияющего слева от них. Там, у самого края, молча стоял воин и глядел вниз.

Фродо долго смотрел на бурлящую воду, потом поднял глаза и посмотрел вдаль. Все кругом казалось спокойным и холодным. Рассвет уже близился. Далеко на западе опускалась за горизонт круглая белая луна. В долине, над широким спящим Андуйном, мерцали белые туманы. Еще дальше виднелись холодные острые вершины Гондорских Белых Гор, одетые вечными снегами.

Фродо думал о друзьях, рассеянных в этом необозримом пространстве, спящих или бодрствующих, живых или мертвых, и его пробрала дрожь. Зачем только Фарамир оторвал его от сна, во сне хоть не помнишь ни о чем.

То же, по-видимому, хотелось узнать и Сэму, и он не мог удержаться, чтобы не пробормотать, думая, что его услышит только Фродо:

– Вид отсюда, конечно, красивый, но даже на сердце становится холодно, не говоря уж о костях. Зачем мы сюда пришли? Что такое приключилось?

Фарамир услышал его и ответил:

– Луна заходит над Гондором. Ради этого зрелища стоит и подрожать немного. Но я не для этого привел вас сюда, а уж вас-то, уважаемый Сэм, и вовсе никто не звал. Придется вам поплатиться за своеволие. В наказание вот вам глоток вина. Но взгляните!

Он подошел к часовому у края обрыва, и Фродо последовал за ним. Сэм остался на месте: ему и так уже было страшновато на этой высоте. Фарамир и Фродо глянули вниз. Там, на большой глубине, водопад падал белой струей в пенящуюся чашу, и его воды, потемнев, кружились в глубоком овальном озере среди скал, пока не впадали в более ровное и спокойное русло.

Лунный свет играл на волнах озера. Вскоре Фродо различил на ближнем берегу что-то маленькое и черное, но оно тотчас же нырнуло и исчезло у самого кипения водопада, быстро рассекая темную воду. Фарамир обратился к воину, стоявшему рядом:

– Ну, что ты скажешь теперь, Анборн? Белка это или зимородок? Водятся ли черные зимородки в Лихолесье?

– Это не птица, – ответил Анборн. – У него четыре лапы, и оно ныряет, как человек и плавает здорово. Чего ему нужно? Может он хочет пробраться сюда, наверх? Кажется, нас все-таки обнаружили. Я расставил

по берегам самых лучших лучников. Мы ждем только вашей команды, чтобы пристрелить его.

— Дать им команду? — спросил Фарамир, быстро обернувшись к Фродо. Сэм едва сдержался, так ему хотелось крикнуть: «Да!», — но Фродо ответил не сразу: — Нет, прошу вас, не делайте этого.

— Значит, вы знаете, что это такое? — спросил Фарамир. — Ну, тогда объясните и мне, почему его нужно щадить. В нашей беседе вы ни словом не обмолвились о вашем спутнике, и я на время оставил его в покое. С ним можно подождать, его все равно поймут и приведут ко мне. Я послал за ним своих лучших охотников, но он ускользнул, с тех пор его никто не видел, кроме Анборна, да и то в сумерках. Но сейчас его вина куда серьезнее, чем охота на кроликов у реки, он посмел приблизиться к заповедному озеру, и его жизнь под угрозой. Я изумляюсь этому существу: каким хитрым и дерзким оно должно быть, чтобы купаться в озере под самым нашим окном! Или оно думает, что мои люди спят всю ночь, не выставив постов? Что ему нужно?

— Ответов здесь два, по-моему, — сказал Фродо. — Во-первых, он скорее всего и не подозревает о вашем убежище, да и людей знает плохо. Во-вторых, я думаю, он не в силах противиться своему главному желанию, более сильному, чем любая осторожность.

— Ах, вот как... — тихо произнес Фарамир. — Значит, он знает о... о том, что вы несете?

— Конечно. Он и сам носил это много лет подряд.

— Он? — Фарамир даже задохнулся от удивления. — Загадки за загадками! Так он гонится за этим?

— Возможно. Оно для него драгоценно. Но я не о том сейчас.

— Так чего же он ищет здесь?

— Рыбу, — ответил Фродо. — Смотрите!

Они снова заглянули вниз. В дальнем конце озера, у самого края скал, из воды появилась черная голова. Мелькнуло что-то серебристое, побежали мелкие волны. Голова заскользила в сторону, и маленькая, похожая на лягушку фигурка с поразительной ловкостью выкарабкалась из воды на берег. Она присела на корточки и принялась пожирать трепещущую серебристую добычу.

Фарамир тихонько засмеялся. — Рыба! — сказал он, — так он голоден. Однако рыба из этого озера может обойтись ему куда дороже, чем он думает.

— Он у меня на прицеле, — сказал Анборн. — Застрелить его? Смерть тому, кто придет сюда непрошенным, таков наш закон.

— погоди, Анборн, — остановил его Фарамир. — Это дело сложнее, чем кажется. Что вы можете сказать теперь, Фродо? Почему мы должны щадить его?

— Это жалкое голодное существо, — ответил Фродо, — оно не сознает опасности. И Гэндальф, которого вы называете Митрандиром, уже по одной этой причине попросил бы вас не убивать его, да и по другим тоже. Он и эльфам не позволил убить его. Я не знаю в точности почему, а о чем догадываюсь, не хотел бы говорить вслух. Но это существо каким-то образом связано с моей задачей. До того, как вы захватили нас, он был нашим проводником.

— Вашим проводником? — повторил Фарамир. — Еще того непонятнее. Я хотел бы сделать для вас многое, но не могу только одного: не могу позволить этому проныре уйти отсюда свободно. Если он попадется оркам, то под пыткой расскажет все, что знает. Его нужно убить или поймать. Если нельзя поймать быстро, то все-таки убить. А чем его поймаешь, если не стрелой?

— Позвольте мне спуститься к нему, — сказал Фродо. — Вы можете держать луки наготове и застрелить хотя бы меня, если мне не удастся. Я не убегу.

— Так идите и поскорее. Если ему суждено выйти отсюда, то только вашим верным слугой до конца своей жалкой жизни. Сведи Фродо на берег, Анборн. Только тише, эта тварь очень чуткая. Дай-ка мне свой лук.

Анборн проворчал что-то, но повел Фродо вниз по винтовой лестнице, пока они не достигли узкой расселины, скрытой густыми кустами. Пройдя расселину, Фродо очутился на южном берегу озера. Оно уже

потемнело, и только водопад слабо светился, отражая последние лучи луны, скрывающейся на западе. Горлума не было видно. Фродо сделал еще несколько шагов вперед, за ним бесшумно двигался Анборн. Они остановились.

– Идите! – шепнул ему на ухо Анборн. – Осторожнее справа. Если свалитесь в озеро, кроме вашего приятеля-рыбьеда помочь будет некому. И не забудьте, лучники стоят наготове, хоть их и не видно.

Фродо пополз вперед на четвереньках, как Горлум, чтобы лучше нащупывать дорогу. Камни были ровные и гладкие. Он остановился, прислушиваясь. Сначала слышался только неумолчный плеск и рокот водопада, но потом, неподалеку, он различил знакомое шипение.

– Рыба, ссладкая рыба. Наконец-то Белый Лик скрылся, да. Теперь мы можем поесть рыбы спокойно. Нет, беспокойно, нет. нет! Сокровище пропало, да, пропало. Злые хоббиты, гадкие! Ушли и бросили нас, Горлум! И Сокровище ушло. Бедный Смеагорл совсем один. Сокровища нет. Гадкие люди, они знали, они украли наше Сокровище. Воры. Мы их ненавидим. Рыба, ссладкая рыба, она дает нам силу. Задушить их, задушить их всех. Ссвежая рыба, вкусная!

Он продолжал бормотать, почти неумолчно, как водопад, прерывая себя только чавканьем и пыхтением. Фродо задрожал: в нем боролись жалость и отвращение. Ему хотелось, чтобы этот голос умолк, хотелось никогда больше не слышать его. Анборн недалеко. Можно отползти обратно и попросить, чтобы он приказал лучникам стрелять. Наверное, они близко. Один меткий выстрел – и Фродо навсегда избавится от этого мерзкого спутника... Но нет, у Горлума теперь есть права на него. У слуги всегда есть права на хозяина, даже если он служит только из страха. Без Горлума они погибли бы в Гиблых Болотах, к тому же Фродо был твердо убежден: Гэндальф не одобрил бы его колебаний.

– Смеагорл! – негромко окликнул он.

– Рыба, вкусная рыба! – неуверенно повторил голос и смолк.

– Смеагорл! – окликнул он громче. – Смеагорл, хозяин пришел за тобой. Хозяин здесь. Иди сюда, Смеагорл! – ответа не было, только свистящий вздох сквозь зубы. – Иди сюда, Смеагорл, – повторил Фродо. – Ты в опасности. Люди убьют тебя, если найдут здесь. Иди скорее, если хочешь избежать смерти. Иди к хозяину!

– Нет! – наконец ответил голос. – Хозяин нехороший. Бросил бедного Смеагорла и ушел с новыми друзьями. Хозяин подождет. Смеагорл еще не кончил.

– Некогда ждать! Иди вместе с рыбой. Иди сейчас же!

– Нет. Сначала доест рыбу, – Горлум капризничал, не чувствуя нависшей над ним опасности.

– Смеагорл! – в отчаянии Фродо решил прибегнуть к последнему аргументу. – Сокровище рассердится. Я возьму сокровище и скажу: «Пусть он проглотит кость и подавиться». Тогда ты никогда больше не попробуешь рыбы. Иди сюда! Сокровище ждет.

Раздалось громкое шипенье, и Горлум на четвереньках выполз из темноты, как пес, которого хозяин подозвал к ноге. Однако рыба была у него во рту, другая зажата в кулаке. Он подполз к Фродо вплотную и обнюхал его; большие бледные глаза заблестели. Потом он вынул изо рта рыбу и встал.

– Славный хозяин! – прошипел он. – Славный хозяин вернулся к бедному Смеагорлу. Добрый Смеагорл пришел. А теперь пойдем, пойдем быстро, да! Под деревьями, пока ликов нет. Да, да, пойдем!

– Да, пойдем, – отвечал Фродо, – но не сейчас. Я пойду с тобой, как обещал. Я обещаю снова. Но не сейчас. Ты еще в опасности, я спасу тебя, но ты должен мне довериться.

– Довериться хозяину? – с сомнением переспросил Горлум. – Почему? Почему не уйти сейчас? А где другой, злой, нехороший? Где он?

– Вон там, наверху, – сказал Фродо, указывая на водопад. – Я не пойду без него. Мы должны вернуться к нему, – сердце у него сжалось. То, что он делал сейчас, было очень похоже на обман. Он не боялся, что Фарамир прикажет убить Горлума, но он велит схватить и связать его; и конечно, действия Фродо должны казаться верхом коварства этому жалкому, но тоже очень коварному существу. Бесплезно было доказывать, что Фродо спасает его от неизбежной смерти, и что есть только один способ спасения.

Он перерезал веревки и поднял Горлума на ноги.

– Подойди сюда! – приказал Фарамир. – Смотри мне в глаза! Знаешь ли ты, как называется это место? Был ли ты здесь когда-нибудь?

Горлум медленно поднял голову и нехотя встретился взглядом с Фарамиром. Погасшие, холодные и тусклые глаза несчастного встретились с ясными, твердыми глазами гондорского воина. Наступило короткое молчание. Потом Горлум поник и начал дрожать крупной дрожью. – Мы не знаем и не хотим знать, – жалобно прошептал он. – Никогда здесь не были, никогда не будем.

– В душе у тебя есть закрытые окна и запертые двери, а за ними – темные комнаты, – задумчиво проговорил Фарамир. – Но сейчас, я думаю, ты сказал правду. Это хорошо. Чем ты можешь поклясться, что никогда не вернешься сюда, что никогда ни словом, ни знаком не укажешь сюда путь никому живому?

– Хозяин знает, – сказал Горлум, быстро искоса взглянув на Фродо. – Да, он знает. Мы поклянемся ему, пусть он спасет нас. Мы поклянемся. Им. Да! – он подполз к ногам Фродо. – Спаси нас, добрый хозяин! – проскулил он. – Смеагорл клянется Сокровищем, клянется по-настоящему! Никогда не придет, никогда не скажет, нет, никогда! Нет, нет!

– Этого довольно? – спросил у Фродо Фарамир.

– Да, – ответил Фродо. – Вам придется либо поверить его клятве, либо соблюсти закон. Больше ничего не остается. Но я обещал, что ему не будет вреда, если он пойдет со мной. Я не могу и не хочу нарушать свое обещание.

Фарамир с минуту подумал. – Хорошо, – сказал он. – Я отдаю тебя твоему хозяину, Фродо, сыну Дрого. Пусть он решает, что делать с тобою.

– Но, благородный Фарамир, – возразил Фродо с поклоном, – вы еще не решили, что делать с упомянутым Фродо, а без этого мне трудно что-нибудь решать самому. Ваш суд был отложен до утра, оно уже близко.

– Тогда я вынесу свое решение, – сказал Фарамир. – Что касается вас, Фродо, то насколько это зависит от моей власти, объявляю вас свободным в Гондоре до самых дальних и древних его пределов; но ни вам, никому из ваших спутников не разрешается без зова приходить туда, где мы сейчас находимся. Мое решение будет действительно на один год и один день, а затем отменено, если за это время вы не явитесь в Минас Тирит, чтобы представиться правителю Города. Тогда я буду просить его утвердить мое решение и сделать его пожизненным. Пока же всякий, кого вы возьмете под свое покровительство, будет пользоваться моим покровительством и защитой законов Гондора. Довольны ли вы решением?

Фродо низко поклонился.

– Я доволен, – заявил он, – и прошу вас располагать мною, если я достоин высокой чести служить вам.

– Вы вполне достойны, – кивнул в ответ Фарамир. – Итак, принимаете ли вы это существо – Смеагорла – под свое покровительство?

– Да, я принимаю Смеагорла под свое покровительство.

Сэм только шумно вздохнул; но причиной тому был отнюдь не обмен учтивостями, которыми он, как всякий хоббит, был вполне доволен. Правда, в Хоббитании для подобного случая понадобилось бы куда больше речей и поклонов.

– Теперь о тебе, – обратился Фарамир к Горлуму. Ты приговорен к смерти, но пока ты идешь с Фродо, приговор не вступит в силу. Если же кто-то в Гондоре найдет тебя одного без Фродо, приговор будет немедленно исполнен. И пусть тебя настигнет быстрая смерть, в Гондоре или за его пределами, если ты не будешь служить своему хозяину хорошо! А теперь отвечай мне: куда вы шли? Ты был его проводником. Куда ты его вел?

Горлум молчал.

– Не запирайся, – настаивал Фарамир. – Отвечай, или я отменю свое решение. – Но Горлум продолжал молчать.

– Отвечу за него я, – сказал Фродо. – По моей просьбе он привел меня к Черным Воротам, но они были закрыты.

– В Неназываемую страну открытого пути нет, – заметил Фарамир.

– Тогда мы пошли по дороге на юг, – продолжал Фродо, – потому что, по его словам, есть другой путь, около Минас Итиля... то есть Минас Моргула. Он ведет на перевал, а потом вниз, в... словом дальше.

– А вы знаете, как называется этот перевал? – спросил Фарамир.

– Нет, он не говорил мне.

– Имя этого места – Кирит Унгол! – Тут Горлум громко зашипел и забормотал что-то. – Разве не так? – обратился к нему Фарамир.

– Нет! – крикнул Горлум и вздрогнул, словно что-то укололо его. – Да, мы слышали один раз. Но что нам до названия! Хозяин сказал: он должен войти. А мы должны попытаться найти вход. Других путей нет.

– Нет? – переспросил Фарамир. – А ты откуда знаешь? Ты что, так хорошо изучил Мрачную Страну? – он долго смотрел на Горлума, размышляя, потом сказал: – Уведи его, Анборн. Обращаться мягко, но стереги хорошо. А ты, Смеагорл, не вздумай нырнуть в водопад. У камней на дне зубы такие острые, что как бы тебе не умереть раньше времени. Уходи и забирай свою рыбу.

Анборн вышел, ведя, понурившегося Горлума. За ними задернулся занавес.

– Фродо, я думаю, вы поступаете неразумно, – мягко сказал Фарамир. – По-моему, вы не должны доверять этому существу. Оно злое и испорченное.

– Не совсем же, – пробормотал Фродо.

– Возможно. Но злоба разъедает его, как болезнь, и все, что в нем есть дурного, усиливается. Ни к чему хорошему такой проводник не приведет. Если вы расстанетесь с ним, я дам ему пропуск и провожатого к любому месту на Границах Гондора, какое он укажет.

– Он не пойдет. Он пойдет только со мной. Я ведь обещал, что он пойдет со мной, а я – с ним. Не хотите же вы, чтобы я нарушил свое обещание?

– Нет. Умом я не хочу, а сердцем очень хотел бы. Конечно, легче советовать другому нарушить слово, чем нарушить самому. Но тяжело видеть друга, связанного необдуманно словом себе на беду. Что ж, если Смеагорл пойдет с вами, вам придется терпеть его. Но послушайте меня, не ходите в Кирит Унгол. Он говорит о нем гораздо меньше, чем знает. Это ясно видно в его мыслях. Не ходите туда!

– А куда же идти? – растерянно спросил Фродо. – Обратно, к Черным Воротам, чтобы сдать страже? Что это за место такое, Фарамир, если вы даже называть его не хотите? Что вы о нем знаете?

– Ничего достоверного. Люди Гондора не ходят теперь на восток, а в долине Теней из молодых и давно никто не бывал. Но известно, что в горах, выше Минас Моргула, обитает какой-то темный ужас. При одном названии Кирит Унгол старики бледнеют и умолкают.

Вы знаете, Минас Моргул назывался раньше Минас Итиль. Это был прекрасный город, равный нашей теперешней столице. Но потом им завладели те, кому Враг подарил свои злые кольца. Он превратил их в живых призраков, злобных и хищных. Они наполнили Минас Итиль и всю долину какой-то неясной и враждебной жизнью. Девять вождей правят там, теперь они стали Девятью Всадниками, и мы не можем устоять перед ними. Не приближайтесь к этой крепости! Там живет бессонная злоба, у нее тысячи глаз, она выследит вас. Не ходите туда!

– Но какой же другой путь мне выбрать? – беспомощно спросил Фродо. – Вы сами сказали, что не можете вести меня в горы. Но я дал Совету обещание либо найти путь, либо умереть, ища его. А если я вернусь, отказавшись выполнить мою задачу, мне не будет места ни на родине, ни среди людей, ни среди эльфов. Или вы хотите, чтобы я пришел в Гондор с тем самым, из-за чего ваш брат лишился разума? Кто знает, сколько и какого зла Оно может наделать в Минас Тирите? Не увидим ли вскоре две крепости, скалящихся друг на друга через долину, полную смерти?

– Я бы не хотел этого, – произнес Фарамир.

– Чего же тогда вы хотите от меня?

– Не знаю право. Но мне тяжело отпускать вас навстречу мукам и смерти. И мне кажется, что и Митрандир не потребовал бы этого от вас.

– Но его нет, и мне придется идти теми путями, которые найдутся. И времени на выбор тоже нет.

– Тяжела ваша судьба и безнадежна задача. Но, по крайней мере, запомните мое предостережение: опасайтесь этой твари, Смеагорла. У него на совести уже есть одно убийство, можете мне поверить, – он вздохнул. – Итак, мы встретились и уже расстаемся. Вряд ли мы еще увидимся под этим солнцем. Но вы уйдете с моим благословением вам и вашему народу. Отдохните, пока вам приготовят кое-что в дорогу.

Мне бы очень хотелось узнать, как этот скользкий Смеагорл стал обладателем Сокровища, как он говорит, и как он его потерял, но уж ладно. Если паче чаяния, вы вернетесь, и у вас будет возможность посидеть у стены на солнце, вы расскажете мне об этом. До той поры, или до другой – прощайте! – он встал и низко поклонился Фродо, а затем, отдернув занавес, ушел в пещеру.

Фродо и Сэм вернулись в свой угол и снова легли, слушая, как для воинов в пещере начинается новый день. Скоро им принесли умыться, а потом проводили к столу, накрытому в тени. Фарамир завтракал вместе с ними. После вчерашней битвы он еще не спал, но усталым не выглядел.

– Пусть голод не тревожит вас в пути, – сказал он. – Еды у вас мало, но я приказал положить вам кое-что, удобное в дороге. Пока вы идете по Итилиену, воды у вас будет вдоволь, но не пейте из ручьев, вытекающих из Долины Живых Мертвецов. И вот еще что. Вернулись мои разведчики. Они подходили к самому Мораннону и обнаружили странные вещи: местность опустела, дороги словно вымерли. Мрачная Страна затаилась и молчит. Не знаю, что предвещает это молчание, но думаю, что близятся какие-то важные события. Надвигается буря. Вам надо торопиться. Если вы готовы, идемте. Солнце скоро поднимется.

Хоббитам принесли их сумки. Они существенно потяжелели. Вместе с ними принесли два прочных посоха из полированного дерева, окованных железом, с плетеными кожаными ремнями, продетыми сквозь резные головки.

– У меня нет достойных прощальных даров для вас, – сказал Фарамир. – Примите эти посохи. Они пригодятся вам. Это любимое мастерами Гондора дерево лебатрен. Их заново оковали для вас. Посохи не потеряются, на них чары. Да сохраняют эти чары свою силу под тенью, в которую вы идете.

– Любезнейший из всех хозяев, – сказал Фродо, – Элронд в Раздоле говорил мне, что в пути я встречу друга, тайного и неожиданного. Ваша дружба способна обратить великое зло в великое благо.

Медлить было нечего. Из какого-то дальнего угла привели Горлума, теперь он выглядел гораздо спокойнее, хотя жался поближе к Фродо и избегал взгляда Фарамира.

– Вашему проводнику нужно завязать глаза, – сказал Фарамир, – но вас и вашего друга я освобождаю от этого.

Но Горлум заскулил и начал цепляться за Фродо, когда к нему подошли с повязкой. Фродо сказал:

– Завяжите глаза нам всем и мне первому, тогда может быть он увидит, что ему не хотят причинить зла.

Так и было сделано. После долгих переходов и ступенек они ощутили вокруг ароматный свежий воздух. Еще некоторое время они шли вверх, потом вниз, наконец остановились, и голос Фарамира приказал снять с них повязки.

Вокруг снова был лес. Шума водопада не было слышно. Между ними и потоком находился длинный склон. С запада между деревьями светлело, словно мир там обрывался, а за его краем было только небо.

– Здесь нам предстоит проститься в последний раз, – сказал Фарамир. – Примите мой последний совет: не сворачивайте пока на восток. Идите прямо, тогда лес еще на много лиг прикроет вас. Держите ближе к склонам. В начале пути можно, я думаю идти днем. Страна дремлет в облачном покое, зло временно отступило от нее. Прощайте, доброго вам пути.

Он простился с ними по обычаю своего народа: клада руки на плечи и целуя в лоб.

– Да пребудут с вами мысли всех людей доброй воли!

Они поклонились ему очень низко. Фарамир повернулся и, не оглядываясь больше, отошел к своим стражам, безмолвно ожидавшим неподалеку. Хоббитов очень удивило, как быстро и бесшумно двигаются эти зеленые люди – они исчезли из виду почти мгновенно. Лес, где только что стоял Фарамир, был теперь пуст и безлюден.

Фродо вздохнул и повернул на юг. Пока они прощались с Фарамиром, Горлум, словно специально выражая пренебрежение ко всяким условностям, рылся в земле у подножия дерева. «Опять он голоден», – подумал Сэм, – и опять все начинается сначала".

– Ушли они? – спросил Горлум, понимая голову. – Злые, нехорошие люди! Шея у Смеагорла еще болит от них, да! Пойдемте.

– Идем, – согласился Фродо. – Но если у тебя не нашлось доброго слова для тех, кто подарил тебе жизнь, уж лучше помалкивай.

– Славный хозяин! – поспешно отозвался Горлум. – Смеагорл шутит.

12. ПО ЛЕСТНИЦАМ В СКАЛАХ

Фродо и его спутники шли по странному молчаливому лесу. В воздухе было душно, словно перед грозой. Горлум часто останавливался, принимаясь и что-то бормоча. К концу второго дня лес изменился, деревья стали крупнее и реже: раскидистые вязы, огромные остролисты, гигантские дубы, на которых уже начали распускаться почки. Меж деревьев попадались лужайки, поросшие белыми и голубыми анемонами и лесным гиацинтом. Не видно было ни птиц, ни зверя, но на открытых местах Горлум боялся, и они шли осторожно, крадись от одного пятна тени к другому.

Но лес кончился. Они сели под старым кряжистым дубом с огромными узловатыми корнями. На юг уходила глубокая туманная долина. Справа далеко на западе темнели на фоне заката гордые хребты Гондора. Слева стеной поднимался мрак: то были пределы Мордора и оттуда к Реке спускалась все расширявшаяся долина. По ней протекал большой ручей. Дорога бледной лентой вилась по его берегу и исчезала вдаль в холодном белом тумане, из которого едва выступали вершины каких-то старых, полуразрушенных шпилей и башен.

Фродо расспросил Горлума и узнал, что перед ними долина Призраков и башни Минас Моргула. Он содрогнулся, здесь в воздухе словно чувствовалось чье-то незримое враждебное присутствие, а ручей в долине – был тот самый Моргулдуин, отравленный поток, берущий начало из Долины Живых Мертвецов, именно о нем предупреждал его Фарамир.

Путники свернули на восток и вскоре нашли место для отдыха. Горлум не хотел больше ночевать на земле, дорога, по его мнению, была слишком близко, поэтому они взобрались на старый дуб и нашли среди его ветвей удобную развилину. Но долго отдыхать им не пришлось: вскоре после полуночи Горлум разбудил их. Теперь им снова нужно было идти по ночам, а днем прятаться.

До самого рассвета Горлум вел их на восток. Дороги почти что не было: она шла по зарослям колючек, перескакивала через заросшие кустарником впадины, но все время поднималась. Оглянувшись, Сэм увидел далеко внизу покинутый ими лес. Заходящую луну окружало болезненное, желтоватое кольцо.

Горлум все поторапливал, и скоро они выбрались на гребень, густо заросший кизилом и барбарисом. На кустах уже начали распускаться желтые сладко пахнувшие цветы. В этой колючей чаще они нашли пещеру, вход в нее закрывали зеленевшие ветви. От усталости даже есть не хотелось, хоббиты просто лежали, ожидая наступления дня. На востоке разливалось тускло-красное сияние, но это была не заря... Грозно хмурились Черные Горы, у их подножья залегла густая тьма, а острые зубчатые вершины чернели на фоне багрового зарева.

– Куда же нам идти теперь? – спросил Фродо. – И что это за долина вон там, не долина ли Моргула?

– А не все ли равно? – устало возразил Сэм. – День ведь, идти-то нельзя...

– Может быть, может быть, – пробормотал Горлум, – но нам нужно скорей идти к Перекрестку. Да, к Перекрестку. Да, хозяин, это и есть дорога к нему, да, да!

Красное зарево над Мордором угасло, спустились сумерки. Горлум не находил себе места: он ползал вокруг, обнюхивая кусты, бормотал без конца, а потом вдруг исчез. Хоббиты спали беспокойно, а проснувшись увидели, что солнца нет. По времени должно было светать, а становилось наоборот все темнее.

– Гроза, что ли собирается? – тревожно спросил Сэм. – Вот уж ни к чему сейчас, – он прислушался. – Что это? Гром или барабаны?

– Не знаю, – ответил Фродо, – я давно уже это слышу. Только не мог понять: под землей или в воздухе?

– А где Горлум? Не вернулся еще?

– Нет. Не видать и не слышать.

– Вот уж от этой потери я бы не заплакал. Толку от него все равно мало, а без него куда спокойнее.

– Ты несправедлив к нему, – укорил Сэма Фродо. – Вспомни о Болотах... Я надеюсь, что с ним ничего

не случилось.

– А я надеюсь, что он не сыграет с нами какую-нибудь штуку. А если он попадет в лапы... – Сэм прикусил язык, – словом, в другие лапы, попомните мое слово – у нас будут неприятности.

В этот момент снова раздался грохот, теперь громче и ближе прежнего, земля под ногами задрожала.

– Неприятности у нас и так уже есть, – испуганно проговорил Фродо. – Чем дальше, тем больше. Боюсь, наш путь подходит к концу.

– Может быть, – ответил Сэм, – но пока живешь, можешь надеяться, как говорил мой старик.

Они не знали, сколько времени прошло в этом тусклом бесформенном сумраке. Фродо снова задремал, но Сэм так разволновался, что не мог спать. Вдруг позади раздалось громкое шипение, он обернулся и увидел Горлума. Тот стоял на четвереньках, и глаза его полыхали зеленым фосфорическим светом.

– Проснитесь, проснитесь! – шипел он. – Не терять времени! Уходить, уходить сейчас же! – он был очень испуган.

Сэм попытался возразить, но Горлум настаивал и торопил, твердя только, что «время уходит». Сэм с сожалением разбудил Фродо, и они вышли в темноту.

С большими предосторожностями Горлум повел их вниз по склону, стараясь держаться укрытий и перебегая открытые места на четвереньках. Но света было так мало, что вряд ли кто-нибудь мог увидеть хоббитов, закутанных в эльфийские плащи, а ходили они всегда бесшумно.

Так они шли почти час, гуськом, в густом сумраке и полной тишине, изредка нарушаемой далекими раскатами грома. За спуском последовал очередной подъем по длинному неровному склону, где только Горлум мог находить нужное направление. Наконец, они приблизились к группе очень старых и очень высоких деревьев с сухими мертвыми вершинами.

– Перекресток! – прошипел Горлум. Это было его первое слово с той минуты, как они покинули пещеру. – Теперь сюда. Поскорее, и молчите.

Осторожно, беззвучно, затаив дыхание они прокрались между деревьями и очутились словно в башне без крыши. Могучие стволы стояли ровны кругом, как исполинская колоннада, из центра этого круга расходились четыре дороги. Дорога назад вела к Мораннону, та, что впереди, уходила к далеким южным землям, справа поднималась извилистая дорога из Осгилиата и уходила за Перекресток на восток, исчезая во мгле, это и была та дорога, по которой им предстояло идти.

Фродо осматривался по сторонам. В этот миг последний солнечный луч прорвался сквозь тяжкие тучи на западе и осветил зловещим блеском огромную каменную статую. Она была изъедена временем, обезображена чьими-то злобными руками. Вместо отбитой головы лежал круглый булыжник с грубо намалеванным ухмыляющимся лицом с единственным глазом посередине. Пьедестал и ноги каменного великана были покрыты злобными мордорскими рунами. Отбитая голова каменного стража валялась у обочины. Ее оплели ползучие растения, и их белые цветы серебряной короной венчали благородный лоб изваяния.

– Смотри, Сэм, – произнес Фродо, – вот знак для нас: не могут они совсем победить, – но тут солнце зашло и тьма, как черный занавес, упала на Перекресток.

Горлум тянул Фродо за плащ, шипя от страха и нетерпения, и они снова двинулись по дороге. Сначала она шла прямо, потом повернула в сторону, огибая зловеще нависший скалистый выступ, а потом она снова свернула к востоку, взбираясь круто вверх.

Хоббиты с тяжелым сердцем плелись за своим проводником. Фродо снова начал ощущать гнет Кольца, о котором почти забыл в Итилиене. Он шел понурившись, глядя себе под ноги. Почувствовав, что подъем становится круче, он устало взглянул вверх. И тогда, как предсказывал Горлум, он увидел Крепость Рабов Кольца. В ужасе он припал к каменистому откосу.

В этом месте глубокая, наполненная тьмой долина далеко врезалась в горный массив. Здесь, на скалистом отроге Черных Гор, вздымались стены и башни Минас Моргула. Мрак вокруг него был еще

плотнее, но сама крепость светилась. Не тем лунным сиянием, которое лилось когда-то сквозь мраморные стены Минас Итиля, теперь свет был тусклым, как от ущербной луны – мертвый свет, и он ничего не освещал. Бесчисленные окна в стенах и башнях казались погасшими глазами, глядящими вовнутрь, в пустоту, а самый верхний ярус башни поворачивался то в одну, то в другую сторону, словно голова чудовищного призрака, вглядывающегося во тьму. Некоторое время все трое стояли, сжавшись от страха, не в силах отвести глаз от мрачной крепости. Горлум опомнился первым и начал дергать своих спутников за плащи, увлекая вперед. Каждый шаг давался теперь с трудом, само время словно остановилось, и на то, чтобы оторвать ногу от земли и снова поставить ее на землю, уходила по крайней мере целая вечность.

От моста дорога, слабо мерцая, множеством извивов поднималась к воротам крепости – к черному провалу, зиявшему в северной стене. По обоим берегам ручья тянулись луга, заросшие предсмертником – бледными, слабо светящимися цветами, ужасными, как порождение кошмара. Они издавали сладковатый запах тления. По концам моста стояли искусно изваянные статуи, изображавшие людей и животных, все – уродливые и злобные. Ручей струился в полной тишине, над водой поднимались легкие струйки пара, но пар этот был смертельно холодным. Фродо почувствовал вдруг, что голова у него закружилась и сознание померкло. Чья-то чужая воля заставила его протянуть в сторону моста дрожащие руки. Спотыкаясь, низко наклонив голову, он пошел вперед. Сэм догнал его уже у самого моста.

– Не сюда! Нет, нет, не сюда! – прошипел Горлум, но тут же, испугавшись собственного голоса в этой мертвой тишине, зажал рот руками и припал к земле.

– Держитесь, Фродо, – прошептал Сэм на ухо другу. – Не надо туда идти! Так говорит Горлум, и на этот раз я с ним согласен.

Фродо провел рукой по лбу и с трудом оторвал взгляд от крепости на холме. Светящаяся башня притягивала его и приходилось бороться с желанием броситься к ней со всех ног. Наконец, он с усилием отвернулся, чувствуя, как сопротивляется Кольцо, стараясь повернуть его шею обратно, а перед глазами опускается непроницаемый мрак.

Горлум уже уполз во тьму. Сэм, поддерживая друга, поспешил за ним следом. Невдалеке от берега ручья в каменной стене был пролом. Протиснувшись в него, Сэм увидел начало узкой тропинки, сначала мерцающей, как и дорога внизу, а потом темной, уходящей петлями по северным склонам.

Хоббиты брели по этой тропе. Горлума они видели только когда он оборачивался, знаками поторапливая их. Тогда в глазах у него вспыхивало зеленоватое сияние, словно отражение жуткого света башни. Фродо и Сэм невольно часто оглядывались, и каждый раз отводили глаза с усилием. Идти было трудно. Правда, когда они поднялись над ядовитыми испарениями ручья, дышать стало легче, но зато на них навалилось такое изнеможение, словно всю ночь пришлось плыть против сильного течения.

В конце концов, Фродо споткнулся и тяжело опустился на камень. Теперь они были у края большого выступа. Впереди виднелась излучина долины, тропинка огибала ее по узкому карнизу над пропастью, а потом поднималась по крутому склону, исчезая во тьме наверху.

– Мне нужно отдохнуть, Сэм, – прошептал Фродо. – Мне тяжело, друг мой, очень тяжело. Далеко я с этой ношей не уйду. Я должен отдохнуть...

– Тсс! Тсс! – зашипел Горлум, подбегая к ним. – Тсс! – он прижил палец к губам, потряс головой, потом потянул Фродо за рукав и указал на тропу. Но Фродо не шевельнулся.

– Не сейчас, – прошептал он. – Не сейчас, – тяжелая усталость придавила его к земле, больше чем усталость – казалось, злые чары одолели его. – Нужно отдохнуть, – пробормотал он снова.

Горлум от страха и волнения снова заговорил свистящим шепотом, прикрывая рот ладонью: – Не здесь, нет! Нельзя здесь отдыхать! Глупые! Они увидят вас с моста. Идемте! Вверх, вверх! Идемте скорее.

– Идите, Фродо, – присоединился к нему и Сэм. – Он опять прав.

– Хорошо, – ответил Фродо странно далеким голосом, словно в полусне. – Я попытаюсь, – он устало поднялся на ноги.

Но было уже поздно. Скала под ними содрогнулась, под землей прокатился долгий грохот и в горах отозвалось эхо. Потом внезапно вспыхнуло ослепительное красное зарево, оно взметнулось высоко в небо,

заливая багрянцем низко нависшие тучи. В этой долине мрака и холодного мертвенного свечения оно казалось нестерпимо ярким. Потом раздался оглушительный грохот.

И Минас Моргул ответил! Из башни к небу рванулись мертвенно-синие молнии. Земля загудела и из крепости донесся стонущий скрип. Потом, покрывая все другие звуки, на них обрушился душераздирающий вопль. Хоббиты рванулись было бежать, но рухнули как подкошенные, зажимая уши руками.

Когда страшный крик смолк, окончившись протяжным стоном, Фродо медленно поднял голову. Стены крепости по ту сторону узкой долины были теперь вровень с его глазами, и ворота, похожие на огромную пасть с блестящими зубами были широко распахнуты. Из них выходили войска.

Воины были одеты сплошь в черное, мрачное как ночь. На фоне бледно светящихся стен и мерцающей дороги Фродо ясно видел их: ряд за рядом они шли быстро и беззвучно, бесконечным потоком. Впереди двигался большой отряд всадников, вел его Черный Всадник с короной на шлеме, отсвечивающей бледными сполохами. Он уже приближался к мосту снизу, а Фродо никак не мог отвести глаза, хотя и понимал, что это необходимо. Конечно, это был предводитель Назгулов, тот самый Король-Призрак, ранивший Фродо на Заверти. Рана мгновенно запульсировала болью и от нее к сердцу пополз ледяной холод.

У самого моста Всадник вдруг остановился. Отряд тоже замер. Над дорогой нависло молчание. Возможно, Король-Призрак услышал знакомый зов Кольца, и теперь медленно поворачивал увенчанную мраком голову, ощущая тьму невидимым взглядом. Фродо притих, как птица, зачарованная змеей, и вдруг ощутил могучее желание надеть Кольцо. Никогда еще это желание не было столь сильным, но сейчас он не спешил подчиниться, потому что ясно понимал: Кольцо может только выдать его, и тогда встреча с предводителем назгулов станет последней. Сам по себе момент был ужасен, но внутри Фродо оставался спокойным. Ничто в нем не отзывалось на настоящий призыв извне. Тем временем эта внешняя сила понемногу завладела его рукой. Он с отрешенным интересом следил за тем, как его собственная рука дюйм за дюймом ползет к цепочке на шее. Но в этот момент, тоже не сразу, пробудилась его собственная воля, она медленно отвела руку от цепочки и заставила нащупать на груди что-то другое, холодное и твердое. Его пальцы крепко стиснули фиал Галадриэли, о котором он совсем забыл в последние дни. В тот же миг всякая мысль о Кольце исчезла. Он перевел дух и опустил голову. Король-Призрак словно только этого и ждал. Он прищепил коня и поскакал по мосту, а за ним следовало его черное войско. Эльфийские ли плащи укрыли хоббитов от его всевидящих глаз, или мысль Фродо, укрепившись, отразила его мысли, но только он не останавливался больше. Час настал, и по приказу своего Владыки он вел войска на запад.

Передовой отряд уже промчался по извилистой дороге вниз, а черные войска все шли и шли по мосту. Никогда еще со времен отважного Исилдура не выходила из долины столь многочисленная армия, никогда еще столь грозные силы не двигались к мостам Андуйна, а ведь это была только одна, и не самая могучая армия Темного Владыки.

Фродо шевельнулся. Ему вспомнился Фарамир. «Буря пришла, наконец, – подумал он. – Все эти мечи и копья направляются к Осгилиату. Успеет ли Фарамир переправиться? Он догадывался, что будет так, но разве он знал, что так скоро? Кто может удержать мосты, если придет вождь назгулов? Да ведь ему на подмогу придут и другие. Я опоздал. Все погибло. Слишком долго мы шли. Даже если я выполню свою задачу, не останется никого, кому я смог бы сказать об этом. Все будет напрасно...» Отчаяние овладело им, и он заплакал. А войска Моргула все шли и шли по мосту.

Потом, откуда-то издали, словно из прежней жизни, он услышал голос Сэма, звавший его: «Фродо, Фродо, проснитесь!» Если бы этот голос добавил: «Завтрак готов», – это бы не удивило его. Но Сэм все звал: «Проснитесь, Фродо, они ушли».

С глухим лязгом ворота Минас Моргула захлопнулись. Прошли последние ряды копейщиков. Башня еще скалилась через долину, но свет в ней угасал. Крепость возвращалась к мраку и молчанию, оставаясь зоркой и выжидающей.

– Очнитесь, Фродо, они ушли, и нам тоже лучше бы уйти. Здесь что-то есть, живое... Оно высматривает... Как бы беды не было, если вы понимаете, про что я толкую. Нельзя оставаться на этом месте, а то он нас увидит. Идемте!

Фродо поднял голову, потом встал. Отчаяние не ослабело в нем, но слабость отпустила. Он даже мрачно улыбнулся при мысли о том, что все равно должен выполнить свою задачу, и ему безразлично, узнают ли об этом Арагорн, Элронд, Галадриэль, Гэндальф или кто-нибудь еще. Он взял посох и тут заметил, что сквозь пальцы другой руки пробивается сияние. Тогда он бережно спрятал фиал на груди, прижав к сердцу. Отвернувшись от чуть светящегося во тьме Минас Моргула, он приготовился идти дальше.

Когда ворота крепости открылись, Горлум, видно, уполз куда-то в темноту. Теперь он вернулся, стуча зубами и щелкая пальцами. – Глупые, глупые, – повторял он как заведенный. – Скорее! Опасность не прошла, нет. Скорее!

Они молча двинулись вслед за ним по узкому карнизу. Обоим был не по душе этот путь, но он был недолог. Тропа обогнула еще один скальный выступ и неожиданно нырнула в узкое отверстие в скале. Это была первая лестница, о которой говорил Горлум. В полной темноте несколькими футами выше светились только его глаза. – Осторожно! – прошептал он. – Ступеньки. Много ступенек. Осторожно!

Фродо с Сэмом сначала обрадовались, чувствуя стены справа и слева, но лестница была крутая, почти отвесная, и карабаясь по ней все выше и выше, они ощущали позади черную глубину. Ступеньки были узкие, разной высоты, стершиеся и скользкие по краям, а то и вовсе полуразрушенные. Хоббитам пришлось крепко хвататься руками за верхние их них и через силу переставлять болевшие ноги. А лестница уходила все глубже в толщу отвесной скалы.

Наконец, сверху сверкнули глаза Горлума. – Готово! – прошептал он. – Первая лестница вся. Славные хоббиты, поднялись так высоко, очень славные. Еще несколько ступенек и конец, да!

Хоббиты с трудом взобрались на последнюю ступеньку, чувствуя как головы кружатся от усталости. Темный коридор впереди продолжал подниматься, хотя и не так круто. Ступенек в нем не было.

Однако Горлум не дал им особенно расслаживаться.

– Есть еще одна лестница, – сказал он. – Очень длинная. Отдохнем, когда дойдем до верха. Не здесь.

Сэм ахнул.

– Как ты говоришь? Еще длиннее этой?

– Длиннее, да. Но не такая трудная. Это была Прямая лестница, теперь будет Витая.

– А потом?

– Увидим, – тихо ответил Горлум. – Да, да, посмотрим...

– Кажется, ты что-то говорил о подземном ходе, – продолжал допытываться Сэм. – Нужно пройти подземный ход или что-то там такое?

– Да, да, подземный ход, – поспешно ответил Горлум, – но вы отдохнете перед тем как войти. А когда выйдете, то будете у вершины. Очень близко; если пройти, да!

Фродо вздрогнул. Пот заливал глаза, а из темного прохода тянуло ледяным ветерком, словно долетавшим сюда с каких-то невидимых снежных вершин.

– Ну, пойдёмте, – сказал он, вставая. – Нечего нам сидеть здесь.

Коридор был и вправду очень длинным. Навстречу все время дуло. Горы словно пытались остановить их мертвенным дыханием, сдуть во мрак вниз. Вдруг стена справа кончилась. Они вышли из прохода. В темноте едва угадывались черные бесформенные громады и глубокие серые тени, но под нависшими тучами иногда вспыхивали тускло-красные отблески и в их неверном свете они различали впереди себя справа и слева – высокие утесы, упиравшиеся в низкое небо. Они стояли на широком карнизе, очень высоко, слева был утес, справа – пропасть.

Горлум вел их вплотную к утесу. Тропа больше не поднималась, но стала очень неровной. Идти приходилось медленно. Сколько часов прошло с тех пор, как они вступили в долину Моргула, ни Сэм, ни Фродо не могли сказать. Ночь казалась бесконечной.

Потом впереди встала новая стена и открылась новая лестница, и опять начался мучительный

подъем. Теперь лестница висала снаружи по склону горы. В одном месте она прижималась к самому краю пропасти, и Фродо, взглянув туда, увидел далеко внизу долину Моргула. Там, во мраке, червяком извивалась светящаяся дорога от мертвой крепости к безымянному перевалу. Он поспешно отвернулся.

Бесконечные повороты, наконец, вывели их на новый уровень. Теперь они находились на седловине, между вершинами Черных Гор. Красный отсвет в небе усилился; но непонятно было, рассвет ли настает в этой юдоли теней, или же это зарево над Горгоратской равниной? Фродо взглянул вверх. По обе стороны ущелья поднималось по каменному рогу.

Он приостановился, чтобы присмотреться внимательнее. Левый рог был высокий и тонкий, в нем горел красный огонек, а может дальнее зарево просвечивало сквозь какое-то отверстие. Теперь он различил, что это не просто утес, а черная башня. Он тронул Сэма за рукав: – Смотри!

– Мне это не нравится, – немедленно отозвался Сэм, – так, значит, твой тайный вход все-таки охраняется? – гневно обратился он к Горлуму. – И ты знал об этом все время?

– Все дороги здесь охраняются, да, – равнодушно ответил Горлум. – Надо попробовать. Может здесь охраны меньше. Может они все ушли на войну, все может быть!

– Да, может быть, – проворчал Сэм, – но это же как далеко! И еще должен быть подземный ход. Нет, на сегодня хватит, надо отдыхать, Фродо. Не знаю, день сейчас или ночь, но мы идем уже много часов.

– Да, нужно отдохнуть, – тотчас согласился Фродо. – Найдём какой-нибудь закуток потише. следующий переход будет трудным, – он чувствовал, что самое главное сейчас – преодолеть это последнее препятствие, и тогда он сможет совершить задуманное. По крайней мере, так ему казалось в этот мрачный час усталости у ворот страшной крепости Кирит Унгол.

Они нашли расщелину, защищенную от ветра, и устроились там. Фродо с Сэмом поглубже, Горлум поближе к выходу. Надо было поесть. Они понимали, что это – последняя трапеза перед спуском в Неназываемую Страну, может быть, вообще последняя совместная трапеза. Угощение было очень скудным. Кое-что еще оставалось от припасов Фарамира, ну и, конечно, лепешки. Пить не стали, только смочили пересохший рот.

– С водой-то плохо, – сказал Сэм. – Но что бы они не пили, нам оно не подходит.

– Тогда хорошо бы наполнить фляжку. Но здесь воды нет, а Фарамир, помнится, говорил, что воду из Моргула пить нельзя.

– Он сказал: «Не пить воды, что течет из долины Живых Мертвецов», – возразил Фродо, – а мы сейчас не в долине, здесь любая вода будет течь туда, а не оттуда.

– Все равно я ей не доверяю, – пробурчал Сэм, – разве что буду помирать от жажды. Здесь везде что-то не так, – он принюхался. – А запах! Вы его слышите? Станный запах, душный, мне он не нравится.

– Мне здесь ничего не нравится, – отозвался Фродо, – ни ветер, ни камни. И земля, и вода, и воздух – все здесь проклятое. Да только другого-то пути нет.

– Это верно, – согласился Сэм. – Мы бы, коли заранее знали, никогда сюда бы не сунулись. А что? – оживился он, – наверное так часто бывает, вот в старых сказках о всяких подвигах и приключениях. Я думал – герои в сказках ищут подвигов и совершают их потому что хотят, что им это интересно, – ну для развлечения, если вы понимаете, про что я толкую. Но в настоящих сказках, которые запоминаются, дело вовсе не в этом. Там герои просто попадают куда-нибудь, потому что таков их путь. Они ведь могут вернуться, как и мы, например, да только не возвращаются. Про тех, кто вернулся, сказок не складывают и песен не поют. Которые до конца шли, те – другое дело. А конец-то, знаете, не всегда бывает хорошим, для героев-то. Когда сказку слушаешь, может по-другому кажется... Хотя можно все-таки и домой вернуться. Пусть даже там все будет по старому, а не, все по другому, потому что ты уже другой. Вот так было со старым Бильбо: после своих приключений он переменялся. Сказки, в которых все благополучно – не самые интересные, хотя, конечно, попасть в их лучше всего. Интересно бы знать, наша сказка какая?

– Интересно, – согласился Фродо. – Только я не знаю. В настоящих сказках всегда так. Ты можешь знать или догадываться, как она кончится – хорошо или плохо, но те, кто в ней, не знают. И ты даже не хотел бы, чтобы знали.

– Конечно, нет! Вот, хотя бы Берен: он и не думал, что добудет Сильмарилл, и все-таки добыл, а ему приходилось гораздо хуже, чем нам сейчас. Это, конечно, длинная сказка, в ней есть и горе и радость, и многое другое. Сверкающий Камень, помните, попал к эльфам, а потом превратился в Вечернюю Звезду. И – ох, как это я до сих пор не думал! У нас... то есть у вас тоже есть немножко от его света, ну, в той склянке, которую дала Галадриэль. Выходит, наша сказка похожа на ту! Неужели старые-то сказки не кончаются никогда!

– Нет, сами собой не кончаются, – задумчиво сказал Фродо, – это герои появляются и уходят, когда их дело сделано. Когда-нибудь и наша роль придет к концу.

– Вот уж тогда выспимся! – невесело сказал Сэм. Мне этого больше всего хочется. Просто отдохнуть: спать, а потом проснуться и поработать в саду. Все эти важные замыслы не для меня. Но все-таки интересно, попадем ли мы когда-нибудь в песню или сказку? То есть, конечно, попасть-то мы в нее уже попали, но я хочу сказать, будет ли кто-нибудь через много-много лет рассказывать ее вечером у очага или читать в большой книге с черными и красными буквами? И чтобы дети говорили: «Расскажи нам о Фродо и о Кольце», и чтобы сказали: «Да, эта сказка – моя любимая. Фродо был очень отважный, правда, отец?» «Да, сынок, он был самым отважным из хоббитов, а это немало значит».

– Это даже пожалуй слишком много значит, – от души рассмеялся Фродо. Странно прозвучал этот смех. С тех пор, как Саурон захватил эту страну, здесь не слышали такого звука. Сэму показалось, что камни кругом прислушиваются, а высокие утесы нагнули вершины. Но Фродо ничего не замечал, он смеялся.

– Ну, Сэм, – сказал он, – послушать тебя, так сказка написана. Ты, правда, забыл еще одного героя – Стойкого Сэма. «Папа, – произнес он детским голосом, – мне хочется послушать про Сэма еще. Почему ты не записал о нем побольше? Они такие забавные! А Фродо не ушел бы без Сэма далеко, правда, папа?»

– Да чего уж смеяться-то, – смутился Сэм, – я серьезно говорил.

– Я тоже, – ответил Фродо. – Говорил и говорю. Только рановато об этом говорить. Мы с тобою застряли в таком скверном месте, что похоже, читая эту страницу, кто-нибудь скажет: «Хватит, папа, мы не хотим больше».

– Может быть, – уныло согласился Сэм, – но я-то так не скажу. В сказке, оно, конечно, все по-другому. Даже Горлум может оказаться в сказке хорошим, лучше, чем на самом деле. Он ведь говорил, что когда-то тоже любил сказки. Интересно, а кем он себя считает: героем или злодеем? Горлум! – позвал он, – хотел бы ты быть героем? Ну, куда он опять подевался?

Горлума и след простыл. Когда они ели, он как всегда отказался от пищи, но выпил глоток воды, потом свернулся в клубок и вроде бы уснул. Теперь его не было.

– Не нравится мне, что он исчезает не сказавшись, – ворчал Сэм. – Особенно сейчас здесь ни воды, ни еды. Что ж он, камни ищет себе по вкусу? Даже мох здесь не растет.

– Что толку тревожиться, – сказал Фродо. – Мы не можем уйти без него, приходится мириться.

– Все равно, лучше бы присматривать за ним, – не унимался Сэм. – А если он лжет, то уж тем более. Он, злодей такой, так и не сказал, охраняется перевал или нет. А теперь – башня! Может там и нет никого, а может и есть. Не удрал ли он кликнуть орков или кого там еще?

– Нет, не думаю, – успокоил его Фродо. – Даже если он сбежал с какой-то дурной целью, – а это вполне возможно – он не позовет ни орков, ни других слуг Врага. Незачем было ждать так долго, лезть так высоко и подходить так близко к стране, которую он сам боится. Он мог бы давно нас выдать. Нет, мне кажется, у него на уме какой-нибудь фокус, который он считает секретом.

– Ох, надеюсь, что так, – вздохнул Сэм, – но только вы меня не очень-то успокоили. Я ни капельки не сомневаюсь, что меня бы он выдал с огромным удовольствием. Правда есть еще Сокровище. По-моему, он все время играет в «Сокровище для бедного Смеагорла». Все его выдумки вокруг этого вертятся. Но я никак в толк не возьму, в чем ему польза от того, что мы здесь?

– Может он и сам не понимает, – вслух сказал Фродо. – Вряд ли в его путанной голове есть какие-нибудь выдумки. Мне кажется, что он просто спасает Сокровище от Врага как может. Ведь если оно достанется Врагу – ему конец. Может тянет время...

– Вот я и говорю: Липучка и Вонючка. И чем ближе мы к Врагу, тем больше Липучка становится Вонючкой. Вот попомните мои слова, Фродо, если мы минуем крепость, то через перевал свое Сокровище он просто так не отпустит.

– Мы еще не попали туда, – напомнил Фродо.

– Ну, так лучше побережись, пока не попадем. Если мы оба будем клевать носами, то Вонючка живо возьмет верх. Лучше бы вам подремать сейчас, Фродо. Ложитесь поближе ко мне. Я посторожу. Дайте-ка я обниму вас, тогда уж без моего ведома никому до вас не добраться.

– Спать, – вздохнул Фродо. – Мне уже все равно где, лишь бы лечь.

– Ну, вот и спите себе. Положите голову ко мне на колени.

Так Горлум и нашел их через несколько часов, когда выполз на четвереньках из тени впереди. Сэм сидел, прислонившись к камню, свесив голову на бок. На коленях у него покоилась голова крепко спящего Фродо, одна загорелая Сэмова рука лежала на его белом лбу, другая – на груди. Лица обоих были умиротворенными.

Горлум долго глядел на них. По его худому лицу прошла судорога. Глаза погасли и были теперь тусклыми, старыми и усталыми. Он содрогнулся, словно от резкой боли, и повернул было в сторону перевала, покачивая головой, словно прислушиваясь к каким-то внутренним голосам. Но что-то снова заставило его повернуться к спящим. Он медленно протянул дрожащую руку и очень осторожно прикоснулся к колену Фродо; это прикосновение было почти лаской. На одно короткое мгновение он преобразился. Если бы спящие увидели его сейчас, то приняли бы за очень старого и усталого хоббита, иссушенного годами, унесенного далеко от друзей и дома, от полей и ручьев юности, превращенного в жалкую, дряхлую, голодную развалину. Но от его прикосновения Фродо шевельнулся и всхлипнул во сне. Сэм тотчас же проснулся. Первое, что он увидел, был Горлум, трогавший его друга.

– Эй ты! – сердито прикрикнул он. – Что ты тут делаешь?

– Ничего, – тихо ответил Горлум. – Славный хозяин.

– Ну конечно, – сказал Сэм. – А где ты был? Шнырял туда-сюда, старый негодяй?

Горлум отшатнулся, словно его ударили. Глаза снова вспыхнули зеленым светом. Сейчас он очень напоминал паука: сидел пригнувшись, высоко подняв тощие коленки, вытаращив глаза. Короткое мгновение исчезло, бесследно, безвозвратно.

– Шнырял? – прошипел он. – Они всегда такие вежливые, да! Славные хоббиты! Смеагорл ведет их путями, которые никто не знает. Он устал, страдает от жажды, да, от жажды, а он ведет их и ищет дорогу, а они говорят – шнырял! Очень хорошие друзья, да, очень!

Сэм устыдился своих слов, хотя его недоверие не уменьшилось. – Ну, прости, – сказал он. – Извини. Ты разбудил меня и испугал. Я не должен был спать, вот и нагрубил тебе. Фродо устал, я уговорил его подремать, и... Ну, в общем, я извинился. Но, все-таки, где ты был?

– Шнырял, – мстительно ответил Горлум с прежним зеленым блеском в глазах.

– Ну, ладно, ладно, – примирительно проговорил Сэм. – Не хочешь говорить, не надо. Только теперь нам лучше шнырять вместе. Который час? И какой день? Сегодня или завтра?

– Завтра, – ответил Горлум, – или завтра было, когда хоббиты уснули. Очень глупо, очень опасно – если бы бедный Смеагорл не шнырял и не сторожил их.

– Я вижу, скоро это шныряние у меня поперек горла встанет, – проворчал Сэм про себя. – Я разбужу Фродо. – Он осторожно отвел волосы со лба своего друга и, наклонившись, тихонько окликнул его: – Проснитесь, Фродо, проснитесь!

Фродо зашевелился, открыл глаза и улыбнулся при виде склонившегося Сэма. – Ты не рано меня разбудил, Сэм? Темно же еще...

– А здесь всегда темно, – с досадой ответил Сэм. – Вот Горлум вернулся и говорит, что уже завтра. Так что нужно идти. Немного осталось.

Фродо глубоко вздохнул, сел и тут заметил Горлума.

– А, это ты, Смеагорл! Нашел чего поесть? Отдохнул?

– Ни еды, ни отдыха, ничего для Смеагорла, – сварливо ответил Горлум. – Он негодяй, он шныряет.

Сэм прищелкнул пальцами, но сдержался. Фродо удивленно посмотрел на Горлума.

– Это не так, Смеагорл. Тебя так никто не называл. Не принимай этого близко к сердцу.

– Смеагорл должен принимать все, что дают, – ответил Горлум, – а такое прозвание дал ему добрый Сэм, который все знает.

Фродо с упреком посмотрел на Сэма.

– Да, – досадливо признался тот, – я назвал его так, когда проснулся, а он был рядом. Я извинился, но скоро, кажется, пожалею об этом.

– Ладно, забудем, – предложил Фродо. – Слушай, Смеагорл, скажи-ка мне, найдем ли мы дальше дорогу сами? Перевал рядом, если дальше дорога простая, то наш договор подошел к концу. Ты сделал, что обещал, и теперь свободен. Можешь идти, куда хочешь, только бы не к Врагу. Ты заслужил награду. Когда-нибудь я, либо те, кто будет обо мне помнить, сумеют вознаградить тебя.

– Нет, нет, еще нет! – заскулил Горлум. – Нет! Они не найдут дорогу, нет, нет! Есть еще подземный ход. Смеагорл должен идти впереди. Ему нет отдыха, еды тоже нет, но он все равно пойдет.

13. В ЛОГОВЕ ШЕЛОБ

Может быть, был и день. Да только он почти не отличался от ночи. Разве что непроглядный ночной мрак сменился серым мутным сумраком. В мертвенной тишине хоббиты поднимались вслед за Горлумом. Сильно выветренные каменные глыбы вокруг были похожи на огромные изваяния. Примерно в лиге впереди смутно угадывалась огромная серая стена: сплошная масса вздыбившегося камня, – последний предстоящий им горный склон. Грозно темнел он и рос по мере их приближения и, в конце концов, заслонил собой все. У его подножия лежал глубокий мрак. Сэм принюхался.

– Фу! Ну и запах! – фыркнул он. – И надо сказать, пахнет все сильнее.

Они вступили в тень и сразу увидели черное устье пещеры.

– Сюда, – тихо произнес Горлум. – Это – вход. – О том, что эта пещера называется логовом Шелоб, он не упомянул. Из пещеры тянуло отвратительным зловонием.

– Это единственный путь, Смеагорл? – спросил Фродо.

– Да, да, единственный, – поспешно ответил Горлум. – Теперь мы должны идти здесь, да, да.

– А ты, значит, уже бывал в этой норе? – спросил Сэм. Ему очень не хотелось лезть в пещеру. – Тебе-то эта вонь поди нипочем.

Глаза у Горлума замерцали. – Нипочем? Да, нипочем. Нам все нипочем. И голод нипочем, и вонь тоже. Смеагорл может вытерпеть. Да, он бывал здесь, прошел насквозь. Это единственный путь.

– А чем же это так воняет, интересно знать? – спросил Сэм. – Похоже... Нет, уж я лучше промолчу. Наверно, это какая-нибудь оркова берлога, и там скопилось всякой дряни за сотни лет.

– Ладно, – сказал Фродо, – орки там или кто, если другого пути нет, пойдем этим.

Глубоко вздохнув напоследок, они вошли. Уже через несколько шагов тьма вокруг стала непроницаемой. После мрачных подземелий Мории им нигде не было так темно, а здесь тьма была еще плотнее и гуще. В Мории было пространство, сквозняки, эхо, а здесь, в застойном воздухе, всякий звук умирал, едва родившись. Они шли, словно окутанные черным дымом, ослеплявшим не только глаза, но и душу – мраком, в котором гасло всякое воспоминание о свете, цвете и форме. Это была ночь, абсолютная и вечная.

Казалось, из всех чувств осталось только два: осязание и обоняние. Однако последнее не радовало. Лучше бы уж и его не было. К их изумлению, стены были гладкие, а пол – ровный. Только время от времени попадались ступеньки. Ход все время поднимался и притом довольно круто. Хоббиты шли рядом, вытянув руки вперед и в стороны, но пальцы не всегда касались стен, таким широким был этот коридор.

Горлум шел первым и был, казалось, в нескольких шагах впереди. Во всяком случае, некоторое время они еще слышали его шипящее захлебывающееся дыхание. Но вскоре и этот звук исчез, и они шли все вперед и вперед на ощупь. У них осталось только одно желание – выбраться отсюда как можно скорее.

Очень быстро исчезло ощущение времени и расстояния. Вдруг Сэм, шедший справа, ощутил со своей стороны отверстие в стене: оттуда потянуло менее тяжелым воздухом, но они уже прошли мимо. – Здесь не один ход, – прошептал он. Дышать было трудно. Слова выговаривались с трудом. – Если и похоже на что-нибудь, то только на оркову берлогу, вот и все!

Еще через несколько шагов Фродо, ощупывая стену справа, чуть не провалился в пустоту. Отверстие было большое, и оттуда исходило столь мерзкое зловоние и столь сильное ощущение притаившейся злобы, что голова у Фродо закружилась. Сэм в этот момент тоже пошатнулся и упал. Фродо нашел его и потянул за руку. – Вставай, – сказал он хриплым шепотом. – Идем скорее! И запах, и опасность – все оттуда.

Собрав остаток сил, он заставил Сэма подняться. Спотыкаясь, они побрели дальше. Одна ступенька, две, три, наконец, шесть. И вдруг им стало легче, словно чья-то враждебная сила отпустила их. Но тут же на пути возникло новое затруднение: туннель раздваивался. Как выбрать нужный коридор? Ни Фродо, ни Сэм не сомневались, что ошибка грозит гибелью.

– Куда же подевался Горлум? – недоумевал Сэм. Почему он не подождал нас?

– Смеагорл! – попытался окликнуть Фродо. – Смеагорл! – но голос у него был хриплый и зов утих, едва сорвавшись с губ. Ответа не было, ни отголоска, ни малейшей дрожи в воздухе.

– Кажется, он сбежал по-настоящему, этот лиходейщик, – пробормотал Сэм. – может, он для того и завел нас сюда, чтобы бросить. Ну, Горлум, попадись ты мне, плохо тебе будет!

Медленно, наощупь, они двинулись в левый коридор и очень скоро уперлись в стену. – Здесь нет дороги, – прохрипел Фродо. – Надо возвращаться, пойдем другим путем.

– И поскорее, – отозвался шепотом Сэм. Здесь есть что-то похуже Горлума. Я чувствую чей-то взгляд.

Не успели они пройти и двадцати ярдов, как их пригвоздил к полу неожиданный и пугающий в этой душной тишине звук: какое-то захлебывающееся бульканье и ядовитое шипение надвигалось на них.

– Это ловушка! – выдохнул Сэм, нащупывая рукоять меча. Тьма была вокруг него, мрак отчаяния и гнева в сердце, но именно в этот момент перед его внутренним взором вспыхнул луч света. Он был нестерпимо ярким, как свет солнца для того, кто долго пробыл под землей. А потом пришло ощущение золотого, зеленого, серебряного, белого. Из этого света соткалось видение прекрасной Владычицы Лориэна: она стояла в свежей высокой траве, протягивая вперед руку. Сэму даже показалось, что он слышит ее голос: «Тебя, Хранитель, я одариваю последним...»

Булькающее шипение приближалось. Оно сопровождалось непонятным скрипом, словно во мраке медленно двигалось что-то большое, суставчатое.

– Фродо, Фродо! – закричал Сэм, и голос у него опять стал живым и звонким. – Подарок! Подарок, чтобы светить во мраке, она так говорила! Скорее, звездную склянку!

– Звездную склянку? – растерянно повторил Фродо. – Ну конечно! Как я мог забыть? «Если померкнут другие источники света, тебе поможет Эльфийский светильник!» – лихорадочно прошептал он.

Медленнее, чем ему хотелось бы, его рука поднялась к груди и достала фиал Галадриэли. В первый момент он едва мерцал, как звезда сквозь густой туман, а потом свет усилился и засиял, как серебряное пламя. Мрак отпрянул, воздух вокруг превратился в светящийся хрусталь, и рука, держащая фиал, засветилась белым огнем.

Пораженный Фродо смотрел на этот чудесный светоч. Он и не подозревал, какая сила скрыта в нем. Со времени отплытия из Лориэна он ни разу не доставал подарок Галадриэли, боясь обнаружить себя. В тишине громко и ясно прозвучали эльфийские слова, они сказались словно сами собой. Фродо даже не понял, что именно он сказал, и тем более невдомек ему было, что в этот момент между ним и Лориэном возникла мощная связь, рожденная магией слова и света.

Но здесь, в этом душном мраке, были и другие силы, могучие и древние. И то, что надвигалось из темноты, не испугал эльфийский призыв. Отзвуки голоса Фродо еще раздавались под сводами, а он уже ощутил сгущающуюся вокруг себя злобу и почувствовал гибельный взгляд. Из тьмы позади медленно проступили два огромных фасетчатых глаза. Сияние звездного фиала преломлялось и отражалось в тысячах их граней, но они и сами наливались каким-то мертвенным светом. В них не было ни тени мысли, одно только тупое упрямство и кровожадное вождение. Они видели добычу и были уверены, что она никуда не денется.

От ужаса волосы у Фродо и Сэма встали дыбом, и они попятились. Глаза приближались. Рука Фродо, державшая фиал, дрогнула и опустилась. Не сговариваясь, они кинулись бежать. Фродо обернулся и, холодея, увидел, что глаза скачками приближаются. Запах смерти окружил его словно облаком. – Стой, стой! – в отчаянии закричал он. – Бежать бесполезно. Глаза приближались. – Галадриэль! – вскричал он, собирая все свое мужество, и снова поднял фиал вверх. Глаза остановились, в них мелькнуло сомнение. А в сердце Фродо забились пламя. Не задумываясь больше, он перехватил склянку в левую руку, а правой выхватил меч. Клинок, выкованный эльфами, засверкал серебряным блеском, а по его краям вспыхнули голубые искры. Тогда, держа звездную склянку над головой, изготовив к бою сверкающий меч, Фродо, маленький хоббит из Хоббитании, твердо пошел навстречу страшным глазам. Они замигали. Чем ближе надвигался на них свет, тем явственнее проступал страх. Наконец, они не выдержали, потускнели и медленно отступили. Никогда еще столь губительный свет не ослеплял их. В этих подземельях от века не

было ни солнечного, ни звездного света, но это звезда сама спускалась теперь в недра. Она все приближалась, и глазам стало больно. Они погасли, потом повернули вспять, и что-то большое и темное уползло во тьму, за пределы света.

– Фродо, Фродо! – в восторге выкрикивал Сэм, следуя за другом с мечом наготове. – Звезды! Блеск! Эльфы сложили бы песню об этом, если бы видели! О, мне бы только дожить и рассказать им об этом! Стойте, стойте, Фродо, хватит! Не надо туда ходить! Дорога свободна, идем отсюда!

Они повернули обратно. Сначала шли, потом бежали, ибо туннель становился все круче, и с каждым шагом они поднимались все выше над зловонной берлогой, и силы возвращались к ним. Но позади затаилась злоба, слепая, непобежденная, грозящая смертью. Однако навстречу уже веяло холодным свежим воздухом: они приближались к выходу из туннеля. Задыхаясь, стремясь вырваться из каменного гнета, они бросились вперед, и вдруг зашатались, отброшенные невидимой силой. Преграда оказалась мягкой, податливой, но совершенно непроходимой, хотя ветерок дул сквозь нее свободно. Они снова кинулись вперед и снова безрезультатно.

Подняв над головой светящийся сосуд, Фродо посмотрел и увидел, что выход из туннеля затянут паутиной, сотканной гигантским пауком: она была огромная и густая, и каждая нить толщиной в палец.

Сэм злорадно рассмеялся. – Паутина! – воскликнул он, только и всего! Паутина, хоть и толстая. Долой ее!

Он яростно ударил в самый центр мечом, но нить, по которой он попал, не лопнула. Упруго, как тетива лука, она отбросила меч, едва не выбив его из рук Сэма. Трижды он бил наотмашь, пока одна нить не лопнула, концом хлестнув Сэма по руке. Он вскрикнул от боли и отскочил.

– Эдак мы и за неделю не пробьемся, – озадаченно проговорил он. – Что же делать-то? Эй, а глаз этих не видно?

– Нет, не видно, – успокоил его Фродо. – Но, ты знаешь, я их все-таки чувствую. Если погаснет светильник, они живо вернутся.

– Вот попались так попались! – в сердцах воскликнул Сэм. – Ну, чисто мухи в паутину! Фарамир как в воду глядел. Пусть его проклятье поразит, этого Горлума, да поскорее!

– Проклятья не помогут, – задумчиво возразил Фродо. – Пропусти-ка меня, посмотрим, что можно сделать Разителем. Он выкован эльфами, и в нем чары против зла. Ты посторожи на случай, если глаза появятся. Вот, возьми светильник. Держи повыше и смотри внимательно.

Передав Сэму сосуд, Фродо подступил к паутине, ударил с плеча и тотчас отскочил назад. Сверкающий клинок рассек серые нити, как хорошая коса подсекает траву. Паутина, извиваясь, лопнула, повиснув рваными лохмотьями. Фродо продолжал наносить удар за ударом, пока не расчистил достаточный проход. Путь был открыт.

– Идем! – задыхаясь, вскричал Фродо. – Вперед! – чудесное спасение из самой пасти смерти лишило его обычной осмотрительности. С громким криком он выбежал из туннеля.

После непроглядной черноты подземной ночи Страна Мрака показалась ему светлой. День кончался. Красные отсветы угасали в угрюмом сумраке. Но для Фродо этот сумрак стал утром надежды. Осталось совсем немного. Перевал Кирит Унгол был вот он, прямо перед ним, справа и слева чернели в небе каменные рога. Осталось пробежать еще немного, и они окажутся по ту сторону хребта.

– К перевалу, Сэм, – крикнул он, забыв, что голос, не заглушаемый больше душным воздухом подземелья, звучит высоко и звонко. – К перевалу! Бежим!

Сэм со всех ног кинулся вслед за ним, но головы при этом не потерял и часто оглядывался на черное устье туннеля. Однако ни он, ни Фродо не знали всего коварства Шелоб. Из ее логова было много выходов.

Несчетное множество веков она обитала там, – чудовище в образе паука, пришедшее сюда неведомо когда и неведомо откуда. Мир еще не знал о Сауроне, Черной крепости еще не существовало, а она уже ублажала себя, высасывая кровь людей и эльфов, стремясь только к этому, свивая вокруг себя паутину мрака: все живое было для нее только пищей, а тьма – ее жизнью. Никто не мог сравниться с ней в тупом

равнодушии ко всему, что не было благом для нее. Шелоб была истинным порождением Довременного Мрака.

Много лет назад ей повстречался Горлум, тоже любивший тьму, повстречался и поклонился, признав ее владычество. Ее злая воля легко завладела им, отрезав от света, от надежды и раскаянья. Горлум обещал доставлять ей пищу. Ничего она не знала и знать не хотела ни о башнях, ни о кольцах, ни о каких других творениях рук и мысли. Она жаждала только смерти всего живого, а для себя – пожирать чужую жизнь и расти, расти безмерно, чтобы горы не могли вместить ее.

Но желание это было не так-то просто исполнить, и сейчас она давно уже была голодна и сидела, притаившись в своем логове. Сила Саурона росла, все живое бежало из пределов его страны. Город в долине давно опустел, ни эльфы, ни люди больше не попадались, только орки. Скверная добыча, к тому же слишком осторожная. Но как бы осторожно они не крались, она умела добывать их. Но все время хотелось чего-нибудь повкуснее. И Горлум привел вкусную пищу.

– Посмотрим, посмотрим, – часто бормотал он себе под нос, пока вел хоббитов к долине Моргула, – посмотрим... Может быть, да, да, может быть... Она выбросит кости и пустые одежды, а мы найдем их, мы найдем Сокровище, награду для бедного Смеагорла, который привел такую вкусную еду. И мы спасем Сокровище, как обещали, да! А когда оно будет у нас, Она узнает об этом, О, да, мы посчитаемся с ней! Мы со всеми посчитаемся, да, да!

Такие мысли бродили в том дальнем закоулке его черной души, которую он тщательно от нее скрывал. С этими мыслями он и пришел на поклон к Шелоб, пока его спутники спали.

Саурон всегда знал, кто скрывается в недрах горы. Ему нравилась эта кровожадная и бдительная стража, охраняющая древний путь в его страну лучше любого войска. Орков у него было полно. Если время от времени Шелоб отлавливала одного-другого, то – в добрый час, он обойдется. Иногда он сам бросал своей «кошке», как он ее называл, лакомый кусочек, отправляя к ней ненужных пленников. Он приказывал загонять их к ней в логово, а потом с интересом слушал, как она с ними забавлялась. Это было удовольствие для обоих, оба привыкли чувствовать себя совершенно безнаказанно.

До сих пор ни одна добыча не уходила от Шелоб, поэтому теперь она была в ярости, и от голода готова была сожрать сама себя.

Сэму и неведомек было, какие жуткие силы точили на него зубы. Зато он чувствовал, как растет вокруг него опасность. Не понимая, откуда она исходит, он едва передвигал ноги. Ужас был вокруг него, впереди, на перевале – враги, а Фродо, словно лишившись рассудка, стремглав бежал прямо туда. Сэм взглянул на него и ахнул. Обнаженный меч в руке Фродо пылал голубым огнем. И еще он увидел ровный багровый свет в окне башни, вздымавшейся над перевалом.

– Орки! – пробормотал он. – Да как же мы тут прорвемся? А может, там кто и похуже орков... – Обычная осторожность заставила его прикрыть рукой эльфийский сосуд. На мгновение рука его засияла, просвечивая живой кровью, но он поскорее сунул фиал в карман и прикрыл серым плащом. Фродо был уже шагах в двадцати впереди, еще немного – и он потеряется в серых тенях среди камней.

Стоило Сэму спрятать звездную склянку, как появилась Шелоб. У Сэма волосы встали дыбом, когда чуть впереди, слева, из черного провала под скалой, начало выползать такое, что не привидится в бреду. Больше всего оно походило на гигантского паука. Голова на тонкой шее была украшена парой рогов, за ней покачивалось на тонких лапах огромное, вздутое туловище – чудовищный черный мешок с мертвенно-синими пятнами и слабо светящимся брюхом. Коленчатые паучьи лапы с высоко торчащими над спиной узловатыми суставами были покрыты жесткой щетиной, а каждая лапа заканчивалась острым кривым когтем.

Как только ее мерзкое мягкое тело протиснулось из дыры в скале, она помчалась необыкновенно быстро. Сэма она либо не видела, либо остерегалась, чутьем распознав, где прячется ненавистный свет, и все внимание сосредоточила на Фродо, который бежал, не оглядываясь и не чуя опасности. Как ни быстро он бежал, ясно было, что Шелоб в несколько прыжков нагонит его.

Сэм собрал все силы, чтобы крикнуть, но в этот момент длинная мягкая рука зажала ему рот, другая рука вцепилась в горло, и что-то обвилось вокруг ног.

– Поймали! – прошипел Горлум Сэму в самое ухо. – Наконец-то мы поймали его, да, злого хоббита! Мы – этого, а она – того. Смеагорл обещал не вредить хозяину, он не будет. Зато он поймал тебя, злой, мерзкий негодяй! – и он плюнул Сэму на шею.

Ярость на помеху в такой отчаянный момент, ненависть к предателю вспыхнула в душе Сэма ярче десяти чудесных светильников. Горлум едва ли ожидал такой силы и ловкости от неторопливого обычно хоббита. Сэм вывернулся из-под руки, зажимавшей ему рот, но хватка на горле не ослабла. В правой руке у него был меч, на левой висел на ременной петле посох Фарамира. Сэм хотел ткнуть врага мечом, но Горлум перехватил его кисть, сжал как тисками и медленно выворачивал, пока, вскрикнув от боли, Сэм не выронил оружие. И все это время рука Горлума сжималась у него на горле.

Тогда Сэм пустился на последнюю хитрость. Он из всех сил оттолкнулся ногами и опрокинулся навзничь.

Не ожидавший от Сэма этой простой уловки, Горлум упал, а Сэм обрушился на него сверху всей тяжестью. Горлум громко зашипел и выпустил Сэмово горло, но еще продолжал сжимать его правую руку. Сэм напряг руку, стремглав вскочил, повернувшись, и, взмахнув левой рукой, хватил Горлума посохом. Он попал удачно. Горлум взвизгнул и выпустил его. Сэм шагнул вперед, и, не меняя руки, нанес еще один сокрушительный удар. Быстро, как змея, Горлум уклонился, и удар, нацеленный ему в голову, пришелся ему по спине. Посох треснул и сломался. Однако Горлumu было вполне достаточно. Раньше он всегда хватал добычу сзади, и сразу за горло двумя руками, но теперь, от переполнявшей его злобы, сделал ошибку: начал разговаривать и хвастаться, не придушив жертву как следует. Его замыслы перестали удаваться с тех пор, когда во мраке неожиданно появился этот ослепительный свет. А теперь он очутился лицом к лицу с разъяренным врагом, не уступающем ему в силе и ловкости, хотя этого врага он всегда считал тупым и медлительным.

Сэм схватил с земли свой меч и замахнулся. Горлум пронзительно вскрикнул и как был, на четвереньках, скакнул в сторону, а потом с поразительной быстротой помчался к туннелю.

Сэм гнался за ним, размахивая мечом. Он забыл обо всем, кроме клокотавшей в душе ярости, кроме жажды мщения. Но Горлум уже юркнул в дыру. И тогда, при виде черного зловонного провала, Сэма как громом поразила мысль о Фродо и чудовище. Мгновенно он повернулся и бросился назад, в ужасе зовя друга. Но он опоздал и здесь. В этом замысел Горлума удался.

14. СЭМ НА РАСПУТЬЕ

Фродо лежал на земле, и чудовище нависало над ним. Оно так сосредоточилось на своей жертве, что не заметило Сэма, покуда он не очутился слишком близко. Когда он, запыхавшись, подбежал к страшному месту, Фродо был уже весь опутан паутиной, и чудовище приподнимало его передними лапами, намереваясь тащить в нору. Разитель лежал рядом. Сэм не стал долго раздумывать: отвага, гнев или дружба движет им. Вскрикнув, он прыгнул вперед и, схватив Разитель левой рукой, кинулся в атаку. Никакая волчица не дралась бы яростней за своих детенышей, чем Сэм за труп своего друга. Крик его оторвал Шелоб от кровожадных мыслей, и на Сэма устремился тупой, свирепый взгляд. Несчетные годы ей не встречался такой противник. Не успела она удивиться, как сверкающий меч, ударив по лапе, отсек коготь. Сэм кинулся прямо в арку ее согнутых лап, одновременно вонзив меч в глаз чудовища. Голова дернулась, а глаз потускнел и залился противной слизью.

Теперь маленький враг был прямо под нею, его не достать было ни челюстями, ни когтями. Огромное брюхо нависало над Сэмом, он видел его мертвенное свечение и чувствовал удушливую вонь. Но у него еще хватило отваги нанести новый удар: прежде, чем Шелоб догадалась, что может раздавить его, он с отчаянной силой полоснул ее эльфийским клинком по брюху.

Однако Шелоб происходила не из породы драконов, и на ее теле не было других уязвимых мест, кроме глаз. Долгие века только закалили ее кожу, нараставшую изнутри слой за слоем. Клинок сделал на ней длинный надрез, но чтобы прорубить ее насквозь, нужен был либо еще лучший клинок, либо рука какого-нибудь из могучих героев древности. Шелоб дрогнула, почувствовав острую сталь, и огромный мешок ее брюха закачался у Сэма над головой, а рана тут же стала сочиться ядовитой пеной. Растопырив лапы, она стала опускаться, чтобы раздавить врага, но опоздала. Сэм, обеими руками держа рукоять Разителя, опер его о землю, и Шелоб всей мощью своей злобной воли, всей своей силой, более могучей, чем рука любого воителя, сама напоролась на острый клинок. И чем сильнее старалась она прижать врага к земле, тем глубже вонзался меч в ее мерзкую плоть.

Никогда еще за свою долгую кровавую жизнь Шелоб не испытывала ничего подобного. Ни один самый отважный воин Гондора, ни один самый дикий орк не вонзал оружия в тело, которое она так любила и берегла. Шелоб содрогнулась, привстала, стремясь избавиться от жуткой боли, подогнула свои огромные, вдруг ослабевшие лапы, и судорожно отпрыгнула назад.

Сэм упал на колени рядом с Фродо; голова у него кружилась от зловония, но руки не выпускали меча. Как сквозь туман он видел лицо друга и силился овладеть собою и отогнать дурноту. Медленно он поднял голову и увидел в нескольких шагах чудовище. Оно смотрело на него, капая ядом с челюстей и зеленой слизью из раненого глаза. Потом оно присело, распластавшись брюхом по земле, и приготовилось к новому прыжку – убить, растерзать непокорную тварь, причинившую ей такую боль!

Сэм тоже прыгнул, глядя прямо в свирепые глаза и не помышляя даже об отступлении. И тут внутри его снова прозвучал отдаленный голос, он понял незнакомые слова и левой рукой нашарил на груди холодный и твердый, истинно настоящий в этом мире страшных призраков звездный фиал Галадриэли.

– Галадриэль! – шепнул он и услышал голоса эльфов, странствующих под звездами в его родной Хоббитании, и музыку эльфов, слышанную в замке Элронда. И тогда он, как недавно Фродо, произнес слова, протянувшие нить между ним и обитателями Лориэна. В тот же миг словно исчезли какие-то злые чары, и он стал самим собою – Сэмом Скромби, маленьким садовником из Исторбинки.

– Ну иди сюда, скотина! – процедил он сквозь зубы. – Иди, иди, я рассчитаюсь с тобою за моего друга! Потом мы пойдем дальше, но сначала я разделаюсь с тобой. Иди сюда, я опять угощу тебя.

И, словно черпая силу в неукротимости его духа, Светильник запылал в его руке белым факелом. Он сиял как звезда, упавшая с неба, озаряя мрак нестерпимым блеском. Никогда еще Шелоб не видела ничего ужаснее. Свет невыносимой болью обжигал глаза. Она отпрянула, беспорядочно размахивая передними лапами, потом повернулась и поползла в свою темную нору.

Сэм продолжал наступать на нее, хотя его шатало, как пьяного. А Шелоб перепугалась не на шутку: она вся сжалась и вздрагивала, торопясь уйти от него. Она достигла норы и втиснулась в нее, оставляя за

собой след из темно-зеленой слизи. Сэм успел еще ударить по отставшей лапе и упал ничком.

Шелоб исчезла. Погибла она в своем логове или медленно залечила раны – больше о ней никто никогда не слышал. Сэм остался один. Изнемогая от усталости, в сумерках, спускающихся над Неназываемой Страной, он подполз к своему другу. – Фродо, Фродо! – позвал он, но тот не отвечал.

Когда, вырвавшись из подземелья и радуясь свободе, он бежал по тропе, Шелоб нагнала его и ужалила в шею. Теперь он лежал бледный, не шевелясь, ничего не видя и не слыша.

– Фродо, милый Фродо, – повторял Сэм и долго прислушивался, но не слышал ни звука в ответ. Тогда он торопливо разрезал паутину, опутывавшую Фродо, и прижался ухом к груди. Там не было ни трепета жизни, ни биения сердца. Долго растирал он руки друга, часто дотрагивался до его лба, но они оставались холодными.

– Фродо, друг мой! – всхлипнул он. – Не оставляйте меня одного здесь! Это я – Сэм. Не уходите от меня! Очнитесь, Фродо, дорогой мой! Очнитесь же!

Потом его охватил гнев, и он заметался вокруг, размахивая мечом и выкрикивая несвязные угрозы. Но силы быстро иссякли, и он очнулся. Наклонившись, он снова вглядывался в лицо Фродо, и вдруг понял: он видел эту картину в зеркале Галадриэли, в Лориэне – бледного Фродо, лежащего среди скал. – Умер! – прошептал он. Не спит, а умер!

Эти слова словно усилили действие яда. Ему показалось, что на бледном лице друга проступил зеленоватый оттенок.

Волна отчаяния захлестнула его. Охватив голову руками, он вскрикнул и потерял сознание.

Когда он очнулся, было темно. Минуты или часы прошли в беспамятстве – неизвестно. Он был на том же месте, и Фродо все так же лежал рядом с ним – мертвый. Горы не обрушились и земля не разверзлась под ним.

– Что мне делать, что делать? – простонал он. – Неужели все было напрасно? Что мне делать? Бросить его здесь и возвращаться домой? Или продолжать путь?

– Продолжать? – повторил он, сильно вздрогнув. – Я? Мне? – и тогда, наконец, он заплакал и плакал долго. Потом уложил Фродо, как должно, сложил ему руки на груди и завернул тело в серый плащ; справа положил свой меч, слева – посох, подарок Фарамира.

– Мне ведь надо идти, Фродо, – словно извиняясь, сказал он, – так я, с вашего разрешения, возьму ваш меч, а вам оставляю свой, и ваша прекрасная кольчуга пусть будет на вас. А Светильник вы отдали мне, пусть будет у меня, я ведь иду туда, где всегда темно. Оно, конечно, это ваш подарок, он слишком хорош для меня, но, может, Галадриэль простит меня, и вы тоже поймете, правда? Я должен идти.

Но оставалось еще самое главное. Он встал на колени и долго держал Фродо за руку. Время шло, а он никак не мог побороть смутение в сердце. В какую-то минуту ему хотелось одного – мести. Если он уйдет отсюда, то гнев проведет его по всем дорогам мира и поможет отыскать Горлума. И тогда Горлум умрет. Но не для этого же они когда-то вышли из Хоббитании. Это не вернет Фродо. Ничто не вернет. Лучше бы им умереть обоим. Взгляд его остановился на блестящем клинке меча. Он отрешенно подумал о быстрой смерти. Но и это не было выходом. Это значило бы не сделать ничего. – Но что же тогда? – в муке вскричал он, и на этот раз ему послышался твердый ответ: «Делай свое дело. У тебя один путь, самый одинокий из всех». – Как я найду эту проклятую огненную пропасть? – снова выкрикнул он. – Как? Я же не могу взять Кольцо! Оно дано ему Советом...

Ответ пришел немедленно: «Совет дал ему спутников, чтобы исполнить миссию. Ты – последний из отряда. Миссия должна быть исполнена.»

– Я не хочу быть последним! – простонал он. Хоть бы Гэндальф со мною был или еще кто-нибудь. Зачем я остался один? Зачем я должен решать? Я же не Мудрый, я ошибусь. И не годится мне брать Кольцо и выставляться перед всеми.

«А ты и так не выставляешься, – ответили ему. – Ты выставлен. Так же, как Фродо, как старик Бильбо. Они не сами выбирали себя».

– Ну хорошо, ладно, я должен решить сам. Я и решу. Только в одном я все равно уверен: это будет конец Сэму Скрамби.

«Что ж, посмотрим. Если они найдут Фродо, и Кольцо будет с ним, то Враг возьмет его. А это будет конец для всех: для Лориэна, для Раздоло, для Хоббитании, для всего Средиземья. И медлить нельзя. Иначе все равно будет конец. Война уже началась».

Сэм вздохнул. – Ну и что? – подумал он. – Я же не могу взять Кольцо без спросу. Буду сидеть здесь и ждать, пусть приходят и убивают меня над телом Фродо и берут Кольцо. Но ведь так же нельзя, – возразил он сам себе. – Значит, надо его взять.

Он наклонился. Осторожно и нежно отстегнул застёжку у ворота Фродо и просунул руку под куртку; потом, приподняв голову друга, он поцеловал его в холодный лоб, осторожно снял цепочку и тихонько уложил его голову обратно. Ничто не дрогнуло в спокойном бледном лице, и это яснее всяких других признаков сказало Сэму, что Фродо мертв, и что его путь окончен.

– Прощайте, дорогой друг! – прошептал Сэм. Простите меня. Я вернусь, когда сделаю свое дело, если смогу. И тогда уже не покину вас. Если бы я мог попросить Галадриэль, я хотел бы вернуться сюда и найти вас. Прощайте! – Он надел цепочку себе на шею, и тотчас же тяжесть Кольца пригнула его голову к земле, словно на шее повис большой камень. Но – либо тяжесть уменьшилась, либо в нем родилась новая сила – он медленно поднял голову, потом с усилием встал, и увидел, что может идти со своей ношей. И снова он поднял эльфийский Светильник и взглянул на своего друга. Теперь свет был мягкий и спокойно озарял бледное и прекрасное, как у эльфа, лицо Фродо. Сэм отвернулся, спрятал фиал и побрел, спотыкаясь, в сгущающемся мраке.

Идти ему было недалеко. Туннель был позади, перевал – ярдах в двухстах впереди. Тропа была хорошо видна в сумерках – глубокая колея, выбитая в камне ногами орков за множество лет. Вдруг она резко сузилась, сменившись длинной лестницей с широкими плоскими ступенями. Башня была прямо над Сэмом, светясь красным глазом окна.

– Я решился, – повторял себе Сэм, но на самом деле решимости в нем не было. Хотя он и старался действовать разумно, но сейчас все шло как-то не так. – Может, я ошибся? – пробормотал он. – Но что же мне еще оставалось делать?

Крутые стены перевала смыкались вокруг него. Прежде чем перевалить седловину, прежде чем сделать шаг по земле Мордора, он обернулся и взглянул назад. Вдалеке еще виднелось черное пятнышко туннеля, он видел или угадывал место, где оставил тело Фродо. Ему даже показалось, что там различается какое-то мерцание, а может, это были слезы в глазах... – Если бы мне только вернуться и найти его, – вздохнул он. Потом, наконец, тряхнул головой и сделал несколько шагов, самых тяжелых в своей жизни.

Только несколько шагов он и сделал. И тут же замер на месте. Спереди, со стороны перевала, слышались голоса орков. В то же время послышался топот и возгласы сзади. Сэм обернулся и увидел красные огоньки факелов, появившиеся из туннеля. Значит, за ним охотятся. Значит, красный глаз башни был зрячим! Колеблющийся свет факелов и лязг оружия были совсем рядом. Через минуту они будут на вершине и увидят его. Он слишком долго раздумывал! Еще не отдавая себе отчет, он нащупал цепочку на шее. В тот момент, когда первые орки появились на перевале, прямо перед ним, он надел Кольцо.

Мир изменился, и в один короткий миг вместились множество мыслей. Сэм сразу же ощутил, что слух у него обострился, а зрение, наоборот, затуманилось. Все вокруг сделалось смутным, а сам он стоял в этом туманном мире, как плотная черная скала, и Кольцо, оттягивавшее руку, было словно шар из раскаленного золота. Не невидимым он чувствовал себя, а наоборот – единственно видимым. И еще он знал: где-то пробудилось Око и ищет его.

Он слышал ропот ручья далеко внизу, в долине Моргула, он слышал жалобное бульканье Шелоб, с трудом пробирающейся в подземных переходах, слышал оглушительный топот и пронзительные крики орков впереди. Он отшатнулся, прижался к утесу. Они прошли мимо, как отряд призраков, как туманные серые фигуры страшного сна, и в руках у них были бледные язычки пламени. Сэм весь обратился в слух. Отряды увидели друг друга и с криками бежали навстречу. Он ясно слышал и тех и других и, благодаря Кольцу, понимал их речь. Конечно, сила Кольца возрастала по мере приближения к месту своего

рождения. Но Сэм тут же убедился, что смелости ему не прибавилось. Он стоял, думая только о том, где бы спрятаться, стоял и слушал.

– Эй, Горбаг! Ты что тут делаешь? Надоело воевать, да?

– У меня приказ. А вот ты что тут делаешь, Шаграт? Надоело ждать наверху? Хочешь спуститься и подраться?

– У меня тоже приказ. Я стерегу этот проход. Так что говори со мною повежливее. Ну, что ты мне скажешь?

Его собеседник не успел ответить.

– Хай! Хай! Хай! – послышались громкие вопли. Орки внизу увидели что-то. Они побежали туда, остальные за ними. – Хай! Гей! Тут что-то есть! Лежит прямо на дороге! Лазутчик! Лазутчик! – все покрыл гнусавый звук рога и хриплый галдеж.

Сэм резко вздрогнул. Он больше не думал о том, где бы спрятаться. Орки нашли Фродо. Что они с ним сделают? Он слышал рассказы, от которых кровь останавливалась в жилах. Все сомнения и страхи разом исчезли. Он знал теперь, где его место, и по лестнице, а потом по тропе поспешил обратно к Фродо.

– Сколько их там? – спросил он себя. – Из башни – никак не меньше сорока, а снизу и того больше. Интересно, скольких я смогу уложить, прежде чем меня убьют? Интересно, сложат ли когда-нибудь песню о том, как пал Сэм на тропе в Мордор, окружив мертвого друга грудой вражеских трупов? Нет, песен не будет, ведь если они найдут Кольцо, песен вообще больше не будет. Но мое место все равно там. Они должны понять, Элронд, Совет и все мудрецы со своей мудростью. Их замыслам не суждено сбыться. Не могу я быть носителем Кольца. Не могу, если со мною нет Фродо!

Орки были уже далеко. От изнеможения Сэм едва шагал. Куда они подевались в этом тумане? А-а, вот они, далеко впереди, склонились над чем-то, лежащим на земле, а другие шныряют туда-сюда, словно собаки, ищущие след. Он попытался прибавить ходу. – Иди, Сэм, – уговаривал он себя, – иди, а то опять опоздаешь. – Он проверил, легко ли вынимается из ножен Разитель. Сейчас он выхватит его и тогда... Но тут раздались громкие вопли, гиканье и хохот. – Я-хой! Э-хой! Живо! Коротким путем! Обратно, в Нижний Ход! Сегодня ее нечего бояться!

Толпа орков зашевелилась. Последние четверо несли на плечах чье-то тело. – Я-хой! Живей! Живей!

Они уносили труп Фродо. Они ушли. Они уже достигли туннеля и вошли в него. Те, что несли тело, вошли первыми, а позади началась суматоха и свалка. Сэм кое-как ковылял вслед. Он обнажил меч, голубовато сиявший в его дрожащей руке, но пока он добежал, последний орк исчез в черной дыре.

На мгновение Сэм остановился, задыхаясь и хватаясь за грудь. Потом провел рукой по лицу, стирая грязь, пот и слезы. – У-у, гнусная мразь,! – крикнул он и прыгнул в темноту.

Туннель не казался ему темным: скорее было похоже, что из редкого тумана он вступил в густой. Несмотря на огромную усталость, воля его крепла. Сэму казалось, что он видит факела далеко впереди, но как он не спешил, расстояние между ними сокращалось медленно. Орки ходят в темноте быстро, почти бегом, к тому же, они прекрасно знали этот туннель. Несмотря на Шелоб, этим кратчайшим путем между горами и мертвой крепостью часто пользовались. Вокруг логова было прорыто множество обходных коридоров. В эту ночь орки не собирались далеко обходить убежище Шелоб. Они спешили к своей сторожевой башне на утесе. На ходу они галдели и перекликались по привычке своего племени. Сэм слышал их грубые голоса, резкие и хриплые в мертвом воздухе, и мог различить среди них два самых громких и самых близких к нему. Начальники обоих отрядов шли позади всех, ворчливо беседуя.

– Прикажи своим ребятам не орать так, Шаграт, – говорил один. – Нам совсем ни к чему встречаться с Шелоб.

– Заткнись, Горбаг, твои шумят ничуть не меньше, – ответил другой. Пусть забавляются! А о Шелоб не беспокойся. Похоже, она села на гвоздь, но мы об этом плакать не будем! Разве ты не видел следы? Так что пусть посмеются. Наконец-то мы раздобыли кое-что нужное там, наверху.

– Так эта дохлятина нужна там? А что оно такое, по-твоему? Похоже на эльфа, но не эльф. Оно что,

опасное?

– Ого! Значит, тебе не сказали, в чем дело? Нам ничего не говорят.

– А ну тихо, Горбаг! – Шаграт понизил голос настолько, что даже странно обострившийся слух Фродо едва улавливал его. – У них глаза и уши повсюду, даже среди моих, я уверен. Я знаю только одно: они чем-то встревожены. И назгулы внизу и те, наверху, тоже. Что-то чуть не сорвалось!

– Чуть не сорвалось, ты говоришь? – переспросил Горбаг.

– Да. Только давай-ка отложим разговор, – сказал Шаграт. – Подожди, вот выйдем на Нижний Путь, там есть место, где поболтать.

Неожиданно Сэм перестал видеть свет факелов. Раздался рокот и вслед за ним – глухой стук. Похоже было, что орки свернули в тот самый тупик, где были и они с Фродо. Он и сейчас был тупиком.

Дорогу перекрывал огромный камень, но орки каким-то образом миновали его, Сэм слышал их голоса по ту сторону. Они продолжали углубляться в толщу горы. Сэма охватило отчаяние. Тело его друга уносили с какими-то черными замыслами, а он не мог этому помешать. Он тянул и толкал камень, бросался на него всем телом, но камень не шелохнулся. Потом, словно совсем рядом, он услышал голоса обоих предводителей. Сэм припал ухом к камню, надеясь узнать хоть что-нибудь, полезное для себя.

– Нет, не знаю, – послышался голос Горбага. – Слухи летят быстро. Гррр! От этих назгулов у меня мороз по коже. Они враз сдерут с тебя шкуру и бросят в темноте, как падаль. Но ему они нравятся. Они сейчас Его любимцы, так что ворчать бесполезно. Говорю тебе, служить внизу неинтересно.

– Попробовал бы ты наверху, – заметил Шаграт. – Вдвоем с Шелоб.

– А по мне лучше бы ни там, ни там. Война началась. Когда она кончится, будет просторнее.

– Говорят, все идет успешно...

– Посмотрим, – проворчал Горбаг, – посмотрим. Если она пойдет хорошо, то места будет больше. Что ты скажешь, если нам с тобой податься куда-нибудь с надежными ребятами, куда-нибудь, где добычи много и нет никаких начальников?

– Ха! – сказал Шаграт. – Как в старые времена...

– Ага, – ответил Горбаг. – Только вряд ли... Мне почему-то тревожно. Я уже сказал, Верхние... – голос у него понизился до шепота, – да, и даже самый Верхний, они могут ошибаться... Ты говоришь, что-то чуть не сорвалось? А я говорю – сорвалось-таки! И нам велено смотреть в оба. Всегда так: кто-то прохлопал, а исправлять бедным урхам, и благодарности не дождешься. А враги, между прочим, ненавидят нас ничуть не меньше, чем Его, и если Он проиграет, нам тоже конец... Да, кстати, когда вам приказали выступить?

– С час назад, примерно. Мы получили известие: назгулы встревожены, на Лестнице лазутчики, удвоить охрану. Мы сразу же вышли.

– Плохо дело, – сказал Горбаг. – Наши Безмолвные Стражи тоже забеспокоились, только дня два-три тому назад. Но мне никто ничего не приказывал. Сказали это оттого, что Верхний назгул отправился на войну. А теперь наверху не обращают на нас внимания.

– Должно быть, Око было занято, – предположил Шаграт. – На Западе происходит что-то важное.

– Говорят! – прорычал Горбаг. – А тем временем враги поднялись по Лестнице! А ты где был? Тебе полагается охранять их, верно? А ты что делал?

– Не учи меня! Мы все время следили и знали, что происходит что-то странное.

– Странное?

– Да. Свет, крики и все такое. Но Шелоб была настороже. Мои ребята видели ее. Видели и ее лазутчика.

– Ее лазутчика? А это еще что такое?

– Ты должен был видеть его: черный такой, тощий, похож на лягушку. Он уже бывал здесь. Несколько лет назад он вышел оттуда сверху, и нам было велено пропустить его. С тех пор он приходил еще один или

два раза, но мы его не трогали, кажется, у него есть какое-то соглашение с Ее милостью. Должно быть, он невкусный, а то бы никакие приказы Сверху ей не помешали. И он побывал здесь за день до того, как начался весь этот шум, а ваша стража в долине его не заметила. Мы видели его прошлой ночью. Ребята сообщили, что Ее милость забавляется, и я был спокоен, пока не пришло это известие. Я думал – ее лазутчик принес ей игрушку, или ты прислал пленника в подарок, или что-то еще в этом духе. Я никогда не мешаю ей забавляться. Если Шелоб вышла на охоту, от нее ничто не ускользнет.

– Ничто, ты говоришь? Да разве у тебя глаз нету? Говорят тебе, то, что поднялось по лестнице, ускользнуло-таки. Оно порвало паутину и вышло из норы. Ты об этом подумай!

– Но она же поймала его в конце концов!

– Поймала? Кого? Этого, что похож на эльфа? Но если бы он был один, она бы давно уже утащила его в нору, и он висел бы сейчас у нее в кладовой. А если бы он понадобился наверху, принести его пришлось бы тебе. Хорошенькое для тебя было бы дело, а? Но он был не один!

Тут Сэм стал слушать внимательно.

– Кто разрезал нить, которой она опутала его? Тот же, кто прорезал паутину. Разве ты не видел этого, Шаграт? А кто воткнул булавку в Ее милость? Он же, конечно. А где он? Где, Шаграт?

Шаграт не ответил.

– Подумай хорошенько, если умеешь. Это не шутки. Никто, слышишь ты, никто и никогда не втыкал ничего в Шелоб, и тебе это хорошо известно. Если она ранена – это ее дело. Но подумай: здесь бродит на свободе кто-то опаснее всякого мятежника в недоброе старое время Великой Осады. Что-то сорвалось-таки!

– Так что же это такое? – прорычал Шаграт.

– Судя по всему, доблестный Шаграт, это какой-то могучий воин, скорее всего – эльф, – во всяком случае – с эльфийским мечом, а то и с топором в придачу. И он разгуливает здесь свободно, а ты так и не заметил его. Смешно, право! – Горбаг сплюнул, а Сэм мрачно усмехнулся, услышав, как его расписывают.

– Э, что там! Ты просто боишься, – беспечно ответил Шаграт. – Ты, конечно, умеешь читать всякие там знаки, но толковать их можно по-разному. Как бы то ни было, я расставил повсюду стражей и намерен заниматься только одним делом за раз. Когда я разберусь, что мы такое поймали, тогда и начну думать о чем-нибудь другом.

– По-моему, тебе с этого пленника мало толку, – сказал Горбаг. – Может, он вовсе и не причем во всей этой суматохе. Тому, большому, с мечом, он был вообще без надобности, вот он его и бросил на дороге. Что с ним можно сделать? Ты только не забудь: я его первым увидел. Если забава, то в ней должны участвовать и мои ребята.

– Грр! – прорычал Шаграт. – Но, но! У меня приказ! Если он будет нарушен, ни твоей, ни моей шкуры не хватит расплатиться. Всякого, кто будет пойман стражей, надлежит отправить в башню. Все с пленника снять, ничего не оставлять. Сделать полную опись всех вещей: одежды, оружия, писем, колец, украшений и отправить наверх и только наверх. Самого пленника хранить живым и невредимым – под страхом смерти для любого из стражей – пока Он не пришлет за ним или не явится сам. Таков приказ, и я намерен его выполнять.

– Ничего не оставить, да? – усмехнулся Горбаг. – Ни зубов, ни ногтей, ни волос?

– Да нет же, говорят тебе! Он нужен наверху целый и невредимый.

– Трудновато же это будет сделать! – рассмеялся Горбаг. – Он сейчас просто падаль, вот и все. Не знаю, зачем он наверху, а вот для котла он в самый раз.

– Дурак! – взвизгнул Шаграт. – Говоришь ты складно, а ничего не соображаешь. Смотри, как бы тебе самому не угодить в котел или к Шелоб. «Падаль»! Сказал тоже! Разве ты не знаешь привычек Ее милости? Если она связала добычу, значит, это мясо. Живое мясо! Она не ест падали и не пьет холодной крови. Пленник жив.

Сэм зашатался. Ему показалось, что своды рухнули. Потрясение было так велико, что он чуть не

потерял сознания, и грохнулся бы в обморок, если бы не внутренний голос, отчетливо произнесший: «Дурак! Он жив, и твое сердце знало об этом. Не полагайся на голову, Сэм, это в тебе не самое сильное. Просто ты не умеешь надеяться по-настоящему, – вот в чем дело. А что теперь?» Но Сэм не мог ничего сделать сейчас, оставалось только припасть к холодному камню и слушать.

– Грр! – продолжал меж тем Шаграт. – У нее много разных ядов, когда она на охоте, она только куснет их в шею, и они станут мягкими, как рыба без костей, и она может делать с ними все, что угодно. Ты помнишь старого Уфтака? Он пропал, а через несколько дней мы нашли его в углу: он висел вниз головой, был в полном сознании и страшно злился. Ох, как мы смеялись тогда! Она, наверное, забыла про него. Мы, конечно, не стали его трогать, нельзя ей мешать. Ну, вот и этот пленник скоро очнется. Пожалуй, ему будет немного не по себе, но и только. С ним ничего не случится, во всяком случае, пока его не потребуют наверх.

– А что с ним будет дальше – не наша забота! – подхватил Горбаг. – Но уж если забавы не будет, мы хоть расскажем ему кое-что. Он ведь не бывал наверху, вот пусть и полежит, подумает, что его там ждет. Так будет еще смешнее. Пойдем!

– Никаких забав, говорят тебе! – разозлился Шаграт. – Его нужно беречь, иначе всем нам несдобровать.

– Ладно уж. Но на твоём месте я бы сначала изловил того, большого, что бежит на свободе, а тогда уж посылал сообщение. Вряд ли тебя похвалят, если узнают, что котенка ты поймал, а кота выпустил.

Голоса начали удаляться, они уходили. Сэм оправился от потрясения. Теперь в нем кипел гнев. – Я ошибся! – вскричал он. – Я так и знал, что ошибусь. А теперь они забрали его, гнусные твари! Никогда не расставаться с Фродо, никогда, никогда – так велел мне Гэндальф, так я и сам хотел. Эх, только бы мне поправить эту ошибку! Я должен вернуться к нему. Не знаю как, но должен.

Он снова выхватил меч и заколотил рукояткой по камню. Меч светился так яростно, что Сэм волей-неволей разглядел преграду. К своему изумлению, он увидел, что камень грубо обтесан в виде двери, примерно на высоту полутора ростов. Между верхним его краем и сводом оставался широкий промежуток. Наверное, дверь эту поставили, чтобы закрыть туннель от Шелоб. Собрав остаток сил, Сэм подпрыгнул, ухватился за верхний край двери, взобрался на нее и спрыгнул по ту сторону. Он сильно ударился, но тут же вскочил на ноги, и с пылающим мечом в руке стремглав кинулся по извилистому, ведущему вверх коридору. Известие о том, что Фродо жив, вселило в него новую надежду. Он ничего не видел впереди, но, похоже, нагонял обоих орков. Их голоса слышались все ближе.

– Именно так я и сделаю, – сердито говорил Шаграт. – Посажу его в самую верхнюю камеру.

– Почему? – прорычал Горбаг. – Разве мало у тебя подземелий?

– Его нельзя трогать, говорю тебе! – огрызнулся Шаграт. – Это драгоценность. Я не доверяю даже кое-кому из своих ребят, а уж твоим-то и подавно. Да и тебе тоже, если у тебя одни забавы на уме. Будет сидеть там, куда я его посажу. На самый верх, понял? Там он целее будет!

– Будет ли? – ухмыльнулся про себя Сэм. – Вы забыли о могучем эльфе, оставшемся на свободе. – Он обогнул последний поворот и увидел, что Кольцо, обострив слух, сильно подвело его.

Фигуры обоих орков были далеко впереди. Он видел их на фоне красноватого света. Коридор поднимался теперь прямо, а в конце его виднелись широко раскрытые двустворчатые ворота в нижний ярус башни, рог которой они с Фродо видели высоко вверх. Передние орки уже вошли туда со своей ношей. Горбаг и Шаграт тоже подходили.

Сэм услышал взрыв хриплого пения, звук рогов, звон гонга, целую какофонию звуков. Горбаг и Шаграт были уже на пороге. Тогда он закричал, размахивая мечом, но в жутком шуме его никто не услышал. Огромные ворота захлопнулись с глухим звуком. Лязгнули железные засовы. Ворота были заперты.

Сэм кинулся на них, ударился о тяжелые кованые створы и без чувств упал на землю.

Он был во мраке – снаружи. Фродо был внутри, живой, но в плену.